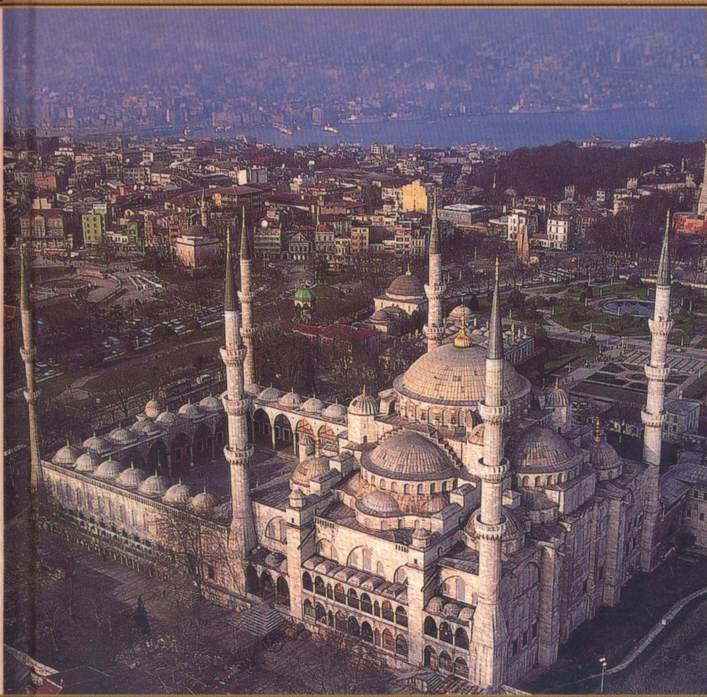

СТАМБУЛ • НАДЕЖДА
ИОНИНА

ТАЙНЫ
ЗНАМЕНИТЫХ
ГОРОДОВ

НАДЕЖДА ИОНИНА

СТАМБУЛ

История. Легенды. Предания

ТАЙНЫ
ЗНАМЕНИТЫХ
ГОРОДОВ

НАДЕЖДА ИОНИНА

СТАМБУЛ

История. Легенды. Предания

Москва
Вече
2007

Ионина Н.А.

И75 Стамбул. История. Легенды. Предания / Надежда Ионина. — М.: Вече, 2007. — 384 с., ил. (Тайны знаменитых городов).

ISBN 978-5-9533-1832-7

Книга Н. Иониной рассказывает о Стамбуле, бывшем Константинополе — столице Византийской империи. Этот город-музей знаменит своими культурными и историческими памятниками различных эпох, среди которых особо выделяются великолепный собор Святой Софии (ныне Айя-София), мечеть Сулеймана, Босфорский мост, протянувшийся через Босфорский залив и символизирующий добрососедские отношения между Европой и Азией, Ипподром — центр политических и спортивных событий античных времен и дворец Топкапы, прекрасно сохранившийся до наших дней.

ББК 63.3(5Туц)-7

ISBN 978-5-9533-1832-7

© Ионина Н.А., 2007

© ООО «Издательский дом «Вече», 2007

Из истории города

Введение

Византий, Константинополь, Стамбул — великий и величественный город, существующий во времени и пространстве вот уже почти 27 веков. «О Константинополе и его жителях на многих европейских языках написано людьми известными и учеными столько, что всякая новая книга об этом городе может показаться трудом излишним», — так еще в середине XIX в. писал А.И. Давыдов, автор «Живописных очерков о Константинополе».

Турциорусские люди посещают часто и охотно по разным причинам. Одни любят делать покупки на шумных стамбульских базарах, другие предпочитают отдохнуть у теплого и ласкового моря. Но и для тех, и для других знаменитый и всем известный Стамбул, полный восточного очарования, тем не менее представляется городом неизведанным, загадочным и таинственным. Не один раз разрушался он пожарами и землетрясениями, много страдал от набегов иноземных завоевателей и все равно оставался городом чудес и странностей, бедности и великолепия, благодетельствованным природой, возвеличенным людской деятельностью и одновременно униженным ею.

Своими величественными мечетями и великолепными дворцами, кипарисами и пленительными долинами, старинными башнями, остатками древних стен и, конечно же, голубым Босфором, который разделяет Стамбул на две части света, древний город поражает и пленяет путешественника, перенося его в мир волшебный и желан-

ный. Здесь каждый шаг ведет его к новым, порой нечаянным встречам с удивительным миром, и если вы что-то знали о Стамбуле раньше, он поразит вас своей невиданной стороной, так что вы словно окажетесь в одной из сказок «Тысяча и одна ночь». Ни один путешественник, впервые увидев открывающуюся перед ним панораму Стамбула, не сможет сдержать восхищенного вздоха...

Русского человека этот поэтический город Востока переносит к воспоминаниям пленительным, имеющим для нас особенное значение. В последние годы, как отмечалось выше, русские люди посещают Стамбул чаще всего по торговым делам, почти не проявляя никакого интереса к истории древнего Константинополя. Ни у Святой Софии, ни в султанских дворцах, ни в храмах и мечетях нечасто услышишь речь наших соотечественников. Здесь все больше англичане, французы, вездесущие немцы... Но хотелось бы напомнить, что прошлое этого города гораздо прочнее, чем настоящее, потому что русские паломники, отправляясь в прошлые века на Святую гору Афон или в Палестину, всегда посещали Стамбул. И привлекал их не современный город того времени, а город прошлого — бывшая столица Византийской империи и православного христианства, откуда пришли к нам наша вера и наша религиозная культура.

Для русского человека в Стамбуле священны даже развалины древних стен и крепостей, за которыми долгие годы укрывалась от натиска азиатских завоевателей родная и дорогая для нас цивилизация. В этих развалинах для русского сердца и сейчас много жизни... Причины, побудившие автора взяться за составление настоящей книги, заключаются в его желании как можно увлекательнее рассказать читателю об основных районах города, обо всех его редкостях и достопримечательностях. Причем не просто описать их архитектурные достоинства, а рассказать через легенды, предания и исторические события, совершавшиеся на улицах и площадях, во дворцах и храмах Константинополя—Царьграда—Стамбула...

Современный Стамбул чудесным образом сочетает в себе памятники двух цивилизаций, двух культур — византийской и турецкой. А фактов всякого рода (причем на любую тему) наберется столько, что хватит их не на одну книгу, — о нравах константинопольцев, о печальных и пагубных сторонах управления Византийской, а потом и Османской империями и т.д. Но иногда легенда говорит больше, чем простой факт или даже самая великолепная иллюстрация, а забавный анекдот лучше познакомит с существом дела, чем длинный ряд статистических цифр.

Все говорят, что Стамбул надо смотреть с моря. Но город так огромен, что ни с высоты башен, ни с самого высокого минарета, ни с моря весь его взглядом не охватишь. Стоя в одном месте, вы видите как будто все, но Босфор скрывается от вас; из центра вы не можете обозреть пленительных окрестностей Стамбула... Блистательный Джакомо Казанова, знаменитый авантюрист и обольститель, прославившийся на весь мир своими пикантными похождениями и скандальными выходками и повидавший много красивых городов, о Стамбуле писал так: «Город этот поражает. Нет в мире зрелища более прекрасного». А в октябре 1802 г. два английских путешественника поднялись над городом на воздушном шаре, обозрели все, что хотели, и благополучно спустились в Галате при огромном скоплении изумленных зрителей. Султан Селим III потребовал к себе смелых воздухоплавателей и спросил, каким им показался город. «Между небом и землей не бывало и не будет подобного зрелища», — ответили путешественники.

Древний Византий

Стамбул начинается практически от моря — от маяка Румели-фенери, который возвышается у входа в пролив Босфор, соединяющий Черное и Мраморное моря. На-

Маяк Румели-фенери

звание пролива происходит от двух греческих слов, означающих «бык» и «проход». Согласно мифам, через этот пролив переправилась вплавь Ио — дочь первого аргосского царя Инаха и возлюбленная Зевса.

Желая избавить ее от преследований суровой и ревнивой богини Геры, он обратил Ио в корову. Гера выпросила у Зевса прелестную белоснежную корову себе в дар и отдала стеречь ее исполину Аргусу... у которого было сто глаз. Из них постоянно сомкнуты были только два, другие же смотрели во все стороны. Днем он пас бедную корову и тщательно стерег ее; ночью же запирали ее и заковывали ее нежную шею в цепи. Бедная дева, сохранявшая человеческий разум и в превращенном виде, питалась древесными листьями и горькой травой, воду пила из мутной реки, спала на жесткой земле...

Но отец богов не мог смотреть на страдания возлюбленной Ио и повелел Гермесу убить исполина Аргуса. Покорный сын Зевса тотчас слетел с неба на землю. Сняв с себя сандалии с крыльями и окрыленную шляпу, он взял лишь свой волшебный прут и, наигрывая на своей пастушеской свирели (сиринге) прелестные напевы, погнал перед собой стадо коз — не遠далеке от Аргуса. С наслаж-

дением прислушался исполин к приятным звукам, а потом стал задавать собеседнику разные вопросы. Спросил он и о том, как была изобретена сиринга, и хитрый Гермес стал рассказывать ему затейливую историю. Во время своего рассказа он увидел, что все очи грозного стража закрылись, и серповидным мечом отрубил ему голову. Сто глаз великана Гера поместила на хвост павлина и, как блистающими звездами, украсила ими свою любимую птицу.

А потом выдумала для несчастной Ио новую муку. Она наслала на нее огромного овода, который своим жалом доводил бессловесную корову до безумия и гнал ее по всем странам земли — через Иллирию, дикие страны Скифии, Кавказа, страну амазонок, через Киммерийский Босфор¹, через все страны Азии...

Босфор — не широкий пролив; он идет извивами, и на каждом повороте разворачиваются все новые и новые картины — одна краше другой, так что и не описать словами. Когда в прежние времена к Константинополю подплывали на пароде, город сразу одарял всех великолепной панорамой. Слева (по азиатскому берегу) и справа (по европейскому) тянулась цепь живописных холмов, которые отлого спускались к проливу. Дикие и пустынные пространства, скалы, горы и овраги чередовались с селениями; на европейском берегу, кутаясь в пышной листве дубов, кипарисов и платанов нескончаемой вереницей высились деревушки, маяки, укрепления, замки и бесчисленные предместья с пышными виллами посольств и дворцами султанов.

Красивейшим заливом Босфора является бухта Золотой Рог, которая в древности называлась «Рогатый залив» из-за своей формы, напоминающей «рог изобилия». Берега бухты не так извилисты, как берега пролива; они об-

¹ «Босфор» буквально и означает «переход коровы». Название же «Киммерийский» (или «Фракийский») ему дано для отличия от Босфора Индийского.

Мост через пролив Босфор

разуют удобную гавань и для маленьких, и для больших судов. Гавань была очень чистая, потому что при устье не принимала в себя никакой реки, которая могла бы нанести в нее песок и тем возвысить дно. В горах, лежащих вдоль Босфора, нет ни одного потока; в окрестностях города были только ручьи, впадающие в Мраморное море. Речки же (их называли здесь «сладкими водами») впадают в гавань только в четырех милях от ее устья.

Бухта прикрыта почти от всех ветров. Зима здесь начинается не раньше декабря, снег, если временами и выпадает, держится всего несколько дней. Осень тянется долго и является лучшим временем года. Столь выгодное географическое положение всегда привлекало к этим местам внимание народов, которые жили здесь еще в доисторические времена.

Постепенно пролив Босфор превратился в важный торговый путь, а «Рогатый залив» — в поистине «Золотой Рог». На его берегу появились небольшие греческие поселения

и первые склады товаров, бухта стала известна мореплавателям и как место пополнения запасов пресной воды и продовольствия. Многочисленные суда со всего света везли сюда товары. Наряду с удобством расположения, порт Константинополя представлял для судов превосходную и совершенно безопасную стоянку. В Черном и Мраморном морях могли быть штормы, а в это же самое время на Босфоре и в бухте Золотой Рог волнение почти не замечалось. К тому же море здесь было так глубоко, что даже огромные корабли могли подходить почти к самому берегу.

Считается, что город начинался в 658 г. до н.э., когда на острове, расположенном между бухтой Золотой Рог и Мраморным морем, колонисты из Мегары основали свое поселение. Но еще задолго до них фракийцы возвели в этих местах город, а финикийцы — торговую факторию в деревне Моде (возле Халкидона), располагав-

Вид на Галату и Галатский мост

шейся на азиатском берегу Босфора. Когда здесь появились мегарцы, это была уже столица маленького государства, охватывавшего весь берег Босфора.

Множество легенд связано с историей выбора места для основания города. Одна из них гласит, что сначала мегарцы обратились за советом к оракулу, и он ответил, что город следует возводить «напротив слепых». Мегарцы под предводительством своего храброго вождя, охотника и воина Византа (сына бога Посейдона и нимфы Кероссы) прибыли к Босфору, и тот, увидев Халкидон, сказал своим спутникам: «Основатели этого города и есть те слепые, так как не поняли преимуществ Золотого Рога, предпочтя ему место, где построен Халкидон». Таким образом, местом, указанным оракулом, был Серайский мыс, где мегарцы и построили город, назвав его Византий — по имени своего вождя Византа.

Так повествует широко распространенная легенда, которую приводит в своих сочинениях древнегреческий географ Страбон, но существует и другая версия. Дельфийский оракул посоветовал мегарцам построить город на фракийском мысу, где в изобилии водятся олени и рыба. Прибыв в указанное место, Визант и его спутники расположились между устьями рек Кидарис и Барбисса. Воды их действительно были богаты рыбой, а в прибрежных лесах бегало много оленей. Когда колонисты начали приносить полагавшееся в таких случаях жертвоприношение, налетевший коршун схватил жертвенное животное и отнес его на конец мыса, вдающегося в Босфор. Находившийся неподалеку пастух указал Византу место, куда коршун отнес добычу. Все случившееся Визант и его товарищи восприняли как знак свыше и заложили город на холмистой оконечности Босфора.

Есть и другие легенды об основании Византия, но одно ясно без сомнения: греки населяли эти места, как указывалось выше, еще около VIII в. до н.э. Сначала в городе поселились рыбаки и торговцы, но выгодное

географическое положение привело к быстрому росту Византия, и вскоре он занял видное положение среди других греческих полисов. Однако жизнь новых поселенцев не была безмятежной, и грекам долгое время приходилось вести борьбу с местными племенами. Фракийцы нападали на поселения первых колонистов, а также на их суда, которые они пытались заманить в ловушку, для чего выставляли на берегах Босфора и Золотого Рога ложные сигнальные огни. К тому же они славились умением вести ночные бои, и это было тяжелым испытанием для греков. Иногда фракийцам даже удавалось захватить их поселения, но греки выстояли.

Жители обнесли свой город крепкими стенами, сложив их из огромных каменных блоков, увенчали их сторожевыми башнями и вырыли вокруг глубокий ров. Особенно мощными были стены со стороны суши, откуда в любой момент можно было ожидать нападения. Город, располагавшийся на границе Европы и Азии, много страдал от греко-персидских войн. Так, персидский царь Дарий во время своих военных походов переправился через Босфор в наиболее узком месте пролива, где тогда располагался храм Зевса. Персидское войско, переправлявшееся по мосту, составленному из судов, заняло Византий и его окрестности¹. Жители покинули город, который был разрушен до основания. Византий оставался в руках персов более десяти лет; здесь разместился сильный персидский гарнизон, контролировавший путь через проливы.

В битве при Платеях в 479 г. до н.э. персы были разбиты войсками 24 греческих городов-полисов, во главе которых стояли Афины и Спарта. Командовал войсками предводитель спартанцев Павсаний. Он приказал сделать на памятнике надпись, в которой приписал победу себе, но по требованию греческих полисов она была уничтоже-

¹ По другим источникам, византийцы сами признали владычество персов.

на. В заново сделанной надписи перечислялись все полисы, воины которых сражались при Платеях. В 478—477 гг. до н.э. во главе союзного греческого флота (50 кораблей) Павсаний завоевал большую часть острова Кипр, после недолгой осады освободил Византий и стал правителем города. В плен к грекам попали многие персидские вельможи, в том числе и царские родственники.

В дальнейшем борьба за Византий развернулась между Афинами и Спартой. Слава вскружила Павсанию голову, и он захотел власти над всей Грецией. Для достижения своей цели он пытался заручиться помощью персидского царя: вступив в тайные сношения с персами, он отпустил из плена знатных вельмож и завел переписку с персидским царем Ксерксом. Надменность и своеволие Павсания оттолкнули от него и от Спарты союзников-греков, а когда его отношения со Спартой сильно обострились, в ситуацию вмешались Афины. В 470 г. до н.э. их флот захватил Византий и присоединил его к Афинскому союзу городов, созданному в 477 г. до н.э.

Византий был совсем еще молодой колонией и мог бы не раз погибнуть во время междоусобных войн, например, когда македонский царь Филипп осадил город, оказавший помощь перинфянам. И тогда греки послали византийцам войско, которое и спасло их. В то время города Греции, разоренные и истощенные внутренними раздорами, находились в упадке. Только Византий сохранил былой блеск, благодаря своим крепким стенам, но в особенности своей политике — всегда держать сторону сильного.

С середины V в. до н.э. Византий превратился в наиболее оживленный порт на всем морском пути от Афин до Боспорского царства. А с конца столетия стал уже чеканить собственную монету со своей эмблемой — бык на дельфине.

Во время восточных войн римляне объявили город свободным, оставили ему его законы и земли, какими Визан-

тий владел на берегах Черного моря. Они оказывали всяческое покровительство византийцам, способствовали развитию их торговли, даже возвратили городу право взимать пошлину со всех судов, проходивших через Босфор. Город сохранял независимость несколько веков, но когда власть Рима в Средиземноморье стала безраздельной, византийцы лишились права взимать пошлину — важнейший для себя источник доходов. Со временем римский император Веспасиан подчинил своей власти провинции Ликий, Родос, Самос и др., и вольный Византий стал постепенно превращаться в римскую провинцию. В I в. в городе появился апостол Андрей, чтобы проповедовать христианство, и нашел здесь своих первых учеников.

Некоторое время Византий еще сохранял свое бывшее благополучие, но в 193 г., во время войны с Песценнием Нигром, римский император Септимий Север осадил город. Осада длилась два года, и в течение всего этого времени жители питались крысами, кошками и даже умершими людьми, но вели себя героически и мужественно. А женщины, например, обрезали свои волосы, чтобы делать из них тетиву для луков. Однако, несмотря на крепкие стены, город не выдержал голода и сдался. Септимий Север казнил многих защитников и отнял у Византия муниципальные права, чтобы наказать жителей за помощь его сопернику. Он снес городские стены, не подумав, что уничтожил самый крепкий оплот империи против нашествия азиатских народов. Правда, вскоре император одумался и, уступив просьбам своего сына Каракаллы, решил восстановить и благоустроить Византий. В городе были построены дворцы, портики, бани и другие сооружения. В то время Византий назывался Антонинией — по имени Антонина (приемного отца императора Марка Аврелия)¹.

¹ В Стамбульском музее хранятся обломки кирпичей с надписью «Антониния».

Император Константин Великий и основание Константинополя

В начале IV в. в Римской империи царствовали одновременно четыре государя: два кесаря и два августа. Царь Константин, которого впоследствии назовут Великим, владел Галлией, Испанией и Британией. И вот однажды он узнал, что царствующий в Италии император Максентий жестоко угнетает своих подданных и грабит их, а сам ведет жизнь распутную и замышляет убить его — императора Константина. В «Житии» его указывается, что император со сравнительно небольшой армией (что было весьма рискованно!) выступил против Максентия. Быстро перейдя через Альпы, он овладел Верхней Италией и приблизился к Риму. Вместо того чтобы оставаться под защитой Аурелианских стен, Максентий вышел из города и устремился на противника, находившегося на другом берегу Тибра. С военной точки зрения это была такая глупость, что император Константин воспринял свою победу как знак божественного благоволения.

Как повествует епископ Кесарийский Евсевий, император Константин, будучи еще язычником, перед взятием Рима обратился с пламенной молитвой к тогда еще неведомому ему Единому Богу, которого почитали христиане, и просил у Него небесной помощи для одоления врага. И вот когда солнце стало уже клониться к закату, императору явилось на небе знамение Креста Господня, изображенное звездами и сияющее ярче солнечных лучей, с надписью вокруг него латинскими буквами: *in hoc vince* («Сим побеждай»). Видели это знамение и воины императорской армии, и при виде креста на многих напал страх, ибо у язычников крест был предвестником всяких бед и даже казни. А смерть на кресте считалась самой страшной — уделом разбойников и злодеев.

Страх воинов передался и императору Константину, который не знал, что же знаменует собой явление креста. Но ночью во сне ему явился Сам Иисус Христос, который снова показал виденное в небе знамение и повелел: «Сделай изображение сего креста и повели носить перед полками; и не только Максентия, но и всех врагов твоих победишь». Проснувшись, император Константин призвал искусных мастеров и повелел им немедленно сделать крест, украсив его золотом, серебром и драгоценными камнями. А всему воинству своему приказал делать изображения креста на оружии, щитах и шлемах.

27 октября 312 г. при Красных утесах, располагавшихся примерно в 14 километрах от Рима, произошло решительное сражение, в котором войско Максентия было разбито. Сам он бежал и при переправе через Тибр погиб вместе с остатками своей армии. Так император Константин стал неоспоримым, единоличным правителем западной части Римской империи. Войдя в Рим с победой, он повелел поставить на высоком каменном столбе крест и сделать на нем надпись: «Спасительным сим знамением град сей избавлен от ига мучительского».

Задуманная императором Константином новая столица должна была находиться вдалеке от внутренних событий Римской империи, но в то же время она должна была быть защищена от нападения врагов. Император перебрал много мест возможного основания новой столицы, но особенное внимание его привлек древний Илион (Троя), откуда прибыл Эней, положивший начало римскому государству. Народ много раз хотел восстановить древний город, и тогда император Константин отправился в знаменитые места и лично определил очертания будущего города. Были уже поставлены городские ворота, однако римляне были недовольны тем, что император хочет основать там свою резиденцию в ущерб Риму. К тому же ночью, по свидетельству Созомена (христианского писателя V в.), Константину во сне явился Господь, повелев-

Крещение императора Константина

ший искать для новой столицы другое место. После этого Константин решил не отстраивать старый город, а послал много мудрых мужей в Азию, Ливию и Европу, чтобы избрали они место для возведения нового города.

Возвратившись, посланники более всего хвалили Македонию и Византий, и тогда император стал размышлять о месте для новой столицы. И был ему во сне голос: «В Византии подобает граду Константинову создатися». Так император окончательно остановил свой выбор на Византии, который своим выгодным расположением, своей торговлей и плодородными почвами отвечал всем

требованиям, которые можно предъявлять к столице. А своими семью холмами он был очень похож на Рим...

На другой день император Константин с матерью своей равноапостольной царицей Еленой отправился в Византий, взяв с собой жену Максимиллиу (дочь императора Диоклетиана), сына Константина, зятя Ликийя, двух братьев (Далмата и Констандиона) и их сыновей. В то время Византий, еще не оправившийся от учиненного Септимием Севером разгрома, был незначительным поселением и занимал лишь часть мыса, вдающегося в Мраморное море.

Существует много легенд об основании Константинополя. В одной из них, например, рассказывается, что император Константин расположился лагерем у того места, где заперся его соперник Лициний. Ночью императору во сне явилась знатная дама, которая вдруг превратилась в молодую, сказочно красивую девушку, и император возложил на нее знаки царской власти. Сон очень поразил Константина, и он решил, что в образе прекрасной женщины перед ним предстал город, которому он должен вернуть его прежнее величие и богатство. К тому же император тоже оценил выгодное местоположение Византия, располагавшегося на стыке Европы и Азии.

Когда прибыли на место, Константин приказал разметить место на три угла, в каждую сторону по семь верст, чтобы город мог расположиться между двумя морями — Черным и Мраморным.

Лишь только стали производить разметку, внезапно выполз из своей норы змей и пополз к месту, где производились работы. Но вдруг сверху спустился орел, схватил змея, поднялся с ним и скрылся из глаз. В воздухе змей обвился вокруг орла и одолел его, и пали они вместе на землю — на то самое место, откуда взлетел орел. Прибежавшие люди убили змея и освободили орла. Царь пришел в ужас от увиденного, а потом созвал мудрецов, чтобы они разъяснили ему это знамение. После некоторых размышлений те сказали:

«Место это называется Седмихолмием, и прославится оно и возвеличится во всей Вселенной паче иных городов. Но так как оно стоит между двумя морями, то будет бито морскими волнами и поколебимо будет, так как будет доступно нападениям врагов и поколеблется. Орел есть знамение христианское, а змей — знамение басурманское. И так как змей одолел орла, то басурманы впоследствии одолеют христиан. Но так как христиане убили змея и освободили орла, это знаменует, что напоследок христиане одолеют басурманов, возьмут Седмихолмие и в нем воцарятся».

Царь повелел записать слова мудрецов, а потом приказал спутникам своим разделиться, и одних послал измерять стены и башни. Другим он повелел измерять улицы и площади будущего города на римский манер, устраивать храмы Божии, царский дворец и дворцы вельмож, а также сооружать водопроводы.

По другой версии император Константин сам решил обозначить территорию города. Древнее предание повествует, что, взяв в руки копье, он возглавил торжественную процессию, путь которой повелел отмечать как границу будущего города. Император и его спутники стали совершать круговой маршрут, во время которого приближенные осмелились заметить, что город будет слишком велик. На это император Константин ответил, что будет идти до тех пор, «пока не остановится некто, идущий впереди». Так он решил продемонстрировать своему окружению, что его действиями руководит высшая сила.

Церемония освящения и закладки городских стен состоялась в воскресенье 8 ноября 324 г. Вокруг пяти холмов император повелел возвести стены; затем внутри них были возведены дворцы, церкви, бани, водопроводы, фонтаны, форум, два больших здания для сената, два дворца для сокровищ. Все возводимые сооружения сто-

или императору Константину огромных средств, так как он стремился, чтобы новая столица превзошла своей красотой и великолепием древний Рим. По приказанию императора отовсюду свозили сюда для строительства и украшения города мраморные колонны разрушенных языческих храмов, лучшие статуи Рима и греческих городов (Коринфа, Афин и др.); лучшие скульптуры, ценные рукописи, церковную утварь, мощи святых. Эти богатства древнего мира, создававшиеся веками, превратили Константинополь в город-памятник, город-музей.

По прошествии некоторого времени царь с патриархом собрали всех священников, чиновников и множество народа и совершили молебен в честь Пресвятой Богородицы. Император передал город и его жителей в руки Царицы Небесной и сказал: «Ты убо, Всенепорочная Владычица, Богородица, человеколюбивая естеством сущи; не остави град сей достояния Твоего, но яко Мати христианскому роду, заступи, и сохрани, и помилуй его, наставляя и научая во все времена, яко человеколюбивая и милостивая Мати, яко да в нем прославится и возвеличится имя великолепия Твоего вовеки».

Посвятив город Пресвятой Богородице, император повелел воздвигнуть обелиск из красного порфира и поставить его на белый мраморный пьедестал. Между колонной и пьедесталом положили один из гвоздей, которыми было прибито к кресту пречистое тело Спасителя, и остатки чудесных хлебов, которыми Иисус Христос накормил 5000 человек. Благоговение императора Константина перед этим памятником было таким, что всякий раз, проезжая мимо колонны, он сходил с коня и приказывал своим спутникам делать то же самое.

В день освящения новой столицы, 11 мая 330 г., императорским эдиктом, вырезанным на мраморной колонне, город был назван Новым Римом. Но название это не прижилось, и город стал именоваться Константино-

полем, а вскоре и на медалях появилось название «Константинополь».

Но хотя перенос столицы произвел много изменений, новый город точно воспроизводил древний Рим. Все учреждения в нем, нравы, интересы и обычаи были римскими; Константинополь стал местом пребывания римских сенаторов. Кроме того, в нем предписывалось проживать богатым людям из провинций, причем им выдавались пенсии и определенная доля из общественных запасов продовольствия. Император заставил римских граждан, имевших владения в Азии, переселиться в Константинополь, если они не хотели потерять свои права на землю. Архитекторов, ваятелей, живописцев, плотников, каменщиков и других мастеров освободили от всех государственных повинностей. Тому, кто будет селиться в новой столице, были обещаны большие льготы и привилегии; переселенцам выдавали за счет казны хлеб, масло, вино, топливо...

В Константинополе ежедневно раздавалось 80 000 хлебов. Право на участие в этой раздаче жаловалось как награда за заслуги, однако в некоторых случаях оно превращалось в наследственное. Такого рода раздачи мало походили на те, которые производились в Риме в пользу бедных граждан, не имевших других средств к существованию.

Подобно Риму, новая столица была разделена на 14 районов, каждым из которых управлял куратор (или регионарх), имевший под своей командой диантелея (блюстителя порядка) и пятерых девтеревонтов (или топотеривтов) — ночных сторожей. В зелени садов утопали дворцы императоров и знати, десятки общественных зданий — одно краше другого! — украшали площади и улицы города. Старинная легенда повествует, что, когда император прибыл в город и захотел выстроить для себя дворец, он повелел развесить в разных частях города куски печенки. На другой день слуги стали осматривать их и увидели, что во всех кусках завелись черви. Кроме тех,

что висели у Адрианопольских ворот... В этом месте император и повелел возводить дворец, потому что здесь, стало быть, самый чистый воздух.

Огромная столица естественным образом распадалась на две части: восточную, в которой размещались центры политической, социальной и религиозной жизни, великолепные общественные и частные здания, и западную — где копошилось бедное, а потому беспокойное и опасное население города. На востоке Константинополя близко друг к другу размещались Большой императорский дворец и Ипподром; здесь же находились главные святыни Константинополя — храмы Святой Софии и Святых Апостолов. На западной стороне нельзя было увидеть ничего, кроме лачуг, нищеты и грязи. В восточной части Константинополя происходили все важнейшие события столичной жизни; на западе обыкновенно все было тихо и спокойно, но население именно этой части города играло главную роль во всех уличных беспорядках, мятежах и столкновениях партий Цирка.

Следует отметить, что как основание, так и характер и весь внешний облик Константинополя еще долгое время носили на себе смешанный языческо-христианский оттенок. Пока новые начала не успели окончательно вытеснить старые, античное и варварское, языческое и христианское сталкивались на каждом шагу и порождали самые причудливые явления (нередко уродливые). Так, императоры могли председательствовать на христианских соборах и вместе с тем фигурировать в роли великого понтифекса древнего язычества. Одна казна выдавала средства и новому христианскому духовенству, и старым жреческим коллегиям. Христианские церкви и языческие храмы с одинаковым усердием сооружались одними и теми же людьми. Изображения языческих богов, древних героев и мудрецов использовались и для украшения христианских святынь. Чисто античные уве-

селения (игры в цирках и театрах) по-прежнему были любимой потехой народа, несмотря на существование христианской религии. В бой легионы шли и со старыми орлами, и с монограммой Иисуса Христа, потому что то и другое пользовалось у солдат одинаковым уважением. Христианские проповедники часто украшали свои речи цветистыми оборотами из Эсхила и Демосфена, стихи Гомера и Эврипида звучали в проповедях рядом с изречениями святых апостолов и ветхозаветных пророков. Эти противоречия, конечно же, наложили свой отпечаток на новую столицу империи.

Ипподром

Огромное пространство к западу от нынешней Голубой мечети когда-то занимал древний Ипподром, устроенный в подражание римскому Большому цирку. Ипподром еще в 203 г. начал возводить император Септимий Север, а потом император Константин Великий прибавил к нему уступы, трибуны и другие сооружения, а портики украсил статуями. Возведение Ипподрома завершилось к 325 г., и в то время он имел форму подковы. Длина его достигала 400 м, ширина равнялась 180 м, и он мог вместить одновременно до 100—150 тысяч человек. Четыре огромных двери открывались в конце боковых стен; кроме них, на ступени амфитеатра выходили еще маленькие двери. С южной стороны, которая спускалась к морю, часть арены Ипподрома была приподнята при помощи высоких сводчатых стен. Она составляла полукруглую часть Ипподрома и называлась сфендоной.

Для новой столицы Ипподром должен был стать тем, чем был Большой цирк для Рима. Но довольно скоро его значение оказалось большим, и Ипподром стал играть важную роль в общественной жизни Константинополя. На нем стали происходить все важнейшие городские со-

бытия: здесь народ видел военные трофеи и пленных царей, здесь вновь избранный император впервые показывался народу, а потом встречался с ним. Поэтому император должен был иметь в Цирке особое помещение, где бы мог переодеться в официальные одежды перед выходом в свою ложу и где бы мог отдохнуть, так как игры иногда продолжались целый день. Со стороны, примыкавшей к Большому императорскому дворцу, к арене было обращено красивое двухэтажное здание с башнями (кафизма). В нем находились императорская трибуна и ложи сановников и сенаторов¹, которых император принимал перед празднествами².

Император появлялся на Ипподроме под громкие восклицания зрителей: «Взойди!». И он, действительно, восходил, словно солнце, окруженный блеском своих одежд и роскошью сопровождавшей его свиты. Император поднимался по ступеням, выложенным морскими раковинами, торжественно осенял народ крестным знаменем, после чего давал знак особому сановнику. Тот бросал на арену платок, что было сигналом к началу состязаний...

Над императорской ложей возвышалась башня, украшенная четырьмя конями, изваянными скульптором Лисиппом. По одной легенде, они были взяты императором Феодосием на острове Хиос, по другой — коней привезли из Коринфа в Рим, а оттуда в Византию. Кафизма не сообщалась ни с ареной, ни со ступенями Цирка, а только с церковью Святого Стефана, многие окна которой вы-

¹ Впоследствии на этом месте германским императором Вильгельмом II, посетившим Стамбул, был построен фонтан.

² Некоторые археологи (в том числе и русские), основываясь на событиях правления императора Феодосия II, утверждают, что императорская трибуна находилась не в центре кафизмы, а в ее восточном конце (то есть в части, прилегавшей к дворцу), и император прибывал на Ипподром прямо из дворца.

ходили на Ипподром. Придворные дамы, которые по этикету не могли сидеть с мужчинами во время публичных церемоний, следили за играми на Ипподроме из этих окон¹.

Под императорской ложей была устроена терраса в виде балкона, украшенная колоннами; на ней находилась другая трибуна, которую занимали телохранители императора. Называлась она «Пи» — из-за формы, напоминавшей греческую букву π. Две лестницы соединяли террасу с императорской ложей; во время больших праздников на этой платформе играли музыканты. Под «Пи», справа и слева, были портики, через которые колесницы выезжали на Ипподром.

В центре арены Ипподрома поднималась узкая и длинная терраса («Спина»), представлявшая собой вытянутое возвышение, вокруг которого по беговым дорожкам мчались во время состязаний колесницы. На Ипподроме каждый из императоров оставил памятник своего правления, и обширная площадь вскоре превратилась в прекрасный музей, а «Спина» являлась и своеобразной выставкой скульптур и памятников архитектуры. На ней стояли колонна императора Феодосия, Замурованная и Змеиная колонны и т.д.

Среди бронзовых и мраморных статуй «Спины» выделялись также человек, борющийся со львом; умирающий бык; колоссального размера Геракл (работа гениального Лисиппа — придворного художника Александра Македонского), большой палец которого был толще талии обыкновенного человека²; волк, борющийся с гиеной³; дикая лошадь, уносящий змею орел, чуть дальше — Адам и Ева, аллегорические статуи «Изобилие» и

¹ В этой церкви был убит император Лев Армянин.

² Копия с этой скульптуры украшала термы императора Карагаллы в Риме.

³ К подножию этой статуи разъяренная толпа однажды привязала императора Андроника.

«Голод», солдаты перед сражением... Стояли на «Спине» и статуи императоров (Грациана, Валентиана и Феодосия), и статуи награжденных наездников колесниц.

На Ипподроме был устроен и бассейн, в центре которого на вершине колонны стояла статуя императрицы Ирины. Чтобы защитить зрителей от солнечного зноя, над Ипподромом растягивали тент, подбитый пурпуром.

Остальная часть арены Ипподрома была окружена 30—40 рядами каменных ступеней, на которых сидели зрители. Ступени располагались амфитеатром, а над последним рядом вокруг всего Ипподрома шла легкая галерея, украшенная статуями. От ступеней арена отделялась рвом — чтобы охранить зрителей от диких зверей, а также предотвратить слишком яростные споры враждебных партий.

Сословные различия в том смысле, как они были развиты в Европе, со временем сделались совершенно чуждыми Византийской империи. В обществе гораздо больше значили богатство и образование, нежели происхождение и сословные привилегии. Наряду с потомками знатных родов, насквозь проникнутых античным мировоззрением, наряду с многочисленной и могучей бюрократией первая роль в столице нередко выпадала на долю пролетариата. Но пролетариат этот состоял не из бедных тружеников, а из совершенно праздных людей, получавших пропитание от правительства. Число таких пролетариев порой доходило до 100 000 человек.

Император Константин и его наследники были главными виновниками появления пролетариата. Как говорилось выше, желая как можно скорее увеличить численность населения новой столицы, они ввели даровые раздачи хлеба, вина, масла и других продуктов. И подобная мера отовсюду привлекала в столицу самых праздных и опасных людей. Константинополь почти с самого своего основания стал городом переворотов, тайных дворцовых убийств и уличных народных мятежей.

Сначала все важнейшие дела византийцы решали на народных собраниях, но потом времена эти прошли, и центр общественной жизни, как говорилось выше, переместился на Ипподром. Здесь оглашались императорские указы и приказы правителей, и собравшиеся встречали их гулом одобрения или неодобрения. Ипподром стал тем местом, где могли проявиться настроения горожан, для которых политические и церковные вопросы стояли на первом месте. Они всегда готовы были принять участие в любых смутах, и партии Ипподрома всегда имели в их лице готовую и страшную силу. Так случилось и в 532 г. — во время коронации императора Юстиниана. Но сначала мы кратко расскажем о внутренней обстановке в государстве, сложившейся к тому времени.

Партии Цирка

Античный человек (а византиец был его последним представителем) не мог жить без политики, без общественной деятельности, без партий. Каждый отдельный византиец, взятый сам по себе, не имел ни малейшего значения перед властью; лишенный законного представительства, он не мог даже высказать свои жалобы и обиды. Поэтому ему оставалось или молча страдать, или присоединиться к одной из партий Цирка, чтобы в известной степени приобрести возможность говорить, действовать и так или иначе влиять на ход общественных событий. В Риме к партиям Цирка принадлежали лишь те лица, которые принимали непосредственное участие в играх (владельцы колесниц и коней, возничие, всадники), поэтому все расходы на проведение игр ложились на императора или на городских магистратов. В Константинополе к партиям Цирка принадлежала большая часть горожан, поэтому все расходы падали на самих членов партии.

После основания Константинополя долго еще не прекращались такие зрелища, как борьба гимнастов; не были отменены ни борьба диких зверей, ни бои гладиаторов. В большие праздники на Ипподроме иногда несколько дней подряд шли состязания борцов, выступления жонглеров, фокусников и акробатов, представления дрессированных животных и т.д. Они сменялись театральными представлениями, комическими сценками, выступлениями танцовщиц...

В день соревнований или представлений были заполнены не только сидения Ипподрома, но любопытные забирались и на крыши соседних домов. А любопытным был весь город: богачи и бедняки, слабые и больные в такой же степени, как и здоровые; старики были не менее азартны, чем молодежь. Какой бы ни была погода, на Ипподром стекались с одинаковой готовностью и с одинаковым терпением выстаивали представления и состязания, продолжавшиеся не один-два часа, а большую часть дня. Холодный дождь и ветер были страшны не более чем летний зной. Причем случалось такое не только в самый день игр, но и накануне во всем городе не говорили ни о чем ином, как об играх.

Самым любимым зрелищем горожан являлись состязания на колесницах. Четыре колесницы разных цветов (зеленого, синего, красного и белого) вихрем проносились по арене Ипподрома, стараясь обогнать друг друга. Их стремительный бег продолжался недолго, и зрители, затаив дыхание, старались не пропустить ни одного мига, ведь в течение нескольких минут решался вопрос — колесница какого цвета одержит победу.

Имена лошадей и наездников были известны всем и у всех были на языке; зрители с точностью знали генеалогию лошадей и на основании этих сведений взвешивали их шансы на победу. Наездники были очень тщеславны и проводили жизнь в роскоши и богатстве, но если с кем-нибудь из них случалось несчастье, печаль была всеобщей. Так, все

искренне сожалели об участии одного возницы, который был раздавлен в 399 г. — накануне дня своей женитьбы.

К состязаниям на колесницах готовились заранее: подбирали лучших возниц, тренировали лошадей. Горожане внимательно следили за подготовкой к состязаниям: интересовались состоянием коней и живо обсуждали их достоинства и недостатки, приемы и умение возниц, их сильные и слабые стороны, горячо спорили о шансах на победу колесниц того или другого цвета. Возникали своего рода «спортивные партии», болевшие каждая за свой цвет. Сначала это были просто объединения болельщиков, но постепенно вокруг них стали складываться и общественные интересы зрителей. Объединения превратились в политические партии со своими выборными руководителями, кассой, общественными пристрастиями и антипатиями.

В Константинополе каждая партия была постоянной и строго определенной организацией и представляла собой громадную корпорацию, которая владела весьма значительной собственностью — движимой и недвижимой. «Красные» и «белые» состояли из жителей города, поэтому их называли «политиками». Члены этих партий сами по себе не могли играть самостоятельной роли и старались примкнуть к более могущественным цветам: «белые» к «синим», «красные» к «зеленым». Во главе каждой партии стояли особые начальники, игравшие видную роль в столичной жизни; они назывались демархами (или демократами), назначение их обычно зависело от императора. У демарха был помощник, которого тоже назначали власти. Надзор за домами и имуществом партий находился в руках особых чиновников, которые избирались самими партиями. Каждая имела свой архив и своего особого писца (архивариуса). В число постоянных чиновников партий входили и поэты, сочинявшие стихи, которыми партии в торжественных случаях приветствовали императора.

Все общественные увеселения (травя зверей, пантомимы, балеты, музыкальные и драматические спектакли и т.д.), как говорилось выше, устраивались партиями на собственные средства. Поэтому каждая из них имела собственный оркестр, свою балетную труппу и свой зверинец. Капельмейстеры, балетмейстеры, зрители зверинцев и герольды (глашатаи) тоже входили в число чиновников партий.

Каждая партия Цирка имела свою определенную политическую и церковную программу, так что никакое правительство не могло равнодушно относиться к этим силам, заявлявшим о своем существовании весьма решительным и чувствительным образом. Едва только становилось известно, что император покровительствует одной из партий, все сторонники правительства спешили примкнуть к цвету императорской партии, а оппозиция становилась на противоположную сторону. На одной стороне, таким образом, оказывались все преданные и привилегированные, на другой — недовольные и подавляемые.

Почетное положение императорской партии отражалось и на внешнем виде Ипподрома во время игр. Цвет императора занимал почетные места — по правой стороне императорской трибуны (вблизи сенаторских мест); противоположная сторона довольствовалась левой половиной. Но дело было даже не в этом: правительственная партия почти всегда действовала наступательно и вызывающе. Она пользовалась безнаказанностью, могла свободно угнетать и унижать своих противников, так как власть и суды были на ее стороне.

Представители противоположного цвета были врагами царствующего императора (иногда сторонниками прежней династии). Зачастую они были и сторонниками того религиозного движения, которое находилось в опале. Угнетаемая сторона на насмешки, оскорбления и насилие старалась ответить тем же, и тогда разгоралась

борьба, в которую втягивалось все население Константинополя. Вражда проникала во все слои и сословия общества, во все корпорации и семейства, дух партии отодвигал на задний план родственные и дружеские связи. Отцы и сыновья, мужья и жены, братья и сестры делались заклятыми врагами...

«Синие» и «зеленые»

Когда игры с дикими зверями сменились состязаниями колесниц, борьбой и сражениями, ров, отделявший арену от зрительских ступеней, был уничтожен. Вместо него выстроили стену, чтобы воспрепятствовать партиям Цирка кидаться друг на друга, потому что на Ипподроме нередко начинались народные мятежи, которые потом охватывали весь город. Трон самих византийских императоров часто содрогался от таких волнений, и были случаи, когда императоры по решению партий Ипподрома расставались не только с властью, но и с жизнью...

Важнейшими из партий были «синие» и «зеленые». Первые объединяли богатейших землевладельцев-аристократов, которые состояли, как правило, из старой греко-римской аристократии. Партию «зеленых» составляли богатые купцы, ростовщики и часть землевладельцев восточных провинций. Множество противоречий разделяло «синих» и «зеленых», и каждая партия хотела влиять на политику императоров. «Синие» были заинтересованы в том, чтобы государство брало меньше налогов с землевладельцев, а «зеленые» стремились уменьшить торговые пошлины и поборы. Позиции «синих» особенно крепки были в западной части (на Балканах), «зеленых» — на Востоке, где города были сильнее и богаче.

Различными были интересы партий и во внешней политике. «Зеленые» ратовали за то, чтобы императоры проводили активную политику на Востоке, завоевывали

бы там новые области и надежно охраняли восточные границы. «Синие» призывали императоров вести активную политику на Западе, раздвигать западные и северные границы и надежно защищать их от «варваров». В V в. борьба партий стала особенно острой, так как правительство, постоянно нуждавшееся в деньгах, уже не могло в своей налоговой политике удовлетворять одновременно интересы и земельной знати, и торгово-ростовщической верхушки. К тому же оно было уже не настолько сильным, чтобы проводить активную внешнюю политику и на Востоке, и на Западе.

К этому времени у партий Цирка были уже свои признанные вожди и организаторы, и в борьбе каждая из них стремилась привлечь зрителей на свою сторону. Богатые вожди партий тратили огромные средства на организацию зрелищ, подкупали неимущих зрителей, чтобы те поддерживали их. Как и всякая политическая борьба того времени, она приняла религиозную форму. «Синие» выступали под знаменем официального христианского учения; их противники поддерживали монофизитство, получившее широкое распространение в восточных провинциях. Византийская церковь оказалась расколотой на два враждующих лагеря.

Не всегда мирно складывались и отношения между партиями и царской властью, вооруженные столкновения нередко происходили и при императорском дворе. Каждая из партий стремилась посадить на престол такого императора, который бы действовал в ее интересах.

«Синие» и «зеленые» являлись группировками господствующих классов, но в борьбе партий принимал участие и простой народ, который тоже был заинтересован в уменьшении поборов с ремесел и торговли. Бурными событиями для Византийской империи был отмечен и VI век. Большая часть их пришлась на царствование императора Юстиниана — человека властного, крутого и полного энергии.

«Император, который никогда не спит», — говорили о нем современники. На престол его посадила византийская знать, увидев в нем правителя, который в своем стремлении к единству империи сможет укрепить положение государства.

Как только Юстиниан вступил на престол, «синие» стали буквально терроризировать остальное население империи. Прежде всего, их высокомерие выразилось в одежде: молодые люди повсюду появлялись с бородой, они стригли переднюю часть головы и запускали волосы на затылок, подобно гуннам. К тому же они носили осо-

бые плащи с непомерно широкими рукавами у плеч и очень узкими у кистей рук. Сапоги их и панталоны тоже были чрезвычайно похожи на гуннские. В таких костюмах молодежь расхаживала по улицам и площадям столицы с оружием в руках. Вечером они нападали на прохожих (особенно на «зеленых»), отнимали у них золотые вещи и деньги, а иногда снимали и одежду. Подобные грабежи нередко заканчивались тяжелыми ранениями и даже убийствами. Власть и суды стояли на стороне «синих»; жалобы на них или вовсе не принимались, или вели к крайне невыгодным процессам для самих истцов.

Горожане боялись выйти на улицу — особенно ночью. «Зеленые» прятали свои кольца и украшения и ходили только в самой старой одежде. Даже во время богослуже-

Византийский император
Юстиниан

ний в церквах происходили возмутительные преступления. Понятно, что и «зеленые» не оставались в долгу.

В честь коронации Юстиниана на 13 января 532 г. было назначено торжественное состязание на Ипподроме. В этот день к императорскому столу приглашались все военачальники, получившие высшие чины в своих отрядах. В присутствии императорского двора на них торжественно возлагали знаки примицериата (т.е. достоинства шефа). Но еще на 11 января, согласно старому обычаю, на Ипподроме должно было состояться и предварительное собрание состязавшихся партий — нечто вроде смотра в присутствии императора и государственных чиновников. На нем считалось дозволенным обращаться к императору с просьбами и жалобами, тем более что глухое брожение в партии «зеленых» к тому времени становилось все явственнее. Убийства и насилия всякого рода возросли настолько, что приобрели ужасающие размеры. И хотя императорские власти во всем обвиняли «зеленых», никто в публике не сомневался, что большая часть вины лежала на «синих».

Народная ненависть обратилась сначала против Каллоподия (начальника гвардии), который, видимо, занимал не последнее место и в полиции Константинополя. Желая выслужиться перед двором и правительственной партией, он систематически преследовал и мучил «зеленых». И до того возбудил их против себя, что они решили при первом же удобном случае пожаловаться императору¹. Делалось это опять же на Ипподроме в присутствии всех зрителей и гостей. Возражения и отказы императора только разжигали жалобщиков, и на насмешки и оскорбления из высочайших уст они отвечали той же монетой. В пылу увлечения они порой даже всту-

¹ Византийские императоры собственными законами гарантировали подданным право публичного принесения жалобы, а себя даже обязали начать в таких случаях расследование.

пали в спор с императором, отбрасывая в сторону не только уважение, но и простое приличие.

Едва только Юстиниан появился в своей императорской ложе, едва замолкли приветственные крики обеих партий, как «зеленые» начали свою речь: «Мы терпим несправедливость, и не в состоянии сносить ее долее. Бог видит наши страдания. Мы не решаемся назвать имена, боясь еще худшей участи». Долго еще перечисляли они свои обиды, однако император оставался глухим к их просьбам о справедливости, а потом гневно воскликнул: «Что вы пришли сюда — смотреть игры или поносить правителей?.. Если вы не замолчите, я сниму с вас головы». Председатель «синих» в свою очередь заявил, что одни только «зеленые» совершают убийства в Цирке. Перебранка между представителями партий, как водится, перешла в побоище, а потом и во всеобщий мятеж.

Император не поддался своему настроению на Ипподроме, но, возвратившись во дворец и посоветовавшись с вельможами и военачальниками, решился на уступку. Он захотел показать населению столицы, что стоит выше партий, и его карающая рука одинаково поражает провинившихся без различия их цвета. Константинопольский префект Эвдемон получил приказ совершить публичную экзекуцию над несколькими лицами, обвиненными в последних убийствах, — в их числе были представители и «зеленых», и «синих». Одни из них были осуждены на обезглавливание, другие — на повешение. Известие о столь необычном решении императора произвело настоящую сенсацию. Все спрашивали себя: неужели Юстиниан решился покарать представителей и той партии, которая считалась главной опорой трона?

Казнь была назначена на понедельник 12 января. Осужденных торжественной процессией провели через весь город в предместье Пера, где находилось лобное ме-

сто. Ожидаемое зрелище привлекло много народа, среди которого были представители обеих партий. Когда палачи начали вешать осужденных (одного «синего», другого «зеленого»), то веревки оборвались, и оба они упали на землю. Согласно обычаю, это рассматривалось как знак «воли Божией», и осужденных следовало немедленно помиловать. Однако Эвдемон приказал повесить их снова, и в толпе слышались крики сострадания. Когда осужденные сорвались с виселиц во второй раз, толпа уже не могла сдерживать себя и стала требовать милости для осужденных. Палачи вынуждены были отступить от своих жертв, и тех взяли под свое покровительство монахи соседнего монастыря Святого Конона, которые на лодке перевезли несчастных в город — в убежище Святого Лаврентия. Здесь те были в полной безопасности, так как никакая власть не могла коснуться их; они могли спокойно дожидаться помилования или найти удобный способ для бегства. Правда, последнюю возможность у них вскоре отняли — по приказанию префекта военная команда заняла все входы и выходы их убежища, и за преступниками был учрежден самый строгий надзор.

В отказе помиловать осужденных народ увидел очередной произвол властей, которые не хотели считаться ни с человеческими, ни с Божьими законами. Годами накапливавшееся недовольство прорвалось наружу и вылилось в восстание, которое было названо «Ника» («Побеждай!»). Мятежники начали поджигать правительственные здания, выпустили из тюрем политических заключенных; был сожжен архив, в котором хранились налоговые списки и долговые документы. Повстанцы громили дома знати, во многих районах Константинополя начался пожар: сгорели здания сената, часть строений на площади Августейон, бани Зевксиппа, церкви Святой Ирины и Святой Софии. В пламени пожара погибло большинство зданий на улице Меса — на отрезке от форума Констан-

тина до Большого императорского дворца. Восставшие уже готовились к штурму, но император Юстиниан пошел на уступки и сместил с должностей сановников, наиболее ненавистных горожанам. Однако мятежники не удовлетворились этим и потребовали смещения самого императора.

Юстиниан с самого начала восстания ни на минуту не покидал дворец. Переходя от страха к надежде, он постоянно совещался то с военачальниками и вельможами, то со своей энергичной супругой Феодорой. Наконец он бросил против восставших наемные войска, состоявшие из готов и герулов. А потом правительство собрало все силы, бывшие в его распоряжении, и 18 января отряды наемников с нескольких сторон ворвались на Ипподром, где восставшие в то время обсуждали дальнейшие планы, и осыпали их градом стрел. Повстанцы были застигнуты врасплох, и в их рядах началась паника. А потом началась резня, в которой было убито 35 000 человек.

Долгое время после восстания император Юстиниан запрещал устраивать в городе цирковые представления, и только через пять лет на Ипподроме возобновились состязания.

Со временем игры на Ипподроме стали устраиваться реже, а представления давались только по большим праздникам. После латинского завоевания Ипподром был совершенно покинут; все драгоценные предметы, украшавшие его, крестоносцы разрушили. Многие статуи (в том числе и бронзового Геракла) расплавили и отчеканили из них монеты. Сам Ипподром был завален кучами мусора, оставшегося от разрушенных ступеней. А потом наступило время, когда на этом месте стали строить дома. Часть развалин Ипподрома послужила Ибрагим-паше (визирю султана Сулеймана Великолепного) материалом для возведения здания Мехтер-хане, в котором еще в первой половине прошлого века располагалась тюрьма.

Императрица Феодора на троне

Французский писатель Шарль Диль в своем исследовании «Византийские портреты» писал, что почти в каждом веке «в империи, основанной Константином Великим, встречались женщины или царствовавшие сами, или, что еще чаще, полновластно распоряжавшиеся короной... Этим царицам принадлежало полновластие и торжество церемоний, в которых проявляется внешним образом блеск власти, и те торжественные акты, в которых сказывается реальная власть. Даже в интимной жизни гинекея (женской половины. — *Н. И.*) находишь следы всемогущества, которым законным образом пользовались византийские императрицы». В гинекее часто составлялись и заговоры, жертвами которых становились не только вельможи и влиятельные сановники двора, но и сами императоры.

В первые годы VI в. весь Константинополь заставляла говорить о себе актриса и танцовщица Феодора, выросшая и воспитанная в ядовитой атмосфере Ипподрома, где царствовали бесстыдство и публичный разврат. Отцом ее, по некоторым сведениям, был бедный человек по имени Акакий, по роду занятий являвшийся вожаком медведей в Цирке. Когда он умер, семья осталась в бедственном положении, и, чтобы сохранить за собой должность покойного (единственный заработок семьи), мать Феодоры — женщина нестрогая, как это часто случается в закулисном мире театра, — сошлась с другим мужчиной. Став преемником покойного по должности в Цирке, тот принял бы на себя заботу и о его семье, и о его животных. Чтобы расчет этот удался, нужно было согласие Астерия — главы партии «зеленых», но он уже был подкуплен представителями другого кандидата. И тогда мать Феодоры решила склонить на свою сторону народ.

Однажды, когда на Ипподроме собралось множество зрителей, она появилась на арене со своими тремя дочерьми, увенчанными цветами и простиравшими свои ручонки к народу. «Зеленые» только рассмеялись над их трогательной мольбой, но партия «синих», всегда готовая навредить соперникам, поспешила предложить семье Акакия должность, подобную той, какую она теряла.

Так Феодора (как и ее сестры) попала в сословие, которое по тогдашним понятиям и нравам считалось бесчестным и позорным. Главную роль в ее выступлениях и пантомимах играли соблазнительные позы и телодвижения, и вскоре красивая, хорошо сложенная Феодора затмила на этом поприще всех сверстниц. Слава о ней разнеслась по всему Константинополю; знатная, развращенная молодежь восторгалась ею и преследовала своими непристойными любезностями.

Вскоре Феодора превратилась в настоящую куртизанку: ее скандальные похождения, неутолимое сладострастие и циничное бесстыдство ужасали всех честных людей. Малейшая близость с ней считалась крайним позором, и порядочные люди избегали даже встречи с ней, потому что увидеть ее утром считалось дурным знаком. Однако возмутительная репутация не мешала Феодоре заманивать в свои сети самых знатных и богатых лиц, и многие вельможи и аристократы вступали в тайную связь с ней.

Став любовницей Гецебола (наместника в Сирии), Феодора вместе с ним уехала из Константинополя. Но вскоре рассорилась со своим покровителем (видимо, из-за непостоянства и неверности), и он выгнал ее из дома. Так начался самый трудный и, может быть, самый грязный период в жизни этой женщины. После долгих странствий и приключений она вернулась в Константинополь, где ее ожидала неслыханная, сказочная перемена судьбы.

Как состоялось знакомство Феодоры с Юстинианом — точно неизвестно, но она сумела совершенно оча-

ровать его. Юстиниан, тогда еще наследник престола, влюбился без памяти. Он взял ее в свой дом, осыпал подарками, возвел в патрицианское достоинство. Страсть ослепила его до такой степени, что он решил вступить в брак с Феодорой — брак, который во всех отношениях был неслыханным делом в Византийской империи. Актрисы и проститутки считались людьми бесчестными и недостойными, и брак с ними формально запрещался законами. Но Юстиниан нимало не смутился этим обстоятельством, хотя император Юстин (его дядя) и не решался дать согласия, не посоветовавшись со своей женой Лупицианой. Та была женщиной простой и грубоватой, но вместе с тем доброй и честной. Желание Юстиниана возмутило ее до глубины души; она не хотела давать согласия на постыдный брак, и племяннику по-

Императрица Феодора

неволе пришлось дожидаться смерти престарелой императрицы.

После кончины Лупицианы император Юстин, давно уже отвыкший от собственной воли, уступил настоянию племянника, и тот женился на Феодоре. Историк Прокопий Кесарийский, не находивший слов для выражения своего негодования, так писал об этом браке:

«Феодора сделалась женою Юстиниана, несмотря на свое низкое происхождение и на свой прежний образ жизни. Она вышла замуж за человека, который мог бы выбрать себе жену из знатнейшей фамилии, лучшего воспитания, строжайшей репутации и совершеннейшей красоты. Но он предпочел возложить на себя величайшее клеймо человеческого рода — соединиться с женщиной, запятнавшей себя, помимо разврата, и другими преступлениями, в том числе и убийством собственных детей».

Так думало и большинство населения Византийской империи, но никто не осмеливался открыто выразить свое негодование. Напротив, все спешили преклониться перед будущей императрицей, духовные и светские сановники наперебой выражали ей свою преданность. Граждане, когда-то видевшие ее публичный позор на сцене, теперь смиренно называли себя ее рабами. Даже солдаты заявляли о своей готовности жертвовать за Феодору жизнью.

Энергичная и еще более смелая, чем Юстиниан, она обладала острожным и ясным умом. У Феодоры в избытке было все, чего недоставало ее мужу и что обусловило ее господство над ним. Император был, в сущности, человеком слабым и бесхарактерным, Феодора — в высшей степени натурой решительной и энергичной. Юстиниан легко поддавался всякому влиянию, Феодора умела все подчинить своей воле. Неудивительно, что она гос-

подставала в Большом императорском дворце, и ее характер отразился на всем правлении Юстиниана.

К несчастью для Византийской империи, бывшая куртизанка принесла с собой на трон не только умственные дарования, но и свою в высшей степени испорченную натуру. В Феодоре вскоре стали проявляться и демонические свойства — алчность и непримиримая мстительность. Малейший повод зажигал в ней неугасимую ревность и злобу; вражда ее не знала границ, а жалила она подобно скорпиону.

Любимым обществом Феодоры-императрицы были куртизанки и актрисы. Так, танцовщица Македония, благодаря ей, пользовалась таким влиянием в Антиохии, что могла возвысить или уничтожить любого. Развратная и преступная Антонина (жена полководца Велизария) тоже была в числе влиятельных подруг императрицы. Взойдя на трон, Феодора стала разыгрывать роль нравственного судьи, неумолимо карая порок во всех его формах. Более 500 публичных женщин были схвачены по ее приказанию и заточены в монастыри. Многие из них, не свикшись со своим новым положением, покончили жизнь самоубийством, выбросившись из окон.

В то же время Феодора-императрица присвоила себе и какой-то неестественный контроль над семейной жизнью высшего общества. Жены, дурно жившие со своими мужьями, находили в ней самую ревностную покровительницу. Обвиняемые в нарушении брака, они всегда умели оправдаться перед Феодорой, и тогда начиналась расправа над их мужьями. Одних заставляли возвращать женам двойное приданое, других секли розгами, третьих сажали в тюрьмы. Любовники же этих женщин нередко получали награды и почетные должности.

Заключение браков в высшем обществе полностью перешло в круг интересов императрицы. Она сама назначала невест и женихов, так что никто не мог вступить в

брак по собственному выбору. Богатых и знатных людей принуждали жениться на заведомо распущенных женщинах, и горе было тому, кто осмеливался прекословить. Таких подвергали позорному телесному наказанию, а иногда и более худшей участи. Нередко несчастные искали убежища в церквах, и тогда их морили голодом до тех пор, пока не получали от них согласия на брак с женщинами низкого происхождения или самого постыдного поведения. Красота и невинность других возбуждали в Феодоре какую-то болезненную ненависть, словно она хотела всех до единого низвести до того уровня нравственной грязи, на котором еще так недавно стояла сама.

Другой чертой демонического характера Феодоры была ее не знавшая границ жадность. Правда, следует отметить, что в этом отношении супруги подходили друг другу как нельзя лучше. Оба постоянно нуждались в средствах: Юстиниан — для исполнения своих политических замыслов, Феодора — для покрытия расходов на роскошную и изнеженную жизнь. Богатые сенаторы один за другим подвергались опале, а имущество их забиралось в казну. Фальшивые завещания и другие документы подобного рода сделались постоянным средством обогащения императорской казны. Вымышленные заговоры и открытые восстания против правительства тоже были поводом к самым обширным конфискациям.

Страсть властвовать и повелевать заполняла все существо Феодоры, что выражалось и в окружавшей ее обстановке. Невиданный блеск и сказочное величие, пышные и неслыханные дотоле титулы должны были сопровождать ее имя во всех государственных актах. В своих грамотах Юстиниан именовал ее «Высокопочтенной, Богом дарованной нам супругой».

Раболепие и страх царствовали вокруг Феодоры, у ног которой пресмыкались патриции, сенаторы, вельможи и военачальники. Император Юстиниан, при всех своих

недостатках чуждый высокомерия и гордыни, был доступен для каждого. Даже самые заклятые враги отмечали в его обращении любезность и сдержанность. В Феодоре же властолюбие соединялось с неслыханной жестокостью и мстительностью. Постоянная и последовательная во всех действиях, она неизменна была и в своей злобе. По наущению других лиц она не преследовала никого — только по собственной инициативе. Осудив кого-нибудь на гибель, она непременно исполняла свой замысел, и никто не отваживался ходатайствовать за осужденных. Ни продолжительность времени, ни слезные просьбы, ни мысли о собственной смерти не смягчали ее ярость. Даже смерть врага не останавливала ее; тогда месть императрицы переходила на детей опального. Гнев Феодоры воспламенялся мгновенно, но никогда не угасал. Даже дворцовая прислуга, назначенная без ее ведома, платилась или позорным наказанием, или смертью.

Малейший проступок против императрицы становился поводом для судебного разбирательства, и назначалась следственная комиссия с целью погубить обвиняемого. Заседания происходили в присутствии Феодоры, и судьи соперничали друг с другом, изыскивая все новые улики и обвинения. Приговор составлялся по приказанию Феодоры, и после его вынесения несчастных ждали пытки, телесные наказания, заточение, изгнание или смерть. Личное расположение императора никого не спасало от интриг Феодоры. Так, Приск (секретарь Юстиниана), человек ловкий и безбожный, одно время пользовался расположением императора и за короткое время скопил себе громадное состояние. Но он не понравился Феодоре, и она решила погубить его. Юстиниан не мог устоять против жены, и Приск был сначала сослан в отдаленную провинцию, а потом насильно пострижен в монахи. Все имущество его было взято в казну...

Феодора знала все, что происходило в общественных местах и в частных домах, ибо в ее распоряжении нахо-

дились сотни шпионов. Если она хотела скрыть участь своих жертв, не было никакой возможности раскрыть ее тайну. Красивый юноша Ареобинд из свиты императрицы чем-то вызвал ее недовольство. И по приказанию Феодоры его сначала высекли розгами, а затем упрятали неизвестно куда. Иногда жертвы императрицы исчезали в страшных подземных тюрьмах дворца, иногда несчастных отправляли в ссылку. В последнем случае им связывали руки, надевали повязку на глаза, и младший командир императорской гвардии отправлялся с ними к месту ссылки на самой быстрой галере.

В некоторых случаях Феодора прибегала к публичному суду, при этом главным ее орудием были законы против безнравственности. Однажды знатнейший молодой человек неосторожно сострил насчет императрицы, а потом вынужден был укрываться в соборе Святой Софии. По настоянию Феодоры претор¹ начал против него процесс, обвинив юношу в педерастии. Его тотчас вытащили из храма и подвергли публичному бичеванию, а потом отрубили детородные органы, после чего несчастный истек кровью.

В таком же преступлении обвинили и некоего Диогена, пользовавшегося расположением императора Юстиниана. Вся вина несчастного состояла в том, что он принадлежал к партии «зеленых», ненавидимой Феодорой. Она подкупила двух рабов, которые стали свидетелями на суде, но суд не принял их показаний только потому, что те были несовершеннолетними. Тогда императрица призвала Феодора (друга Диогена) и потребовала, чтобы тот выступил на суде. Ни ласковые обещания, ни угрозы и пытки не подействовали на Феодора. Диоген был

¹ Претор — государственная должность после упразднения в Древнем Риме царской власти, титул двух высших должностных лиц государства. В Византийской империи преторами назывались высшие должностные лица в городах.

оправдан, и это было единственным поражением императрицы.

Но Феодора не ограничивала свое влияние только дворцом; имея собственные политические и религиозные убеждения, она желала властвовать везде и во всем. Впечатления юности привели ее в лагерь «синих», а «зеленые» и все еретики без различия были ее смертельными врагами. Правда, впоследствии императрица склонилась на сторону монофизитов, и под ее влиянием Юстиниан сделал тогда важные уступки религиозной оппозиции. Но случилось это уже после восстания 532 г.

«Чтобы не утонуть в невежества пучине...»

От эллинистического периода византийцы унаследовали классическую систему образования, в основу которого было положено изучение «семи свободных искусств». Они являлись общепризнанной нормой знаний, само же образование признавалось собственностью человека. По мнению древних греков, оно придавало внутреннюю устойчивость и равновесие и вселяло в человека бодрость духа. Занятия были добровольными; школы имели светский характер, и принимали в них всех, кто хотел учиться.

В Византийской империи тоже ценили образование, и правительство всеми мерами старалось поддерживать просвещение. Император Констанций (337—361), например, считал образование величайшим благом для своих подданных. По его словам, люди, овладевшие «свободными искусствами», заслуживают всяческого почета и достойны первого места среди граждан империи. Еще в 333 г. от муниципальных должностей в Византийской империи были освобождены медики и преподава-

тели вместе с их женами и детьми, «дабы предоставить означенным лицам всю необходимую свободу для занятий науками и искусствами и для преподавания другим». В 376 г. преподаватели наук были приняты на казенное жалование.

В Византии за светским образованием признавалась и практическая ценность: оно открывало дорогу к служебной карьере, изменению социального статуса человека и к богатству. Подлинный гимн наукам содержится в трактате Михаила Пселла «О дружбе», адресованном племянникам Константинопольского патриарха Михаила Курулария:

«Науки смывают грязь с душ и делают их природу чистой и воздушной. Если кто начинает одинаково мыслить о вещах значительных, то скоро и в малом уничтожается различие их мнений. Вместе избрав науку, сделайте ее нерушимым залогом единомыслия».

Император Василий I, хотя сам был неграмотным, в своих наставлениях сыну и наследнику престола Льву признавал «образование жизненной необходимостью и самым желанным и для частных лиц, и для императоров... Те, кто его приобрел, получили великую награду и для тела, и для души». Не менее восторженно отзывался о роли и значении образования в жизни народа и монархов его внук Константин VII Багрянородный.

К неграмотным в Византии относились без всякого уважения; их необразованность постоянно вызывала насмешки. Отсутствие образования рассматривалось не только как недостаток, но и как несчастье и даже неполноценность. С презрением и гневом клеймила невежество в своих эпиграммах поэтесса Кассия, относившая незнание к числу пороков, заслуживающих всяческого осуждения:

«Ненавижу глупца, когда он мнит, что философствует».

«Ненавижу обучающего и ничего не знающего».

«Ненавижу невежду, как Иуду».

При таком отношении к наукам в Константинополе существовало много частных школ, которыми руководили выдающиеся ученые того времени. Еще в 425 г. император Феодосий II издал указ об основании высшей школы, в которой преподавали грамматику, риторику, законоведение и философию. Преподавание велось частью на латинском, частью на греческом языке. Для новой школы, которую некоторые исследователи иногда называют «университетом», было отведено специальное здание с обширными аудиториями. Созданное учреждение, названное Auditorium specialiter nostrum, разместилось на южной стороне Капитолия, построенного императором Константином Великим. Константинопольский «аудиторий» был единственной школой византийского Востока, и молодежь со всех концов земли устремилась в нее, чтобы получить образование. Преподаватели (их было 31 человек) не имели права обучать кого-либо у себя на дому, а все свое время и знания они должны были посвящать преподаванию в школе. Они имели определенное содержание из государственных средств и могли дослужиться до очень высоких чинов.

Многие родители отдавали своих детей в эти школы в надежде улучшить их социальное и материальное положение, потому что дети даже простых людей, получив образование, могли стать чиновниками императорской или церковной канцелярии, судьями, судебными защитниками, военачальниками и т.д.

С принятием христианства школьное образование оставалось таким же, каким оно было и в античную эпоху. Ученики византийских школ продолжали переписывать те же имена мифологических героев и деятелей Древней Греции, те же занимательные истории, но в «тетрадах»

школьников IV—V вв., помимо обычных упражнений в письме, встречались уже стихи из Псалтири. Единственным отличием «тетрадей» христианских учеников является обращение к Богу в начале листа и тщательно вычерченный крест в начале каждой «страницы».

Школьный материал поначалу содержал чисто светские знания, лишь со временем в светское образование были включены элементы христианского обучения, но и оно было ограничено религиозно-этической сферой. Образованным человеком после этого стали считать того, кто был сведущ не только в светских науках, но и в теологии. Хотя следует отметить, что богословия (как отдельной дисциплины) не было даже в программе Константинопольского университета, основанного почти через 100 лет после введения христианства. Да и в качестве учебников в школах Византии использовались труды античных писателей, а не памятники христианской письменности.

Полный курс школьного обучения в Византийской империи состоял из изучения орфографии, грамматики, риторики, философии, математических наук и юриспруденции. Материалом для обучения чтению и письму поначалу служили главным образом произведения Гомера и Эзопа. Со временем преподаватели стали обращаться к Священному Писанию — в первую очередь к Псалтыри, псалмы из которой ученики должны были заучивать наизусть. Затем школьники штудировали грамматику, которая считалась началом всякого образования и матерью всех искусств. Педагоги стремились научить школяров не только правильно говорить, но и понимать и толковать античных авторов.

Довольно велика была в Византии и роль философии, считавшейся искусством, которое обучает надлежащему (правильному, разумному) образу жизни. Изучение философии приводило к приобретению добродетелей. В цар-

ствование императоров Юлиана, Валента, Феодосия I и Аркадия окончательно укрепилось положение Константинополя как культурного центра империи.

Важнейшим очагом византийской культуры была и библиотека, собранная императором Юлианом еще в 361—363 гг. Как и в университете, в ней хранилось много рукописей Древней Греции, и не будь этих очагов культуры, мы не имели бы ни одной древней рукописи, ни одного произведения античности. Во время очередного пожара, случившегося в царствование императора Зинона, в столице было разрушено много портиков и общественных зданий. Но более всего достойна сожаления потеря публичной библиотеки, в которой хранилось 20 000 томов. Любопытным экземпляром библиотеки была кишка змеи (длиной около 3,5 м), на которой золотыми буквами были записаны «Илиада» и «Одиссея» Гомера.

В Константинополе жили и творили выдающиеся зодчие Анфимий из Тралл и Исидор из Милета, по проекту которых был возведен храм Святой Софии. Трактатом об устройстве и использовании астрольбии прославился Иоанн Филопон (конец IV в.); в Константинополе долгое время жил и творил поэт Роман Сладкопевец, в произведениях которого отразились думы и чаяния простого народа.

В правление императора Юстиниана состояние дел в Византийской империи в области высшего образования несколько изменилось. Первой задачей своего царствования он ставил внутреннее укрепление империи. К тому времени недовольство восточных провинций, объединившихся под знаменем монофизитства, стало настолько сильным, что возникла угроза их отпадения. Поэтому Юстиниан не случайно придавал большое значение церковным делам, и в его правление начались невиданные ранее гонения на всех противников Церкви.

Указом 527 г. все еретики ограничивались в гражданских и политических правах, и в трехмесячный срок им

было предложено перейти в православие. Языческие храмы были закрыты, все еретики изгонялись с государственной и военной службы; кроме того, им, евреям и язычникам запрещалось быть учителями и преподавать из опасения «как бы они своим преподаванием не вовлекли простые души в заблуждения». Правительство объявило, что они должны быть счастливы и благодарны за то, что им разрешено жить.

Религиозная нетерпимость и борьба против язычества принесли свои плоды, а в 529 г. для окончательного его искоренения император Юстиниан закрыл знаменитую Афинскую философскую школу («Академию»), которая в течение многих веков была крупнейшим центром языческой культуры и образования. Последние представители античной науки вынуждены были покинуть империю и отправиться в изгнание; имущество школы было конфисковано.

После закрытия Афинской школы Константинопольский «аудиторий» или университет не имел себе равных во всей империи. Он привлекал в свои стены лучших ученых и мыслителей; университетские профессора входили в комиссию по подготовке «Кодекса Юстиниана». Да и вообще в университете праву уделяли особое внимание, так как задача этого учебного заведения заключалась в первую очередь в подготовке слушателей к государственной правовой деятельности.

Но в 546 г. в Константинополе многие грамматики, риторы, юристы и медики были арестованы, заключены в тюрьму и подвергнуты пыткам, а некоторые — казнены. В 562 г. на «эллинов» обрушились новые гонения: многих из них арестовали и провели под градом насмешек по всему городу, а книги их были сожжены. Историк Прокопий Кесарийский писал, что у Юстиниана будто бы было намерение уничтожить звание судебных защитников и отменить плату преподавателям и меди-

кам. Император нуждался в финансовых средствах для своего грандиозного строительства, поэтому перестал выплачивать в городах пенсии учителям словесных искусств, что привело к закрытию многих школ.

Однако не все школы были ликвидированы, и при премирниках Юстиниана сохранившиеся учебные заведения продолжили свою работу. Так, в одной из них изучал грамматику, риторику и философию Максим Исповедник. Преподавательскую работу вели также профессор Георгий Хрисовоск, прославившийся своими трактатами по грамматике, и Стефан Александрийский, преподававший философию и предметы квадриума. Об их авторитете говорят данные им титулы «вселенских учителей».

В VII в., когда Византийская империя переживала тяжелые времена, университет пришел в упадок, а потом и вообще прекратил свою деятельность. После этого долгое время единственным центром высшего образования в Византийской империи была школа Константинопольского патриархата, размещавшаяся в императорском дворце. Но император Лев III Исавр повелел закрыть и богословскую школу, чтобы лишить православных того оружия в борьбе с иконоборцами, которое они извлекали из своего образования. Школы эти, открытые еще во времена Константина Великого, за время своего существования сослужили великую службу в деле христианского просвещения. Когда же в царствование Льва III Исавра разразилась иконоборческая ересь, то по вопросам религиозной политики школа встала на сторону противников императора. Некоторые из византийских историков (Кедрин, Зонара, Манасия) даже утверждали, что будто бы император сжег и библиотеку, и директора школы, и двенадцать профессоров. Ни Феофан, ни Константинопольский патриарх Никифор ничего об этом не говорят, но факт закрытия богословской школы признают все.

Константинопольский университет был восстановлен только в 863 г. при императоре Феофиле. В IX в. в нем трудился математик и философ Лев Математик, который в 820—830-е гг. вернулся в Константинополь с острова Андрос, где изучал риторику и точные науки. В византийской столице он сначала занимался частным преподаванием школьных дисциплин, уделяя особое внимание математике. Впоследствии император Феофил назначил его профессором в школу при церкви Сорока мучеников севастийских, которая располагалась на Месе между Августейоном и форумом Константина. Некоторое время Лев Математик был даже ректором университета. Это он выдвинул идею использовать буквы в качестве математических символов, он же изобрел световую сигнализацию¹.

При жизни Льва Математика при церкви Святых Апостолов тоже было устроено учебное заведение, в котором (по мнению некоторых исследователей) преподавал после возвращения с миссией к хазарам просветитель славян Константин (Кирилл). На рубеже XI—XII вв. в этой школе обучали риторику, грамматике, философии, математическим наукам и физике. Здесь же между студентами устраивались диспуты по различным проблемам. Открывались школы и при других церквях и монастырях, и это указывает на то обстоятельство, что преподавание наук в Константинополе никогда не прекращалось.

Иконоборческая ересь

Император Константин Великий, как говорилось выше, оставил язычникам все их привилегии. Принцип религиозной терпимости сделался руководящим полити-

¹ Подробнее об этом будет рассказано в главе «Большой императорский дворец».

ческим правилом и с небольшими перерывами оставался таким до царствования императора Феодосия Великого (395—408), решившего уничтожить идолопоклонство действием законов. Однако со смерти императора Константина до вступления на престол Феодосия I прошло тридцать лет, в течение которых христианство, хотя и принятое византийскими императорами и большинством подданных, еще не окончательно сделалось государственной религией.

На долю императора Феодосия I, прозванного Великим, выпало две задачи: во-первых, он должен был спасти империю от упорного натиска готов, которые ко времени его правления грозили самому существованию государства. Во-вторых, ему надо было установить единство внутри империи, раздираемой религиозными смутами. Редкостное пристрастие горожан к богословским спорам еще в IV в. вызывало изумление святого Григория Нисского:

«Одни, вчера или позавчера оторвавшись от черной работы, вдруг стали профессорами богословия. Другие (кажется, прислуги), не раз битые, сбежавшие от рабьей службы, с важностью философствуют о непостижимом. Все полно этого рода людьми: улицы, рынки, площади, перекрестки. Это — торговцы платьем, денежные менялы, продавцы съестных припасов... Ты спросишь их об ободах (монетах. — *Н. И.*), а они философствуют о Рожденном и Нерожденном. Хочешь узнать цену на хлеб, а они отвечают: “Отец более Сына”. Справишься, готова ли баня? Говорят: “Сын произошел из несущих”».

Со вступлением на престол императора Феодосия I обстановка в империи изменилась. Прибыв в Константинополь в 380 г., сразу после крещения, он стал настойчиво и неуклонно бороться с еретиками и язычниками.

Сначала он предложил арианскому епископу отречься от своей ереси, однако тот отказался исполнить волю императора и удалился за городские ворота, где продолжил арианские собрания. В самом же Константинополе все храмы были переданы последователям Никейского собора, был издан эдикт (манифест) о вере «К жителям города Константинополя»:

«Желаем, чтобы все народы, какими правит власть нашей милости, следовали той религии, которую божественный апостол Петр передал римлянам... и исповеданием которой прославляются первосвященники Дамас и Петр, епископ Александрии, муж апостольской святости, чтобы мы все, согласно апостольскому установлению и евангельскому учению, верили в одно Божество Отца и Сына и Святого Духа при равном величии их и благочестивой Троичности... Только те, кто исповедует равночестную Божественную Троицу, называются кафоликами; прочих же, дерзких и безумствующих, принуждаем нести бесчестие еретического учения. Собрания их не должны называться церквями, и они сами будут подвергнуты наказанию не только по Божьему осуждению, но и по нашему повелению, принятому по небесному внушению».

По словам одного из исследователей, император Феодосий I «первый из государей от своего лица, а не лица Церкви, регламентировал кодекс христианских истин, обязательных для подданных»¹. Желая внести мир и согласие в христианскую церковь, император в 381 г. созвал в Константинополе II Вселенский собор, главным на котором был вопрос о ереси Константинопольского епис-

¹ Черняховский Н. Император Феодосий и его религиозная политика.

копа Македония, отвергавшего Божество третьего Лица Святой Троицы — Духа Святого. Он учил, что Дух Святой — не Бог, и называл его тварью (или сотворенной силой), и притом служащей Богу Отцу и Богу Сыну, как ангелы. Ересь Македония на соборе была осуждена и отвергнута, и был утвержден догмат о равенстве и единосущии Бога Духа Святого с Богом Отцом и Богом Сыном.

Ведя беспощадную борьбу против еретиков, император Феодосий Великий также решительно действовал и против язычников. Он не только продолжал издавать законы против язычества, но и рядом административных мер окончательно запретил языческий культ как в общественных собраниях и храмах, так и в частных домах. Языческие храмы подлежали закрытию, а их здания иногда служили государственным нуждам. В 392 г. Феодосий I издал последний закон против язычества, окончательно запрещавший жертвоприношения, воскурения фимиама, развешивание венков и т.д. Уличенный в принесении жерт-

вы или гадании по внутренностям животных обвинялся в нанесении оскорбления императору и религии, а имущество его конфисковывали. Чиновникам, небрежно исполнявшим этот закон, грозили большие денежные штрафы.

Однако Византийскую империю и впоследствии не раз потрясали религиозные распри и богословские споры. Так, император Лев III Исавр (717—741) в первое десятилетие своего правления был занят преимуще-

Византийский император
Феодосий Великий

ственно отражением внешних врагов и укреплением трона. Относительно икон он тогда не предпринимал никаких мер, только потребовал от евреев и восточной секты монтанистов принять крещение. А потом сам, заразившись ересью и считая святые иконы идолами, во время своего правления воздвиг на них сильное гонение.

Иконоборцы в принципе отвергали возможность изображать Иисуса Христа, Пресвятую Богородицу и святых средствами светского искусства. В основу их учения был положен главный догмат христианства о единстве в Святой Троице всех трех божественных ипостасей, которые неописуемы и не могут быть постигнуты человеческим разумом. И уж тем более не могут быть представлены в антропоморфных образах. Если художник будет изображать только человеческую природу Иисуса Христа, то он впадет в ересь несториан, разделявших в Спасителе две ипостаси; если же он попытается представить божественную природу Иисуса Христа, то впадет в монофизитство, допускавшее полное поглощение человеческой Его природы божественной. Иными словами, всякая попытка изобразить Иисуса Христа влечет за собой еретические заблуждения.

Историк Феофан считает, что император решил уничтожить почитание святых икон, надеясь этой мерой удалить одну из главных преград для сближения христиан с иудеями и мусульманами, отрицательно относившимися к иконам, и этим самым подчинить их империи. Церковный собор 754 г. предал анафеме всех, кто осмеливался изображать на иконах лики святых «бездушными и безгласными вещественными красками». В период иконоборчества было уничтожено много произведений византийского искусства, связанных с религиозными сюжетами. Сжигались прекрасные иконы, безжалостно замазывались великолепные фрески, разрушались мозаичные шедевры...

В Византийской империи действительно много икон украшало храмы и церкви; особенно почитались чудотворные иконы, обладавшие чудодейственной силой. Иконы проникали и в домашнюю жизнь византийцев; вытканые изображения святых, например, украшали парадные одеяния византийских аристократов. Так, есть сведения, что на тоге одного сенатора была выткана история всей земной жизни Иисуса Христа. Но многие, поклоняясь иконам, иногда чтили не лицо и не ту идею, которые изображались на них, а материал, из которого она была сделана. Глубоко укоренившись в жизнь и привычки людей, почитание икон многими стало пониматься в том смысле, что образ — это посредник между святым и тем, кто просит у него помощи; что во всех положениях и предприятиях помощь и успех зависят от присутствия образа и что молитва перед ним более действенна, чем молитва в храме.

Когда однажды Лев III Исавр захотел крестить нескольких евреев и монтанистов, те воспротивились, указав в числе причин своего отказа и на то обстоятельство, будто бы в Церкви Христовой процветает идолопоклонство. В 726 г. император издал указ, в котором говорилось, что почитатели икон — идолопоклонники, так как почитают то, что сделано человеческими руками. И обратился к Константинопольскому патриарху Гермогену, чтобы тот, употребив все свое влияние, принял бы участие в исполнении его затеи. Однако патриарх начал защищать почитание святых икон, указывая, что этот церковный обычай ведет свое начало от апостолов.

Раздраженный неуступчивостью патриарха, Лев Исавр сверг его с патриаршего престола и возвел на него Анастасия, который посчитал более спокойным и безопасным для себя согласиться с императором. Святые иконы было приказано выносить из храмов и домов, приносить их на площади и сжигать. Священные изображения на стенах

храмов и церквей — уничтожать; изображения Спасителя, Божией Матери и святых угодников Божиих, какие были поставлены на открытых местах, — разрушать.

На бронзовых воротах дворца Халки к тому времени было сделано изображение Иисуса Христа, почитавшееся чудотворным. Когда поступил приказ об уничтожении святых икон, то один из военачальников поставил в этом месте лестницу, чтобы солдаты могли достать образ и сломать его. Но сбежавшаяся толпа, в которой было много женщин, опрокинула лестницу, и взбиравшиеся по ней солдаты упали с большой высоты и разбились о каменный помост. Рассвирепевший император приказал колоть и рубить людей, и тогда погибло очень много народу¹.

Свое распоряжение об уничтожении святых икон Лев Исавр решил распространить по всей империи. Он послал в провинции тайных соглядатаев, чтобы они и в самых отдаленных местах империи отыскивали иконы, скрываемые православными людьми. А тех, кто безбоязненно продолжал поклоняться святым образам, приказал подвергать самым изощренным истязаниям и мукам. Однако во многих провинциях его гонцы встретили такой отпор, какого император никак не ожидал. Подданные его или решались на мученичество, или скрывались. А некоторые даже восставали, как это случилось в Греции и на Кикладских островах.

Император Константин V Копроним (сын и наследник Льва Исавра), не отступая от политики отца, решил сначала воздействовать на духовенство, а уж потом и на народ. По его повелению все образы Спасителя, Божией Матери и святых были сожжены, разрушены или покрыты известью, в то время как изображения деревьев, животных и птиц, охоты, театра «были сохранены и содержались с честью». А потом император вознамерился

¹ В это время погибла и святая мученица Феодосия.

созвать Вселенский собор, чтобы на нем объявить, что святые иконы почитать не следует. От гонений на иконы император Константин V перешел к гонениям на мощи святых угодников Божиих, которые повелел выбрасывать из храмов. Так, мощи великомученицы Евфимии вынесли из церкви и вместе с гробницей бросили в море, а прекрасный храм, посвященный ей, превратили в цейхгауз.

Константин V Копроним был человеком противоречивым: с одной стороны, он прекрасно знал Священное Писание, а с другой — отрицал не только святые иконы и святые мощи, но и почитание Пресвятой Богородицы. Известен, например, такой случай: однажды, держа в руках кошелёк, полный золота он спросил о его цене. И ему ответили, что он стоит очень много. Тогда император высыпал золото, и спросил, сколько теперь стоит кошелёк. Ему ответили, что теперь он ничего не стоит. «Вот так и Мария, — сказал император, — пока носила в Себе Христа, была достойна чести. А родив Его, уже ничем не стала отличаться от других женщин».

Однако и император Константин V Копроним не достиг своими жестокостями цели... Особенно решительно против его безумных планов выступали монахи, во главе которых в то время стоял святой Стефан Новый. Держа в руках монету с изображением императора, он однажды предстал перед ним и спросил: «Какое наказание заслужу я, если эту монету брошу на землю и стану топтать ногами? Тогда ты можешь видеть, какого наказания достоин тот, кто оскорбляет Христа и Матерь Его в их образах». С этими словами он бросил монету на землю и стал топтать ее ногами, но его тут же схватили и из императорского дворца потащили в темницу, где подвергли жестоким истязаниям. Другой монах, по прозвищу Петр Коливит, не испугался назвать императора за его действия в отношении святых икон «новым Валентом и Юлианом», за что тоже подвергнут был нечеловеческим мукам.

Так как во всех концах Византийской империи главными защитниками иконопочитания были монахи, то император Константин V решил уничтожить сам институт монашества и повелел закрыть все монастыри. Много обитателей было превращено в казармы, а в Константинополе некоторые вообще разрушили. От самих монахов император требовал, чтобы они носили мирскую одежду и вступали в брак, обещая им за то свою милость, должности и деньги. Некоторые из иноческой братии соблазнились его посулами, но большинство оставалось твердо в вере, за что терпели оскорбления и муки.

Однако при Льве IV (его преемнике на византийском престоле), который не был заинтересован в борьбе с иконопочитанием, монахи стали приобретать все большее влияние, а иконоборцы постепенно теряли свою силу. Ревностной почитательницей икон была его супруга Ирина, получившая воспитание в Афинах в благочестивой семье. Весной 786 г. (уже после смерти мужа) она решила созвать в Константинополе Вселенский собор, и все ее сторонники были заранее уверены в победе. Но забыли принять в расчет оппозицию определенной части епископов, и в особенности враждебное отношение императорской гвардии, которая оставалась верной памяти императора Константина V и славному времени его царствования. Накануне открытия Собора в столице вспыхнул бунт среди войска, пропитанного иконоборческой ересью. Солдаты, пришедшие в крещальню кафедральной церкви, кричали: «Не бывать Собору».

Когда об этом донесли императрице, она поначалу решила не обращать внимания на случившееся. В день открытия Собора епископы торжественно заняли свои места в церкви Святых Апостолов, присутствовавшие на заседании императрица Ирина с сыном разместились на хорах базилики. Платон, игумен Саккудийского монастыря, один из самых горячих защитников икон, произ-

носил с кафедры проповедь, как вдруг в храм ворвались воины с обнаженными мечами и стали угрожать смертью духовным лицам. Императрица Ирина пыталась вмешаться и подавить мятеж, но все ее усилия оставались тщетными. Православные епископы были подвергнуты поруганию и рассеяны, а епископы иконоборческой партии присоединились к войску и стали кричать: «Мы победили! Мы победили!». Сама императрица с трудом спаслась от «когтей этих львов», и приверженцы провозгласили ее мученицей (хотя кровь императрицы не была пролита). Только после этого императрица Ирина убедилась, что продолжать заседания Собора небезопасно, и повелела всем епископам разойтись по домам.

Византийскую империю и впоследствии не раз обуревали внутренние смятения, заговоры, непрерывные споры о правилах веры; продолжались и убийства порфирородных лиц. Так, властолюбивая царица Ирина ослепила своего сына Константина, а император Лев V, издававший полезные государственные распоряжения, был умерщвлен царедворцами. А в середине IX в. в императорском дворце разыгрались события, которые поразили даже придворных, искушенных в интригах и коварстве. Император Михаил III, отличавшийся распущенностью нравов, все время проводил в кутежах и оргиях. Больше же всего он любил охоту и лошадей, поэтому часто пропадал на скачках. При его дворе служил некто Василий — выходец из небогатой крестьянской семьи, жившей в Македонии. Он был очень силен физически, прекрасно владел искусством объезжать лошадей, поэтому неудивительно, что в короткий срок он сделался любимцем императора и получил должность главного конюшего.

Император осыпал фаворита подарками, а потом женил его на своей любовнице. Честолюбивый конюх, быстро делавший карьеру, вскоре убил дядю императора —

Варду, который держал в своих руках бразды правления государством. Произошло это с согласия императора в апреле 865 г. — во время похода армии в азиатские владения империи, в котором участвовал и двор. Группа заговорщиков во главе с Василием буквально изрубила Варду на глазах императора, а через два с небольшим года настал черед и самого Михаила III. Сентябрьской ночью 867 г. император был зверски убит в собственной спальне группой заговорщиков, во главе которой стоял Василий Македонянин...

Захват Константинополя крестоносцами

«Благословен тот, кто завладеет Константинополем!» — сказал Пророк Мухаммед. Многие правители Востока и короли Запада мечтали овладеть Константинополем, 29 раз его осаждали — греки, римляне, персы, авары, болгары, арабы, дружины киевских князей, турки...

В XI в. в Константинополь из Европы двинулись крестоносцы, отозвавшиеся на обращение римского папы Урбана II, который призвал верующих двинуться в Палестину, чтобы освободить Гроб Господень и другие христианские святыни. Турки, мол, предают их всяческому поруганию: они превращают храмы в хлевы для скота, «опрокидывают алтари, оскверняя их своими испражнениями... топчут ногами предназначенные для богослужения сосуды, наносят побои и оскорбления духовенству». Необходимо как можно скорее отнять у них Святую Землю; пусть христиане вступят в бой с басурманами, а в знак того, что они воюют за истинную веру, пусть нашьют себе на одежду кресты из красной материи.

Об этом говорил папа народу, собравшемуся в ясный ноябрьский день на обширной равнине, примыкавшей

с восточной стороны к французскому городу Клермону. Здесь толпился люд всякого рода и звания: много было именитых сеньоров, окруженных оруженосцами, но еще больше — простых рыцарей. Кто восседал на коне, кто стоял, опираясь на древко копья. Судя по заношенным кафтанам иных воинов и выцветшим попонам, едва скрывавшим тощие бока их лошадей, рыцари эти не были богаты, хотя кое-кто из них мог похвастаться знатностью рода. Там и сям чернели сутаны священников, выделялись клобуки монахов. Но папа обращался главным образом к рыцарям:

«Земля эта, которую вы здесь населяете, сдавлена ото всюду морем и горными хребтами; она стеснена вашей многочисленностью, обилием же богатств не преизбыточествует и едва прокармливает тех, кто ее обрабатывает. Отсюда происходит то, что вы друг друга кусаете и пожираете, ведете войны и наносите друг другу множество смертельных ран. Пусть же прекратится ваша ненависть, утихнут войны и заснут всяческие распри и раздоры. Становитесь на стезю Святого Гроба, исторгните землю эту у нечестивого народа, покорите ее себе. Земля же эта, как гласит Предание, течет млеком и медом. Иерусалим — это пуп земли; край, плодоноснейший по сравнению с другими землями — он, словно второй рай... Он жаждет освобождения и не прекращает молить о том, чтобы вы пришли ему на выручку».

В конце речи папа пообещал всем, кто «примет» крест, прощение грехов и долгов; тем же, кто погибнет в боях за христианскую веру, посулил вечное блаженство в раю.

У феодалов Западной Европы к тому времени появилось много новых потребностей и соблазнов. В XI в. стали появляться города, и глаза баронов и графов загорались, ког-

да, проезжая через городской рынок, они видели искусно изготовленные шлемы и уздечки, аккуратно обшитые металлическими пластинами щиты и мягкие кожаные сапоги, в которых нога чувствовала себя так удобно. Разве могли деревенские мастера тягаться с искусниками-горожанами? А из-за моря, из сказочных восточных стран, все чаще стали поступать товары, до того времени невиданные в Европе: шелковые ткани и сукно всяких расцветок, тонкие вина, изящные украшения из слоновой кости, стальные клинки несравненной прочности и гибкости... И когда по реке, протекавшей по владениям сеньора, проплывали полные заморских изделий купеческие барки — с какой алчностью взирали на суда рыцарь и его домочадцы!

В родных местах с их постоянными неурожаями и голодом не слишком разживешься, а вот Восток... Конечно, религиозные чувства тоже были не совсем чужды рыцарям, к которым пристали еще и те, кому всякая перемена была лучше их тогдашнего положения. И несметные полчища народа двинулись в Палестину. Ни трудности долгого пути, ни подстерегавшие их бедствия, ни проклятия тех, кто страдал от их жестокости и насилия, — ничто не могло остановить первых крестоносцев. Собиравшиеся в разных странах, они должны были встретиться в Константинополе, и когда добрались туда, толпы бродяг рассеялись по всей Византийской империи, наводнили столицу, грабили и бесчинствовали.

«О, как величествен и прекрасен град Константинополь! Сколько здесь храмов и дворцов, воздвигнутых с дивным искусством! Сколько также удивительных для взора вещей на улицах и площадях. Было бы слишком утомительно перечислять, каково здесь изобилие богатств всякого рода, золота, серебра, разнообразных тканей и священных реликвий».

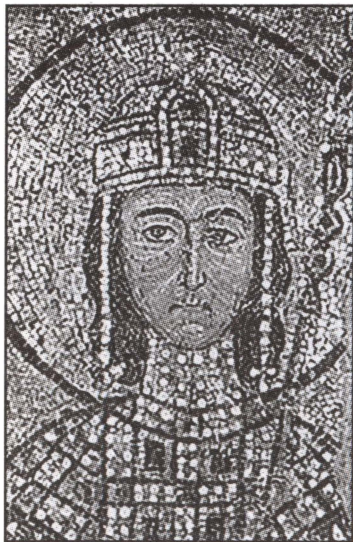

Так воспевал Константинополь капеллан Фульхерий из Шартра, шедший с крестоносцами из Северной Франции. Город, представший перед глазами рыцарей, действительно был прекрасен. Как и Рим, он раскинулся на семи холмах: его широкие улицы с открытыми галереями, большие площади с колоннами и статуями, великолепные храмы и дворцы восхищали всех, кому доводилось побывать в нем.

Руки рыцарей, не привыкших считаться с чужой собственностью, сами собой тянулись к рыночным прилавкам, заваленным узорчатыми восточными тканями, ящичками с остро пахнущими приправами и прочим добром. У лавок, особенно ювелирных, в которых, переливаясь всеми цветами радуги, сверкали чудесные ожерелья из индийского жемчуга, золотые и серебряные браслеты, табакерки, ларцы и многое другое, всегда былолюдно. Здесь

то и дело вспыхивали ссоры, и греческим стражникам с трудом удавалось утихомиривать буйных крестоносцев. Византийцы не могли сдерживать презрительных улыбок при виде будущих «освободителей Гроба Господня». Масла в огонь добавляли и служители бань, рассказывавшие о том, какие ручьи грязи текли с крестоносцев, когда они попробовали вымыться в знаменитых константинопольских термах...

Любая рыночная ссора могла перерасти в вооруженное столкновение, и хитрый император Алексей

Византийский император
Алексей I Комнин

Комнин ласками и угрозами постарался спасти Константинополь от наглости крестоносцев. А потом доставил им способ перебраться в Азию и даже извлек некоторую пользу из их похода, приобретя новые земли.

Во второй раз крестоносцы двинулись на Константинополь в начале XIII в. Император Исаак II Ангел был свергнут с престола братом своим, который ослепил его и заключил в темницу. Но сын Исаака по имени Алексей, желая отомстить, бежал в западные страны и обратился к вождям крестоносцев за помощью. Набожные рыцари отвечали, что освобождение Гроба Господня нельзя откладывать ни для каких дел человеческих, однако щедрые обещания Алексея перевесили, и многочисленный флот крестоносцев, отправлявшийся в Святую Землю, остановился у Халкидона. Низкий похититель престола не оказал большого сопротивления и при первой опасности бежал, прихватив кое-какие сокровища. Исаак II был выведен из темницы, и венецианский дож Энрико Дандоло восстановил на троне слепого и престарелого императора.

Когда пришло время рассчитывать с крестоносцами, у юного Алексея не нашлось средств: сокровища казны истощились, да и вся империя находилась в расстроенном состоянии... Но рыцари не хотели ждать; по словам историка, «грубые души их, нечувствительные к изящному, были поражены великолепием Константинополя; бедственность их отечественных городов еще более возвысила в их глазах блеск и богатство восточной столицы». И они ждали только случая, чтобы начать грабить...

Однако жители Константинополя совсем не хотели делиться богатствами и были недовольны Исааком II Комнином и его сыном за их желание удовлетворить претензии крестоносцев. Алексей V Мурзуфл (племянник Исаака II) возглавил партию недовольных, сверг их обо-

их с престола, убил их и с мечом в руках встал на защиту Константинополя. Он не щадил своей жизни, но после долгого сопротивления и неудачной попытки сжечь флот крестоносцев был побежден. Рыцари взяли штурмом столицу Византийской империи, а Алексея Мурзуфла сбросили с вершины Феодосиевой колонны...

Константинополь был тогда величайшим городом мира, разве что Багдад мог с ним соперничать. В нем проживало около 1 млн. человек, тогда как население Парижа или Лондона исчислялось всего лишь несколькими десятками тысяч жителей. Поэтому нетрудно представить, с каким чувством глядели на богатый город крестоносцы, пришедшие сюда из нищей Европы. Перед их глазами предстало воплощенное величие Империи и Церкви, сокровища Константинополя казались им несметными и весь город этот, блиставший золотом и драгоценными камнями, будто не руками человеческими был построен, а целиком сошел с неба. Или сам есть Царствие Небесное, спустившееся на землю у Босфора...

Озлобленные долгим ожиданием добычи и подбодряемые священниками завоеватели рассеялись по Константинополю, учинив страшную расправу над ни в чем не повинными горожанами. Три дня в городе, окутанном дымом, стояли вопли и стоны. Жители пытались укрыться в церквях, однако рыцари врываются и туда, раздевали несчастных донага, чтобы те не спрятали и не унесли с собой драгоценности, либо выгоняли их вон или убивали на месте.

«Не знаю, с чего начать и чем кончить описание всего того, что совершили эти нечестивые люди», — с глубокой печалью приступает к повествованию о событиях константинопольского погрома историк Никита Хониат. Знатный и образованный византиец, он пережил все ужасы опустошения и едва спасся с семьей при помощи одного знакомого венецианца. А рыцари, обезумевшие

от алчности, неистово предались своим необузданным страстям, набросились на дворцы, храмы, купеческие склады и дома, взламывая двери и разбивая окна. Они грабили, разрушали и жгли все, что попадалось на пути. Разгром совершался повсюду — на площадях и в домах, во дворцах и церквях. «Освободители Гроба Господня» не пощадили и великолепных храмов Константинополя, в которых хранились величайшие святыни. С мечами в руках они разбивали священные сосуды и старинные иконы, хватали золотые и серебряные чаши и превращали их в пиршественные, срывали драгоценные камни с крестов, распарывали дорогой бархат и парчу с церковных занавесей и попирали своими ногами самые священные христианские реликвии.

Не пощадили крестоносцы и собор Святой Софии, вдребезги разбив массивные двери центрального входа и ворвавшись под своды храма. От несказанных и не-

Осада Константинополя крестоносцами в 1204 г.

сметных богатств, каких у себя дома они никогда не видели, у них прямо-таки захватывало дух. Старинные иконы в золотых рамах, покрытые златотканой материей мраморные столики, церковная утварь из золота и серебра — все это сияло, блестело и переливалось всеми цветами радуги. И рыцари растащили бесценные сокровища храма, а потом привели туда мулов и лошадей и навьючили их драгоценной ношей.

Добыча, захваченная в Константинополе, была так велика, что ее не могли даже сосчитать. «Тут было, — восторженно перечисляет Робер де Клари, — столько драгоценных сосудов, золотых, серебряных и златотканых материалов, что это было настоящим чудом... в сорока самых богатых городах мира едва ли найдется столько богатств, сколько найдено было в Константинополе».

В огне пожаров и от разрушений погибли и замечательные произведения античности: архитектурные и скульптурные памятники из мрамора, дерева и кости, с неподражаемым мастерством созданные греческими и римскими зодчими и ваятелями — все подвергалось безжалостному уничтожению. Были сброшены с пьедесталов и превратились в щебень чудесные статуи возникших на Ипподроме; были разрушены стройные колонны и портики на площади Августейон... Беспощадно крушили крестоносцы и художественные ценности из бронзы, золота и серебра, многие из которых просто перелили в слитки. Такая участь постигла великолепную бронзовую статую богини Геры Самосской, возвышавшуюся на одной из площадей Константинополя. Был скинут с постамента и разбит гигантский бронзовый Геракл, которого скульптор изобразил уставшим от подвигов и сидящим с накинутой на плечи львиной шкурой. Погибла от рук завоевателей и прекрасная статуя другого легендарного греческого героя — Беллерофонта, на крылатом коне Пегасе устремлявшегося на Олимп. Она была столь ве-

лика, что (по словам Робера де Клари) «на крупе коня свили себе гнезда десять цапель: каждый год птицы возвращались в свои гнезда и откладывали яйца». Не пощадили латиняне ни статую волчицы, вскармливающей Ромула и Рема; ни статую Париса, бросающего яблоко Афродите; ни даже изваяние Богоматери, находившееся в центре города! В пепел были превращены богатейшие библиотеки Константинополя, в бивуачных кострах рыцарей сгорело и множество рукописных свитков...

Оказалось безвозвратно утраченным и бывшее величие всего города, потому что бесчисленное количество величайших сокровищ мировой культуры было уничтожено или вывезено не только в ходе варварских грабежей 1204 г. Опустошение Константинополя продолжалось и после этого, и все сколько-нибудь ценное вывозилось на Запад. А так как латинские императоры постоянно нуждались в средствах, то они готовы были продать все, что продавалось. Так, Балдуин II продал огромное собрание святых мощей французскому королю Людовику IX Святому. Впоследствии, за несколько лет до отвоевания Константинополя, когда Балдуину II потребовались деньги для выкупа сына, взятого в плен венецианцами, он даже ободрал свинец со всех дворцовых крыш...

Почти 60 лет Константинополь находился в руках латинян, но наступил день, и 15 августа 1261 г. император Михаил VIII торжественно въехал в город Константина Великого. Это было грандиозное, ни с чем не сравнимое празднество, хотя за время латинского владычества город стал уже далеко не тем, что был прежде.

Жители Константинополя радостно приветствовали православного императора, встретив его крестным ходом с иконой Божией Матери Одигитрии. Затем император прошел в Студийский монастырь, а оттуда как простой христианин, а не как владыка, проследовал на благодарственный молебен в храм Святой Софии. Здесь с ним

были коронованы супруга его Феодора и трехлетний сын Андроник. Законный император Иоанн IV Ласкарис даже не был приглашен в Константинополь на торжества. А через несколько месяцев десятилетний мальчик, верность которому Михаил VIII поклялся соблюдать, был по его приказанию ослеплен. Таким было начало династии Палеологов, которая в истории Византийской империи оказалась самой долговечной: она находилась у власти почти 200 лет и пала вместе с Константинополем.

Завоевание Константинополя турками

Во второй половине XIII в. турки прочно утвердились в Малой Азии. Затем, пользуясь смутами и династическими раздорами в Византийской империи, они постепенно расширили территорию своего государства за счет великой православной державы. В 1326 г. они взяли г. Пруса, где и была учреждена столица Османской державы, в состав которой вскоре вошла вся Малая Азия (кроме города Филадельфия, в котором еще продолжало развеиваться византийское знамя). В 1354 г. турки овладели Галлиполи, и этим важным завоеванием открыли себе путь из Азии в Европу. В 1360 г. султан Мурад I перешел Геллеспонт, в следующем году захватил византийские крепости Тиролея и Дидимотих, а потом взял и Адрианополь. В 1363 г. от Византийской империи были оторваны города Филипполь и Серра, а в 1365 г. султан Мурад I объявил Адрианополь своей резиденцией. В 1389 г. он нанес страшное поражение сербам на Косовом поле и ценой собственной смерти надолго прекратил самостоятельное существование Сербского царства. Его сын Баязид I продолжил завоевательные походы, и к середине XV в., ког-

да на престол вступил последний византийский император Константин XI Палеолог, бывшая великой Византийская империя состояла из одного лишь Константинополя.

Византийцы, хоть и предвидели скорую гибель своего великого города, все же готовились к его защите. И султану Мехмеду II несколько лет пришлось вести войну, чтобы завладеть небольшим клочком земли от Святой Софии до Румели-хиссари. В 1452 г. он разгромил Пелопоннес и лишил столицу Византийской империи помощи, которую ей могли бы оказать оттуда. 5 апреля 1453 г. с огромной армией султан явился под стены Константинополя. Османское войско смело шло на приступ, надеясь завоевать самый прекрасный город в мире и зажечь светильники на могилах святых мусульман, павших во время прежних осад Константинополя.

1 апреля 1453 г. византийцы с удивлением увидели возле городских стен турецкие тюрбаны; поля от Пропонтиды (Мраморного моря) до Золотого Рога были усеяны палатками завоевателей. Войска, прибывшие с султаном Мехмедом II из европейской Турции, встали лагерем против Адрианопольских ворот. Часть войска под командованием Сагана-паши (зятя султана) и Караджибея разместилась около Окмейдана («Поля стрел»), располагавшегося на высотах Касим-паши и в окрестностях Перы. Отсюда им удобнее было наблюдать за генуэзцами, которые, несмотря на свое обещание сохранять нейтралитет, иногда тайно помогали византийцам. Чтобы избежать всяких неожиданностей, сильные отряды кавалерии охраняли турецкое войско с тыла. Султан расположил свою главную квартиру на небольших холмах, возвышавшихся перед воротами Святого Романа. Ближайшие линии городских стен Константинополя находились от турецкого войска на расстоянии одной мили.

Памятная осада Константинополя началась 6 апреля 1453 г. Но перед этим турецкий султан отправил к ви-

зантийскому императору Махмуда-пашу с требованием сдать город, чтобы избежать кровопролития. Константин XI отказался, после чего 6 апреля на рассвете раздался первый пушечный выстрел. За ним вскоре началась общая пушечная пальба. Османцы осыпали городские стены градом стрел, а в это время другие солдаты старались вырыть подземные ходы под крепостным рвом. Но византийцы слышали звуки лопат, подвели мины и напустили столько дыма, что турки вынуждены были отступить. В тех, кто карабкался на стены, осажденные бросали огромные камни, зажженные факелы и греческий огонь¹.

Сначала все свои усилия турки направляли на захват сухопутных стен Константинополя, но все было тщетно. Их полегло 18 000 человек, и все рвы города были завалены трупами. Нелегко досталась победа и византийцам. Они потеряли 3000 человек, но башня Святого Романа, на которую турки направляли свой главный удар, все же была разрушена. Всю ночь император и знаменитый предводитель генуэзцев Джустиниани провели на крепостных стенах, торопя византийцев убирать трупы и исправлять повреждения. И на следующее утро султану Мехмеду представилась невиданная картина: рвы были очищены, а башня Святого Романа вновь стояла твердо и непоколебимо. Изумленный султан воскликнул, что 37 000 пророков не заставили бы его поверить, что неверные в столь короткое время могут совершить такую работу. Он приказал войскам идти на приступ, и вновь полчища турок волной хлынули на стены Константинополя. И так продолжалось день за днем...

А потом султан Мехмед II решил ввести в действие флот, однако корабли в бухту Золотой Рог не пускала на-

¹ Греческий огонь — взрывчатая смесь, которую получали из пороха, керосина и смолистого вещества. К этой смеси добавляли негашеную известь, которая от соприкосновения с водой выделяла достаточное количество тепла, чтобы воспламенить порох.

тянутая византийцами большая цепь. Сначала султан думал разбить цепь, чтобы войти в гавань и проломить городские стены, которые со стороны моря были менее крепкими. Но план не удался, и тогда султан приказал перетащить галеры через холмы, окружавшие Галату, чтобы таким образом доставить суда в бухту. Для этого турки провели от нынешнего дворца Долма-бахче до долины Касим-паша дорогу длиной в две мили, которая приводила их к Золотому Рогу. Потом положили толстые деревянные катки, смазанные салом и маслом, и за одну ночь с помощью людей, лошадей и волов перетащили по этой дороге более 70 судов. Тысячи людей, работавших ночью при колеблющемся свете факелов и бое барабанов, представляли собой необычайное зрелище! Но наутро турецкие галеры стояли в Золотом Роге уже по другую сторону цепи...

Смелое предприятие турок самым удручающим образом подействовало на византийцев. И тогда Джустиниани решил ночью подобраться к турецкому флоту и поджечь его. Но турки были на страже, и корабль, на котором находился предводитель генуэзцев, пошел ко дну от пущенного в него огромного каменного ядра. Большинство экипажа утонуло, но Джустиниани, как был в кольчуге, ухватился за спасательный буюк и спасся потом на лодке.

Желая господствовать в Золотом Роге, султан Мехмед II приказал потопить все лодки, находившиеся в гавани, без различия их принадлежности — генуэзские, византийские, венецианские... Захватив гавань, султан повелел перекинуть через Золотой Рог широкий мост, составленный из бочек, связанных одна с другой и покрытых досками. Мост этот был так широк, что по нему могли пройти в ряд 30 человек.

После 50-дневной осады артиллерийский снаряд пробил брешь возле ворот Святого Романа. Туркам удалось

также разрушить несколько башен, а рвы к тому времени были почти завалены камнями. Со стороны моря городской стене угрожали галеры, непрерывно бомбардировавшие Константинополь. Султан Мехмед II вторично отправил византийскому императору предложение о сдаче, но Константин XI ответил, что до последней капли крови будет защищать город, вверенный ему Богом. И тогда султан приказал 26 мая приступить к штурму Константинополя с суши и с моря. Войску он обещал большую добычу, а солдатам, которые первыми взойдут на крепостную стену, — поместья.

Накануне назначенного дня по приказу султана зажгли иллюминацию, и вечером в понедельник Константинополь был опоясан кольцом огней. Во всех направлениях — кругом стен, на галерах возле Золотого Рога и на высотах Перы — горели пропитанные маслом факелы и костры из смолистых деревьев. Пики турецких солдат тоже были снабжены факелами. До стен города долетали радостные крики турок, заранее праздновавших победу.

Осажденным казалось, что перед ними стоит какое-то фантастическое войско, и они падали перед образом Пресвятой Богородицы, моля Ее о спасении и защите. Не теряя присутствия духа, император Константин XI обошел все посты, воодушевляя солдат. Джустиниани приказал поправить укрепления и выкопать широкие рвы позади ворот Святого Романа. Еще он повелел спешно возвести новые валы, однако мудрые распоряжения Джустиниани постоянно встречали противодействие со стороны греческих военачальников — в особенности со стороны первого вельможи Луки Нотары. Тот находился во главе защитников стен Золотого Рога и даже отказал Джустиниани в пушках, в которых тот очень нуждался.

В момент самого штурма Константинополя турки были остановлены известием, что на помощь осажден-

ным идет войско, состоящее из венгров и итальянцев. Известие это оказалось ложным, но турки в ожидании событий два дня простояли в бездействии. Однако Мехмед II, предвидя и такой поворот событий, оставил для прикрытия арьергарда часть своей кавалерии.

Как гласит легенда, за несколько дней до штурма, в день памяти равноапостольных Константина и Елены, языки огненные изошли из всех сорока окон барабана храма Святой Софии, поднялись вверх, соединились и огненным шаром вознеслись в разверстые врата небесные. И врата затворились за ними... Наутро Константинопольский патриарх провидчески сказал императору: «Город обречен. Ангел Святой Софии покинул свой град и храм».

А накануне падения Константинополя, к несказанному удивлению греков и мусульман, город покрылся густой и непроницаемой тьмой, из середины которой упали на землю багровые капли величиной с воловий глаз. Эти капли лежали на земле довольно долго, а потом исчезли. Греки, испугавшиеся этого неблагоприятного знамения, совсем лишились бодрости и в отчаянии ходили взад и вперед по городу, словно лишившись разума. Некоторые из них покинули осажденный город, перешли на сторону неприятеля и даже приняли мусульманскую веру.

Патриарх, зная, что знамение сулит гибель городу и наказание живущим в нем, собрал наибогадумнейших вельмож и пошел с ними к императору. Представ перед ним и поклонившись, он сказал:

— Великий государь! Не в первый раз уж я дерзаю просить тебя, чтобы ты, сохраняя особу свою от напрасной смерти, удалился бы из сего города, который, по воле Творца, долженствует быть под властью непримиримых врагов Христовой церкви. Да и сам ты, государь, через многие предсказания совершенно знаешь о наступаю-

шей гибели твоих подданных. То для чего же, по крайней мере, не спасаешь своей особы, когда уже невозможно ничему помочь? Ты видишь, что ныне сама природа, являясь плачущей, предвещает, что весьма скоро последует неизбежное наказание за грехи наши. Мы были причиною этого наказания, то пусть одни и погибаем. Но ты, государь, оставь сей город и ищи спасения себе во вселенной, о чем, припадая к стопам твоим, усердно просим тебя.

И греческий император с негодованием ответил: «Я давно уже сказал вам, что положил неперменное намерение пострадать вместе с вами за веру, чистосердечно исповедуемую мною, и за возлюбленное Отечество мое. А посему никакие увещевания ваши не могут отвратить меня от предпринятого мною».

Султан Мехмед II в это время тоже спрашивал мудрецов, и они ответили: «Тьма, покрывшая город, знаменует помрачение славы его и гибель. А багрового цвета капли означают, что много прольется крови человеческой».

Обрадованный этим истолкованием, султан повелел своему войску готовиться к решающей битве. Во вторник 29 мая, на рассвете, звуки сур, литавр и маленьких барабанов дали сигнал к началу штурма. Накануне султан Мехмед II, окруженный блестящей свитой, объехал свой лагерь, ободряя солдат и суля им блага земные и небесные:

«Многие из вас падут, но пусть помнят они слова Корана: “Кто умрет в такое время, то будет принимать яства и питье в раю и возлежать с гуриями, совершив благовонные омовения”. Тех же, которые переживут победу, ожидает двойное жалованье до конца их жизни. После взятия города я предам его вам на три дня, исключая стены и здания. Вся добыча, золото и серебро, одежда и женщины — все ваше!»

В тот день в лагере турок была устроена роскошная иллюминация. И совсем другая обстановка царила в лагере греков. Император Константин XI тоже объезжал свой гарнизон, делая последние распоряжения и подбодряя солдат. А в 4 часа, когда прекратилась канонада, император отправился в город, собрал всех граждан и обратился к ним с такими словами:

«Настал час, когда враг наш решился, как змея, излить свой яд на нас или пожрать, как лев неукротимый. Заклинаю вас, отстаивайте свою веру с той же твердостью, с какой вы отстаивали ее до сего дня. Вам поручаю этот славный и знаменитый город — нашу отчизну, столицу всех городов... В руки ваши я передаю мой скипетр, вот он. Соблюдайте повиновение вашим начальникам и, я надеюсь, Бог поможет нам спастись от опасности. На небе вас ждет лучезарная корона, а здесь, на земле, останется славная и вечная память о вас!».

В 2 часа ночи 29 мая 1453 г. турки пошли на последний приступ, но их встретил убийственный огонь осажденных. Немногим удалось взобраться на стены, но и они были сброшены вниз, а лестницы их изломаны в щепы. Уже несколько часов длился бой, и быстро таяли ряды защитников Константинополя. Тысячами гибли и турки, но по воле султана новые отряды так же яростно устремлялись на городские стены. Мужество греков не уступало ярости нападающих, и турки вновь отступили с большими потерями. Напрасно султан пытался остановить бегущих — их не остановили даже ятаганы янычар. На новый приступ султан двинул свежие полки, и некоторым из янычар удалось укрепиться на стенах. В это время был смертельно ранен Джустиниани. Греки, видя гибель храброго защитника, пришли в смятение, чем и воспользовались турки. Небольшой отряд их влез на стены,

прошел к Адрианопольским воротам и ударил в тыл царскому отряду. В то же время турецкие пушки пробили брешь в воротах Святого Романа и воротах Харисийских, сквозь которые турки хлынули в Константинополь.

Византийский историк Михаил Дука так оплакивал падение великого Константинополя:

«О, город, город — центр четырех частей света!.. Где твоя духовно-благодатная сила, благодетельная для души и тела? Где тела апостолов Бога моего, давно положенные в этом давно цветущем раю? Где находившиеся вместе с ними багряница, копье, губка и трость, которые мы лобзали и представляли, что видим Распятого на кресте? Где мощи преподобных и мучеников? Где прах великого Константина и других царей? Улицы, портики, перекрестки, поля, виноградники — все было полно мощей святых, телес благородных и чистых подвижников и подвижниц... О, храм и земное небо, небесный алтарь, божественные и священные здания, красота церквей, книги священные и словеса Божии, благовестия, изглаголенные ангелами, учения богодухновенных мужей, наставления божественных подвижников! О, государство, народ, воинство, прежде громадное, дома и разнообразные палаты и священные стены, ныне я все призываю и, как одушевленное, оплакиваю, имея Иеремию руководством печального повествования...».

По военному обычаю того времени город был отдан победителям на три дня на разграбление... Когда султан Мехмед II вступил в завоеванный Константинополь, один из воинов принес ему в дар отрубленную голову Константина XI Палеолога, и завоеватель щедро наградил его. А потом поцеловал голову последнего византийского императора и отослал патриарху, чтобы тот набальзамировал ее, обложил золотом и серебром и сохранил,

как сам знает. Выполнив все это, патриарх вложил главу Константина XI в серебряный ковчег и, как повествует легенда, скрыл под престолом в храме Святой Софии¹. Другое предание говорит, что голова императора Константина XI была прибита к колонне Юстиниана и оставалась на ней до вечера. А потом была набальзамирована и частями отправлена в разные мусульманские страны (Персию, Аравию) и в другие города Османской империи как знак победы. А тело последнего византийского императора было похоронено в храме Святой Феодосии². Сюда пускали и показывали гробницу последнего Палеолога по особому фирману султана. А в 1832 г. после перестройки храма фирманом султана Махмуда II, который знал, чей это саркофаг, гробница Константина XI была удостоена особого почитания — неугасимой лампы.

По преданию после захвата Константинополя султан Мехмед II повелел его жителям собрать все сокровища (церковные и свои) в месте, которое он сам назначил. Когда византийцы выполнили его повеление, султан взглянул на огромные кучи золота и с удивлением и негодованием воскликнул:

«Безумный народ! Где же был ваш разум, что вы, собрав столь несметные богатства, не могли сохранить своего города? Вы не могли противиться даже одному только народу, победившему вас без помощи других! Ведь посредством сего сокровища не только должно было погибнуть все мое ополчение под стенами Константинополя, но и ополчения многих других народов, если бы они соединились со мною. А посему вы как предатели

¹ Версия эта вряд ли справедлива, потому что собор Святой Софии был обращен турками в мечеть (об этом будет рассказано в отдельной главе).

² Ныне мечеть Гюль-джами.

своего Отечества не должны существовать на земле и должны будете принять определенное мною для вас наказание.»

Сказав это, он дал знак рукой, и сарацины в ту же минуту умертвили вельмож и благородных людей, оставив только простой народ с женами и детьми...

Так в истории произошло событие, когда город, бывший 1000 лет столицей одного царства, в течение всего 24 часов превратился в столицу другого государства, основанного и устроенного совершенно другим народом — с другими верованиями, языком и преданиями.

Значение Константинополя для России

Столица Византийской империи впервые испытала на себе военную силу «россов» в 860 г., когда около стен Константинополя внезапно появилось около двухсот кораблей. Это случилось в царствование императора Михаила III, когда скифы, сарматы, славяне и другие народы, обитавшие на территории будущей Русской земли, вооружили многочисленные суда, спустились по текущим на юг рекам, прошли Днепровские пороги и бесстрашно выплыли в открытое море. Их ладьи, как тучи саранчи, налетели на Босфор и покрыли его прозрачные воды.

По свидетельству Константинопольского патриарха Фотия, воинственный дух нападавших сначала привел жителей в ужас, а Константинополь «едва не был поднят на копье». Причем русским «легко было взять его, а жителям невозможно защищать... спасение города находилось в руках врагов и сохранение его зависело от их великодушия». Патриарха Фотия даже уязвило, как он

отмечал, «бесславие от этого великодушия». Награбив добычу, «варвары» неожиданно отступили, в чем было усмотрено чудесное заступничество Пресвятой Богородицы, и 23 июня жители Константинополя неожиданно «увидели врагов... удаляющимися, и город, которому угрожало расхищение, избавившимся от разорения».

В 865 г. русские витязи Аскольд и Дир, выйдя из Новгорода, хотели добраться до Царьграда (Константинополя), чтобы поступить там воинами в особую варяжскую дружину. Но, овладев Киевом и став киевскими князьями, они изменили свое намерение и, собрав большую дружину, решили уже войной идти на Царьград. Устрашенные многочисленной киевской ратью, греки не надеялись отразить нашествие народа, до того времени не виданного ими. Они называли их «россами-человекоубийцами», так как, по некоторым свидетельствам, те «отрубали головы монахам, распинали их; убивали, пуская в них стрелы или вбивая им в череп гвозди». И тогда

Аскольд и Дир просят у Рюрика в Новгороде разрешение на поход в Царьград

патриарх Константинопольский с молебными песнопениями вынес из Влахернского храма Пречестные ризы Пресвятой Богородицы и с молитвой погрузил их в море. Молитва христиан была услышана, внезапно на море поднялась сильная буря, которая разметала ладьи киевлян в разные стороны. Когда буря миновала, князья Аскольд и Дир, свидетели свершившегося чуда, приняли в Царьграде христианство. В святом крещении Аскольд был наречен Николаем, а Дир — Илией. Вскоре в Константинополь прибыло посольство русских с просьбой о крещении. В «окружном послании» 867 г. патриарх Фотий сообщает об успехах проповеди Христовой и о том, что «россы» восприняли «чистую и неподдельную Веру Христианскую, с любовью поставив себя в чине подданных и гостеприимцев, вместо грабления нас и великой против нас дерзости, которую имели незадолго».

В 906 г. многочисленное войско князя Олега, собранное со всех окрестных племен, спустилось вниз по Днепру, а конное побережье отправилось к Царьграду. По выражению историка, князь хотел доказать, что «казна робких принадлежит смелым». Море покрылось ладьями Олеговых воинов, приведя в ужас жителей Византийской столицы. Правивший тогда в Византии император Лев VI Философ думал более об астрологических выкладках, чем о безопасности столицы своей империи, поэтому удовольствовался только тем, что повелел запереть гавань цепью. Но князь Олег поставил ладьи на колеса и под парусами двинулся к стенам Константинополя. Напуганные греки побоялись вступить в бой и только смотрели с городских стен, как «россы» опустошают окрестности. А потом запросили мира и подписали с русскими договор о мире и беспошлинной торговле. Начинался этот первый в истории Киевской Руси дипломатический договор словами: «Да умиримся с вами, Греки!». Византийский император поклялся Евангелием, князь Олег

своим оружием и Перуном — богом грома и молнии. В память о победе Олег прибил на городские ворота Константинополя свой щит, а потом и возвратился в Киев.

После Олега на киевский престол вступил возмужавший к тому времени князь Игорь, который тоже хотел взять дань с Царьграда. Рассказы о подвигах Олега он слышал, наверное, с детства и жаждал повторить их. Но первый поход его на Царьград кончился неудачно. Греческие корабли встретили русские ладьи в море и стали бросать на них неизвестный раньше русским «греческий огонь». Князь Игорь потерял часть своего флота и отступил. Через два года он собрал большую дружину, нанял конницу печенегов и снова отправился на ладьях на Царьград. На этот раз византийский император не стал рисковать и уплатил дань.

Через 50 лет после заключения первого договора княгиня Ольга (мать князя Святослава), видя добродетельную жизнь христиан, захотела больше узнать о них. И живший тогда в Киеве греческий священник Григорий подробно рассказал ей о христианской вере и с увлечением описывал красоту богослужений в Константинополе. Будучи уже в преклонных летах, княгиня Ольга пожелала принять христианскую веру и отправилась в столицу Византийской империи, чтобы быть крещенной не простым священником, а самим патриархом.

Во главе большой свиты, в сопровождении священника Григория прибыла она в Царьград. Правивший тогда Византией император Константин VII Багрянородный не сразу принял Ольгу, и ее ладьям пришлось долго стоять в Золотом Роге. Когда же 9 сентября 965 г. русскую княгиню представили императору, он принял ее пышно, и в этот день во дворце был устроен великолепный обед. Однако княгиню не удостоили чести сидеть за одним столом с императорской семьей, и она обедала с при-

дворными дамами. Во время обеда играла музыка, пение и танцоры показывали свое искусство. А потом был приготовлен десерт на особом золотом столике, за которым княгиня Ольга сидела уже с византийскими императором и императрицей.

Крестил княгиню Ольгу сам Константинопольский патриарх, а восприемником ее был император Константин VII Багрянородный.

Князь Владимир (внук княгини Ольги) значительно раздвинул пределы Руси, но, достигнув внешнего могущества, не успокоил своего мятущегося сердца. Он видел бездушные языческих идолов, детство же напоминало ему дивные речи бабки о Едином Всемогущем Боге, и стал князь исследовать разные религии. Для этой цели он отправил посольство из десяти человек по разным землям, чтобы они на месте определили, кто как молится своему богу.

Что же почувствовали послы князя Владимира, вступив в храм Святой Софии в Константинополе? Они увидели его во всем великолепии: колонны и орнаменты нижних галерей были те же, что и сейчас, но над мраморными балюстрадами по золотому полю полукруглых пространств были выложены мозаичные изображения святых. Шестикрылые серафимы по треугольным парусам храма не являлись только орнаментами, и лица их (теперь закрытые золотыми звездами) дышали небесной красотой. В алтаре стоял престол, блиставший золотом и драгоценными камнями; над ним на четырех серебряных колоннах возвышалась сень, увенчанная главою с крестом из чистого золота.

Престолы патриарха и императора тоже горели золотом и драгоценными камнями. Кругом — дорогие вазы, паникадила, кресты; на расставленных аналоях лежали Евангелия, обложенные золотом. А в нартексе храма был изображен Иисус Христос, сидящий на престоле, с распростертым у ног Его императором Юстинианом.

Но не великолепие храма поразило сердца посланцев князя Владимира. Не меньшее великолепие видели они и в Риме, где в соборе Святого Петра тоже было собрано много сокровищ. Христианские изображения тоже вряд ли могли их тронуть — они были им тогда еще чужими. Особенно поразило их то, что они сразу почувствовали себя в храме Бога Живого и Истинного: «Мы не помнили себя, где стоим — на небе или на земле, и мы веруем, что сам истинный Бог живой с этими людьми». Это их впечатление решило судьбу нашего Отечества.

Однако могущественный князь Владимир не пожелал просить от греков веры как милости. В 988 г. он двинул свои войска на богатый город Херсонес (около современного Севастополя) и после осады взял его. Царям же византийским Василию и Константину послал сказать, что так он поступит и с Константинополем, если они не пришлют ему епископа для просвещения его верой христианской и сестру свою Анну в жены. Митрополит Михаил, священники и епископы прибыли в Херсонес (Корсунь), где научили князя вере христианской, крестили его и совершили бракосочетание с принцессой Анной, оказавшей впоследствии сильное влияние на нравственный облик князя.

В Киеве все население после ознакомления с новой верой было одновременно крещено в водах Днепра в присутствии князя Владимира. При виде столь величественного зрелища князь с восторгом воскликнул: «Творец неба и земли! Благослови сих новых детей твоих! Дай им прозреть Тебя, истинного Бога, как уже познали страны христианские, утверди веру в них правую и несомнимую». А в летописи об этом сказано: «В сей день земля и небо ликовали».

Из Киева святая вера пошла по всей земле Русской. Под ее благодатным воздействием выросли у нас монастыри и скиты, наложившие печать на народное сознание

и всю нашу культуру. Так начиналась духовная связь Руси с Константинополем.

Последний византийский император Константин XI Палеолог, погибший при осаде Константинополя, детей после себя не оставил. Все права на престол перешли к его братьям Дмитрию и Фоке. В 1460 г. султан Мехмед II взял в плен Дмитрия, а дочь его заточил в своем гареме. Через десять лет Дмитрий, принявший постриг, скончался в Адрианополе, а других детей у него не было.

Фома после падения Константинополя отдался под покровительство Венецианской республики. Султан предложил ему придворное звание и пенсию, но потребовал, чтобы тот отказался от прав на византийский престол. Фома отверг это предложение и уехал сначала в Италию, а потом во Францию, чтобы добиться там поддержки для восстановления своего престола в Константинополе. Не дождавшись помощи, он в 1462 г. умер в Риме, а супруга его Екатерина скончалась еще раньше.

Наследниками прав на византийский престол остались сыновья Фомы (Андрей и Эммануил) и две его дочери — Елена и Зоя (Софья). Старшая Елена вышла замуж за сербского господаря Лазаря II, но детей у них не было. После смерти мужа она попала в плен к туркам, а после освобождения приняла монашеский постриг. Другие дети Фомы нашли приют в Риме, где папа римский дал им небольшую пенсию.

Андрей Фомич был бездетным. Он разъезжал по разным странам и предлагал их государям свои права на византийский престол. От французского короля он получил всего 723 луидора, в 1493 г. был даже в Москве. Умер в полной нищете в Риме в 1502 г.

Эммануил Фомич, человек хитрый и честолюбивый, впоследствии бежал к туркам и принял ислам, но султан дал ему лишь небольшое жалованье и мало рабов. На этом карьере Эммануила закончилась. Его сыновья Ан-

дрей и Иоанн остались при дворце султана. Иоанн умер бездетным, а Андрея оскостили и приняли в султанскую стражу.

Единственной наследницей прав на византийский престол оставалась Софья Палеолог, вышедшая замуж за русского царя Ивана III. Таким образом, русские цари стали прямыми наследниками прав византийских императоров. Все европейские державы и папы римские признавали за русскими царями эти права. Видя со стороны турок опасность для своих государств, они не раз упрасивали русских правителей выступить против османов. Не желая быть орудием в чужих руках, ни Иван III, ни другие русские цари тем не менее не отказывались от прав на византийский престол. Иван III присоединил к своему московскому гербу герб византийских императоров — черного двуглавого орла с двумя коронами. В Оружейной палате Московского Кремля хранится и трон византийских императоров, привезенный Софьей Палеолог. Таким образом, русские цари, а вместе с ними и вся земля Русская, считались законными наследниками на византийский престол. И никогда они от этих прав не отказывались...

Для России древний Константинополь-Царьград был жизненно важным нервом. Необходимость проливов Босфор и Дарданеллы для свободного плавания мы почувствовали уже с того времени, как в Черное море вышел первый русский корабль. Петр I, прорубив через Балтийское море «окно в Евро-

Софья (Зоя) Палеолог

пу», решил пробить и «дверь» через Черное море. Но Турция того времени была сильна для России, поэтому Азовский и Прутский походы Петра I не дали желаемых результатов.

Счастливей оказалась императрица Екатерина II, в правление которой турки были разгромлены на суше и на море. Мир 1774 г. принес России обширные территории Черного и Азовского морей, устья Буга, Днестра и Дона и Керченский пролив. Через девять лет был присоединен Крым, причем на воротах крепости Севастополя была сделана надпись: «Дорога в Константинополь».

Однако успехи России встревожили крупные государства Европы, опасавшиеся как бы Босфор и Дарданеллы не стали закрытыми для их кораблей. Усиливающееся влияние России как защитницы славянских подданных Турции стало вызывать с их стороны противодействие. Поэтому война 1826—1829 гг., когда русские стояли в одном переходе от Константинополя, не оправдала надежд.

В 1841 г. Россия должна была подписать соглашение с Австро-Венгрией, Францией и Англией, по которому целостность турецких владений подпадала под опеку Европы. И благодаря деятельному заступничеству Европы война 1855—1856 гг. закончилась для России неудачно. Позднее Берлинский конгресс, состоявшийся после величайших побед русского оружия над турками в 1877 г., когда наши войска снова были у фортов Константинополя, вырвал из рук Российской империи плоды блестящей победы...

Пророчества о Константинополе

Пророчество на гробе императора Константина Великого: «По кончине императора греческого Константина I воцарился сын его, именем тоже Константин. Он пере-

нес тело родителя своего из Никомидии в Константинополь и погреб его с честью, приличествовавшей царской особе, в храме Святых Апостолов. В то время, когда тело этого монарха было привезено в Константинополь, то нашлись некоторые благочестивые и прозорливые мужи, которые на крышке его гроба начертали по-гречески письма, пророчествующие о будущей судьбе и разрушении турецкого царства. Но чтобы сокрыть до времени смысл этого писания, то они, опуская в словах гласные буквы, подставляли только согласные.

Впоследствии, в царствование Иоанна Палеолога, премудрый патриарх Геннадий истолковал значение этого пророчества, добавив к согласным буквам пропущенные гласные».

«В первый индикта¹, царство Измаила, зовомого Магомета, долженствует победить род Палеологов. Седмихолмие разорит, в Константинополе воцарится, премногими обладает народами, и все опустошит острова даже до Евксинского понта, разорив и самых ближних соседей.

В осьмой индикта, Пелопоннесом обладает.

В девятый индикта, в северных странах долженствует воевать.

В десятый индикта, Далматов победит и малое время пребудет без брани, потом с Далматами паки воздвигнет великую войну, и часть некая сокрушится; многие народы, совокупляясь с Западными, соберут ополчение на море и суше и Измаил победят. Наследие его поцарствует весьма мало, Русский же народ, соединяясь со всеми языками, желающими мстить Измаилу, его победят вторично; Седмихолмие возьмут со всеми его принадлеж-

¹ Индикта — церковное новолетие, начинается первого сентября.

ностями. В сие время междоусобную возставят битву даже до девятого часа; тогда глас вопиет трижды: Станните, станните со страхом, бегите скорее, в десных странах обрящете мужа знаменитого, чудного и мужественного, его имейте Владыкою; друг бо Мой есть, и взявши его, волю Мою исполняйте».

Предсказание монаха Агафангела (XIII в.): «И Константин основал, и Константин потеряет царство Византийское. Но не бойся: как древле народ Израильский покорен был Навуходоносором, так и народ греческий будет под властью нечестивых агарян до определенного времени и пребудет под игом до исполнения четырехсот лет. Монарх Русский, новый Петр, восстановит в Византии победоносное знамение Христово и сокрушит силу измаилитян».

Завещание султана Сулеймана Великолепного: «Верно знаю, что если я пойду войною на русских, то из этой войны назад уже не возвращусь. Но уповаю на Аллаха и великого Пророка, что не пойду на Русскую землю. Пусть все правоверные знают, что Аллах, небо и светила его возвещают: никогда и никакой народ, кроме народа русского, не может поколебать Царства Османского. Повелеваю и увещаваю, чтобы вы никогда на русских не наступали и мечей своих обнажать на них не дерзали. Неспорима истина та, что пока вы будете соблюдать в отношении к сему народу нерушимый мир и веру, то и русские станут воздавать вам тем же. Но если нога ваша преткнется о камень соблазна и вздумаете идти войною против них, то потерпите великое бедствие. Заклинаю всех правоверных, да не вознесут против сего народа главы своей, если хотят, чтобы царство их долгое время пребывало нерушимым».

Константинополь погибнет от воды: «Когда султан Сулейман Великолепный задумал провести в город воду, он вызвал к себе мастеров, но все они отказывались от работы. Наконец один мастер согласился. Тогда султан снова вызвал первых мастеров и стал спрашивать о причине их отказа. И они отвечали, что, если будет проведена вода, иностранцы, очарованные городом, захотят завладеть им и постараются выгнать отсюда турок. Боясь, что молва об этом предсказании распространится в народе, султан повелел казнить мастеров, но настоял-таки на своем и провел в город воду».

Султан Мурад III (внук султана Сулеймана Великолепного) очень любил науки, особенно астрологию. Он пригласил к своему двору знаменитого арабского ученого и астролога Мусту Эддина, построил для него в Константинополе обсерваторию и часто приходил туда. Однажды он спросил ученого, не видел ли тот какого-нибудь знамения на небе.

— Видел я знамение, — сказал Муста Эддин, — что великий твой визирь нынче же погибнет жестокой смертью от руки своего невольника.

И действительно, не прошло и нескольких часов, как султану доложили о смерти визиря.

В другой раз ученый сказал султану, что «вскоре над твоими бесчисленными войсками персы одержат блистательную победу». И это предсказание сбылось: паша, отправленный в Персию с 80-тысячным войском, был разбит наголову, потерял много тысяч убитыми и сам умер от горя.

Сбывшиеся предсказания внушили султану безграничное доверие к словам мудрого Мусты Эддина, и однажды он спросил: «Благополучно ли будет мое царствование, долго ли будет существовать Оттоманская империя и как она будет разрушена?».

— Государь! — ответил ученый. — Ты будешь жить в мире до тех пор, пока сам того пожелаешь. Ты победишь всех своих неприятелей; никакой народ тебе и царству твоему не будет страшен, и никто не одержит победы над тобою. Но только дотоле, пока ты будешь сохранять мирные отношения с народом, живущим от полуночи к востоку. Народ этот силен и славен, и имя его будет греметь по всему свету, и все ему будут покоряться. От сего-то великого народа падет держава наследия твоего — такова воля Всевышнего!

Султан выслушал это предсказание и предложил его на совет своих вельмож. Те, изучив прежние устные предания и некоторые рукописи, решили, что оно верно, но посоветовали предать ученого смерти, чтобы он ни о чем не рассказал народу. И султан послал капиджи-пашу с отрядом невольников, чтобы те схватили Мусту Эддина и бросили в море.

Астролог встретил убийц у входа своего дома и сказал им: «Мир вам! Суд Божий никогда никого не минует. Я знаю, что сегодня же буду добычей морских рыб, а вами и всем царством овладеет народ Северный».

В царствование султана Мехмеда IV киевский воевода князь Ю.П. Трубецкой сообщал царю Алексею Михайловичу о пленном греческом жителе, который рассказывал следующее: «Будучи в Стамбуле, ходил я смотреть церковь Святой Софии, потому что до прихода моего туда звон был великий. И об звоне этом паша турецкий спрашивал, как это может быть, когда колоколов в храме давно уже не было. В то время у церковных дверей стоял на карауле сторож — русский человек, но уже отуречившийся. И он не пустил турецкого пашу в храм, сказав, что не велено пускать с того дня, как звон был.

И слышал я еще от турков, что в султанских палатках, где в то время бывала православная церковь, в тот день,

когда в Святой Софии звон был, объявился старый человек. Сидит в кресле в святительских одеждах, в руках посох держит, а перед ним в лампаде горит свеча. Увидев это, турки сообщили своему султану, и он повелел бросить старца в море. Турки исполнили приказ своего повелителя, но тот человек опять объявился в тех же палатах и в той же святительской одежде. И свеча горела перед ним по-прежнему. Опять турки сообщили об этом деле своему султану, и тот приказал заделать ту палатку, чтобы никто в нее больше не входил»...

Архитектурные памятники Константинополя

Колонна императора Константина

Как основание, так и освящение Константинополя состояли из целого ряда праздников, в которых встречались и формы древнего политеизма, и суеверия современной для того времени магии, и христианские обряды. Историк Иосиф Стриговский вообще считал, что посвящение императором Константином города Пресвятой Богородице есть благочестивая позднейшая вставка. По древнейшим свидетельствам, император, согласно старинным обычаям, посвятил новый город Судьбе и наряду с политическим названием («Новый Рим», или Константинополь) дал ему и тайное жреческое имя — Анфуса («Цветущая»).

По словам «Пасхальной хроники», Константин Великий еще в 328 г. (то есть задва года до торжественного освящения новой столицы) тоже назвал Судьбу города Анфусой и принес при этом бескровную жертву. Это имя имеет в виду и закон 334 г., в котором император Константин называет свою столицу городом «*quam aeterno nomine donavimus*». То же имя приводится у первого византийского летописца Иоанна Малалы и историка Евстафия.

Император Константин был убежден, что судьба и счастье города зависят от палладиума (древнего изображения богини Афины Паллады), который в нем секретно хранится. И византийцы отчетливо сознавали, что «Константин, унеся из Рима тайно истукан, называемый палладиумом, поместил его на Форуме, им основанном, под колонной своей статуи, и, как уверяют некоторые из византийцев, он и теперь так лежит».

Первое изображение аллегорической Судьбы было воздвигнуто императором Константином, вероятно, в том же 328 г. Потом эта статуя в день 11 мая 330 г. была торжественно перенесена с Филадельфии (или Магавра) и поставлена на колонну, где сначала стояла бронзовая исполинская статуя, изображавшая Аполлона (работа великого Фидия). Император Константин приказал отбить у бронзового изваяния голову и заменил изображение античного бога своим собственным¹. А в самый день освящения города была открыта другая статуя (деревянная позолоченная), изображавшая самого императора Константина, державшего в правой руке Судьбу города (Анфусу). По указу императора эту статую в торжественной процессии должны были ежегодно доставлять на Ипподром и проносить перед императорской трибуной. Обычай этот, по одной версии, удерживался до правления императора Юлиана, по другой — до Феодосия Великого².

¹ Впоследствии его бюст был заменен статуей императора Юлиана, а еще позже — статуей императора Феодосия.

² Третья статуя Судьбы города (бронзовая, с зубчатой короной на голове) стояла в восточной апсиде Форума. Михаил Рангави (811—812) велел отрубить ей руки, чтобы она не поддерживала народную партию против властителей. Четвертая статуя Судьбы стояла на Стратигионе. Кесарь Варда, дядя Михаила III (842—866), удалил ее или вообще разрушил. При императоре Анастасии (417—518) была и пятая (медная) статуя Судьбы, изображавшая женщину, одна нога которой стояла в корабле.

Постепенно христианство очищалось от язычества, и у Амартола этот «истукан» уже превращается в христианскую святыню. Он описывает колонну из одного камня, порфиоровую, «весьма удивительную, которую он (Константин. — *Н. И.*) привез из Рима; на ней поставил он статую, принесенную им из Гелиополиса Фригийского и имеющую на голове семь лучей». Колонну три года везли морем, а когда доставили в Константинополь — то еще один год от моря, так тяжела и велика она была. «Потом положив в ее основание 12 корзин, которые благословил Иисус Христос, и Честное древо и святые мощи для утверждения и охраны, поставил ее со многим искусством, силою и мудростью удивительный этот муж всеудивительную колонну из одного камня».

Из описания видно, что речь идет о порфировой колонне, которая сейчас стоит недалеко от площади Ат-Мейданы. Первоначально колонна, составленная из девяти цилиндрических кусков порфира, поставленных один на другой, была покрыта бронзовыми позолоченными пластинами. В месте соединения цилиндров был изваян лавровый венок, из-за чего памятник имел вид монолита с высеченными поперечными колоннами. Уже в древности колонна Константина сделалась предметом самого фантастического культа, соединив в себе многочисленные народные предания, связанные с судьбой города и императора.

В целях сохранности Константинова колонна еще во время правления императора Феодосия II была скреплена железными обручами. В царствование Алексея I Комнина статуя императора и верхние барабаны были сбиты молнией, сама же колонна сохранилась. Император Мануил I Комнин (1143—1180) поправил памятник, приделав к нему новую коринфскую капитель с греческими

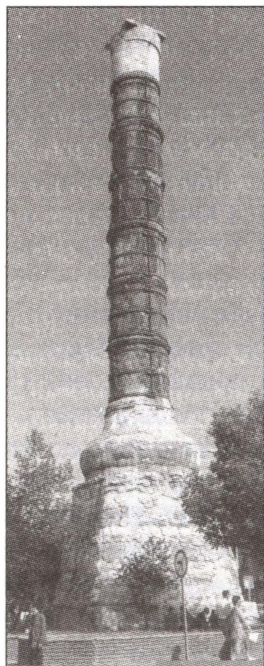

надписями, но вместо статуи повелел поставить золотой крест. Во время осады Константинополя турками византийцы столпились вокруг колонны, так как существовало предание, что император Константин никогда не допустит в город завоевателей дальше своего памятника. А когда наступит роковой момент, слетит с золотого креста ангел, вручит пламенный меч одному из защитников и повелит разить врага.

В настоящее время колонна императора Константина называется Чемберлиташ («Обожженная колонна»). Некоторые историки считают, что такое название памятник получил после мятежа Ника, когда он был испорчен пожаром. Другие исследователи считают эту версию сомнительной, так как в то время колонна стояла в центре форума, и пламя не могло затронуть ее. Пострадала же она от пожара в XVII в., когда форум Константина весь был застроен и здания доходили до основания колонны. После пожара султан Мустафа I повелел окружить обожженный пьедестал каменной облицовкой до второго барабана. Колонна серьезно пострадала и от пожара 1779 г. Османский султан Абдул-Гамид I (1774—1789) достроил постамент колонны и обвел ее железными обручами. После этого колонна Константина и была переименована в Чемберлиташ.

Сегодня колонна, высота которой достигает почти 36 м, состоит из шести порфировых цилиндров, скрепленных железными обручами. Края цилиндров украшены изображения-

Чемберлиташ

ми лавровых венков. До сих пор сохраняются предания, что в основание колонны положены реликвии христианской и других религий: деревянная скульптура богини Афины, привезенная из Трои; посох Моисея, с помощью которого бьет вода на скалах; топор Ноя и крошки хлеба, принадлежавшего Иисусу Христу... Таким образом, на основе легенд доказывалась связь христианства с другими религиями.

Церковь Святых Апостолов

В начале 330-х гг. император Константин заказал переписать пятьдесят Библий для храмов, которые должны были появиться в новом городе. Но сам успел увидеть завершенной только одну церковь; это был его собственный храм-мавзолей, устроенный во имя Святых Апостолов. Хотя следует отметить, что римские императоры не устраивали захоронений внутри городских стен, да и тетрархи не сооружали мавзолеев внутри дворцового комплекса.

Место, выбранное императором Константином для церкви-мавзолея, было необычным. Храм Святых Апостолов располагался на самой высокой точке внутри городских стен — вблизи Адрианопольских ворот, но на самом удаленном расстоянии от дворца. Он возвышался среди обширного двора, окруженного колоннадами портиков, к которым примыкали караульные помещения, большие термы, жилые покои императора и т.д. Все эти здания предназначались для духовенства и военной стражи, охранявшей храм-мавзолей.

Византийский историк Евсевий Кесарийский писал, что храм был «неописуемой высоты»: внутри стены были облицованы цветным мрамором, потолки позолочены, а купол, украшенный мелкими углублениями, весь был покрыт золотом.

Храм Святых Апостолов отличался сложной символикой. Имевший в плане вид четырехконечного креста, он олицетворял торжество христианства и его распространение во всех частях света. На кровле снаружи сверкали бронзовые золоченые черепицы и «маленький домик», возвышавшийся на крыше и окруженный бронзовыми решетками. Более поздние авторы называли его «палаткой» внутри алтарной стены, в которой были сооружены двенадцать «священных столов», символизирующих апостолов (то есть поставленных в их честь столбов). В центре храма император Константин поставил гробницу для самого себя, а по обеим сторонам от гроба стояло по шесть апостольских ковчегов. Таким образом, император Константин становился как бы тринадцатым апостолом. Скончался император в 337 г. в городе Никомидия в самый праздник Троицы.

«Воины, взяв тело Константина, положили его в золотой гроб, покрыли его багрянницей и принесли в Константинополь и поставили на высоком катафалке в одной из лучших комнат царского дворца. Вокруг, на золотых подсвечниках, зажжены были свечи... стояла многочисленная стража, бодрствовавшая днем и ночью. А потом гроб с телом перенесли в храм Святых Апостолов».

Строительство храма-мавзолея было завершено только тогда, когда в нем было погребено тело императора. Но уже в середине IV в. идея об императоре Константине как о тринадцатом апостоле была отвергнута, и гробницу его перенесли в сторону. Со временем храм сделался усыпальницей всех византийских императоров и оставался ею вплоть до завоевания Константинополя турками. В этом же храме были погребены древние патриархи Константинопольские и епископы Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, а также патриархи Никифор и Мефодий, прославившиеся борьбой против иконоборцев.

Позади алтаря находился гроб равноапостольной царицы Елены (матери императора Константина).

При императоре Юстиниане храм Святых Апостолов был расширен и перестроен, причем с особой тщательностью украсили те приделы, арки и портики, которые предназначались для размещения гробниц прежних и будущих императоров. Новая постройка была освящена в 550 г., но впоследствии и она переделывалась.

В первые два года турецкого господства в храме Святых Апостолов размещалась Греческая патриархия, а в 1461 г. на ее месте султан Мехмед повелел поставить мечеть и для большей масштабности и монументальности придать ей внешне вид храма Святой Софии.

Крепостные стены и башни Константинополя

Дело императора Константина по украшению города продолжали и его потомки, однако сначала между его преемниками разгорелась отчаянная борьба за власть. В числе самых драматических эпизодов этой борьбы был мятеж войск, располагавшихся в столице. Император Константин завещал свою огромную империю трем сыновьям и двоим племянникам, и его сын Констанций решил использовать недовольство войск против других наследников. В городе произошла кровавая резня, во время которой были убиты многие родственники умершего императора (в том числе и оба его племянника). Констант (другой сын императора Константина) более десяти лет держал под своей властью западную часть империи, но погиб в борьбе с Магненцием, который провозгласил себя императором. Только после победы Констанция над Магненцием империя вновь была восстановлена под властью одного императора.

Но свой собственный облик империя приняла только после смерти императора Феодосия Великого. Умирая, он поделил государство между своими сыновьями Гонорием и Аркадием: один из них стал в 395 г. императором Западной империи, другой — Восточной. Так римский мир был поделен на две части, хотя в политическом отношении он еще оставался единой империей.

В Восточную империю вошли наиболее богатые, плодородные и культурные области: Египет, Сирия, Палестина, Малая Азия, Греция и Балканский полуостров, острова Эгейского моря, Крит и Кипр. В нее входили и некоторые области, располагавшиеся на территории бывшего Советского Союза, — часть Закавказья и южного побережья Крыма. Это были густонаселенные края с благодатным климатом.

Быстро росло население и самого Константинополя. Сюда, поближе к императорской резиденции, съезжалась

Стены и башни Константинополя

знать, жаждавшая попасть на военную или чиновную службу. Надеясь быстро разбогатеть, в Константинополь переселялись предприимчивые ремесленники и купцы; к тому же со всех концов империи сюда стекался разоренный и обездоленный люд в поисках средств к существованию и в надежде найти работу. Через сто лет после основания в Константинополе было более 500 000 жителей, и первоначальные городские стены уже не вмещали быстро растущее население. Город перерос эти стены и обстроился пригородами. Даже у берега забивали в дно пролива сваи и на них строили дома прямо над водой.

Новые стены, которые вместе со старыми образовали мощный оборонительный пояс с 400 укрепленными башнями, надежно защищавшими Константинополь, строились в два приема. Еще в детство императора Феодосия II префект Анфимий соорудил в 413 г. сухопутную стену с многочисленными башнями — от Мраморного моря до Золотого Рога. Впоследствии сильное землетрясение разрушило значительную часть стен Константинополя, и тогда партии Цирка, возбуждаемые тогдашним епархом Киром (мэром, как бы мы сейчас сказали)¹, взялись восстановить их за свой счет. Они окончили эту колоссальную работу за 60 дней, чем заслужили благодарность всех горожан. Была поправлена не только стена, возведенная Анфимием, но впереди сооружена еще одна — тоже со многими башнями, а перед ней был вырыт ров глубиной 10 и шириной 20 м. Он наполнялся водой, но если кто-то все же и сумел бы преодолеть это пространство, путь ему преградила бы протейхисма — пяти-

¹ Кир был человеком исключительного ума и образованности. Он много сделал для развития и благоустройства города, в частности, с его именем связывается введение в Константинополе ночного освещения улиц. Но популярность епарха показала императору Феодосию II подозрительной и опасной, и он сместил Кира с должности, а потом тот насильно был пострижен в монахи.

метровая стена, построенная на самом краю рва. Затем следовал второй ряд стен высотой 15 м, укрепленных башнями. За ними высились еще более мощные стены толщиной 6—7 м, защищаемые 4-, 6- и 8-угольными башнями высотой от 20 до 40 м. Каменные основания башен находились на глубине 10—12 м, поэтому никакой подкоп не давал осаждающим надежды проникнуть внутрь города.

Таким образом Константинополь, располагавшийся на восточном выступе Серайского мыса и имевший форму продолговатого треугольника, с сухопутной стороны был окружен двойными каменными стенами с зубцами и башнями (наподобие Московского Кремля), со стороны моря его тоже защищали стены. Омываемый с трех сторон город со своими укреплениями в течение нескольких веков был совершенно неприступен. А в те далекие времена враги были не настолько сильны, чтобы вести военные действия одновременно с моря и с суши. К тому же с суши Константинополь мог всегда получать людскую помощь и снабжение припасами. Да и море было богато рыбой, которая всегда выручала жителей в случае затруднений с подвозом продуктов во время военных действий или по каким-либо другим причинам.

В стенах, возведенных при императоре Феодосии II, было устроено десять ворот, которые разделялись на военные, надежно защищенные башнями и открывавшиеся только для вылазок против неприятеля, и гражданские. Последние служили для прохода жителей и облегчали сообщение с кварталами, располагавшимися за городом. К ним выводили дороги, шедшие от окрестностей, а также те, которые вели от ворот Константиновой стены. Гражданские ворота соединялись с городом широкими деревянными мостами, которые перекидывались через ров шириной 20 и глубиной 10 м. Эти легкие мосты при необходимости быстро разбирались или сжи-

гались, гражданские ворота наглухо замуровывались, и город превращался в остров.

Гражданские ворота Феодосиевой стены носили те же названия, что и ворота стены Константиновой; отличали их друг от друга только прибавлением определения «Старые» или «Новые». Такое наименование сохранилось до наших дней, и некоторые из оставшихся ворот до сих пор называются «Ени» («Новые»), хотя покрыты они очень древними надписями.

В сухопутных стенах Константинополя выделялись **Золотые ворота**, сделанные в виде триумфальной арки с тремя пролетами над дорогой, которая вела к императорскому дворцу. Центральный проход в них предназначался для торжественного прохода императорского кортежа. Золотые ворота были возведены еще императором Феодосием I в честь его победы над Максимом. Византийские историки указывают, что при императорах арка была украшена скульптурами, среди которых находились статуи Геракла и Прометея. А в ознаменование своей победы император Феодосий I приказал изваять аллегорическую статую Победы, свою статую, четырех слонов и изображение креста, но в VIII—IX вв. все они были уничтожены землетрясениями. Возвращаясь из походов, императоры торжественно въезжали в Константинополь через эти ворота¹.

«Последним торжественным шествием через Золотые ворота, о котором упоминает история, было возвращение императора Мануила I Комнина в 1156 г. из похода в Паннонию. Городские корпорации во главе со своими представителями, сенаторы, аристократы — все в белых

¹ Через Золотые ворота, по греческому преданию, войдет и будущий завоеватель Константинополя. Чтобы помешать осуществлению предсказания, турки замуровали ворота, и тем не менее под сводами их оставлен замаскированный проход.

одеждах и со свечами в руках — вышли встречать победоносного императора, перед которым шли побежденные паннонцы. Улицы, по которым двигалась процессия, были усыпаны лаврами, розами и миртом и увешаны пурпурными коврами и драгоценными тканями. Зрители заполнили не только высокие трехэтажные трибуны, но и окна и крыши всех домов.

В середине позолоченной колесницы, запряженной четверкой лошадей, везли чудотворный образ Божией Матери Одигитрии; колесницу окружали патриции, консулы и родственники императора. Сам монарх, украшенный всеми знаками победы, восседал на великолепном коне...»

Для народа проход через Золотые ворота был недоступен; для него при Феодосии II был проделан вход немного севернее Золотых ворот, называвшийся «Малые Золотые ворота». Когда к 447 г. строительство новых укреплений закончилось, Малые и Большие Золотые ворота оказались внутри крепостных стен.

Некоторые исследователи в прошлом считали, что Малые ворота будто бы появились после османского завоевания. Однако доказательством их византийского происхождения служит кирпичная арка, прибавленная на уровне кирпичей Феодосиевых стен. К тому же под их сводом долгое время сохранялся византийский мраморный орел, а уж эту эмблему турки вряд ли бы выставили.

В нижнем этаже южной башни Золотых ворот при турках казнили государственных преступников, а головы их бросали в «Кровавый источник». Теперь отверстие его закрыто двумя каменными глыбами.

Силиврийские ворота крепостных стен Константинополя были образованы двумя восьмиугольными башнями. На восточном фасаде южной башни есть надпись: «Эти ворота Живоносного источника, хранимого Богом,

были восстановлены при содействии и за счет Мануила Вриения Леонтариса — преданного слуги благочестивейших императоров Иоанна и Марии Палеологов в мае месяце 1438 г.». Если пройти влево от них примерно 250 м, можно было попасть в Балуклийский монастырь, располагавшийся в живописном лесу.

Среди многих ворот Константинополя следует назвать еще **Меландзийские** (Мевлеви-капы), которые именовались также воротами партии «красных». С внутренней их стороны видны некоторые надписи, в которых название партии сделано резцом: «Победа Константину, господину нашему, Богом хранимому, партией “красных”». Считается, что это те самые ворота, на которые русский князь Олег в 906 г. прибил свой щит после осады Царьграда.

Последними в сухопутных стенах располагались **Деревянные ворота** («Айван-серай-капы»). Непосредственно в город они не вели, а только соединяли прибрежную часть Константинополя с дорогой, шедшей из Космидия. В XVIII в. они были уничтожены с башней и частью стен, соединявших Ираклиеву стену с морем. Рядом с Деревянными были устроены ворота, которые вели прямо во Влахернскую аязму (чудотворный источник). Но их отворили, только когда окончательно заперли Влахернские ворота.

А почти посреди сухопутных стен Константинополя находились **ворота Святого Романа**¹. Здесь располагался главный лагерь турецких войск, осаждавших Константинополь в 1453 г. В этом месте погиб последний византийский император Константин XI Палеолог вместе со многими своими приближенными.

Самый высокий пункт укреплений занимали **Адрианопольские ворота**. В стенах рядом с ними до сих пор вид-

¹ Ныне это место называется Топкапы — «Пушечные ворота».

ны огромные бреши от многочисленных осад, которым подвергался Константинополь. По одной из версий, весной 1453 г. турки проникли в город через маленькую калитку у этих ворот, которая в тот день из-за неосторожности или предательства осталась незапертой. В 1953 г., когда Турция праздновала 500-летие взятия Константинополя, в честь этого события на крепостной стене рядом с Адрианопольскими воротами была установлена мемориальная доска.

От прибрежных стен до настоящего времени не сохранилось почти ничего; на улицах вдоль Золотого Рога к их остаткам лепятся жилые постройки. На побережье Мраморного моря стены совершенно скрыты и лишь частично выступают на поверхность (в частности, между дворцом Топкапы и древней церковью Святых великомучеников Сергия и Вакха).

Сухопутные стены, возведенные императором Феодосием II, наоборот, сохранились почти на всем своем протяжении (от побережья Мраморного моря до побережья Золотого Рога), но и они находятся в полуразрушенном состоянии. Лучше всего сохранился тот участок, который прикрывал бывшую императорскую резиденцию — Влахернский дворец. Здесь мощные укрепления шли в четыре ряда и отличались особой крепостью: главная (внутренняя) стена достигала в высоту 20 м, а толщина ее составляла 4 м. Все это крепостное сооружение было укреплено 120-ю башнями разной формы и величины. Из них лучше всего сохранились и производят наиболее сильное впечатление «Башня Исаака Ангела» и «Башня Анемы».

Во многих местах в стены вделаны каменные и железные доски с надписями в память о разных событиях или людях, поправлявших строение. Но к настоящему времени многие надписи исчезли — особенно те, что были сделаны на железных досках, так как их съела ржавчина.

Храм Святой Софии

Византийцы были живым, энергичным и любопытным народом, поэтому считали своим долгом участвовать не только в политической, но и в церковной жизни, и нередко судьба всего восточно-христианского мира решалась волей непокорных и буйных жителей Константинополя. Расправа над ненавистными вельможами, возведение на престол и низвержение императоров и патриархов, общенародные мятежи и такие же общенародные моления, крестные ходы вокруг городских стен — непрерывная цепь этих и других событий тянется через всю историю Константинополя.

Православная церковь и Империя — вот два столпа, на которых держались жизнь и мир Константинополя. И свое законченное, великое и надчеловечное выражение этот мир воплотил в храме Святой Софии.

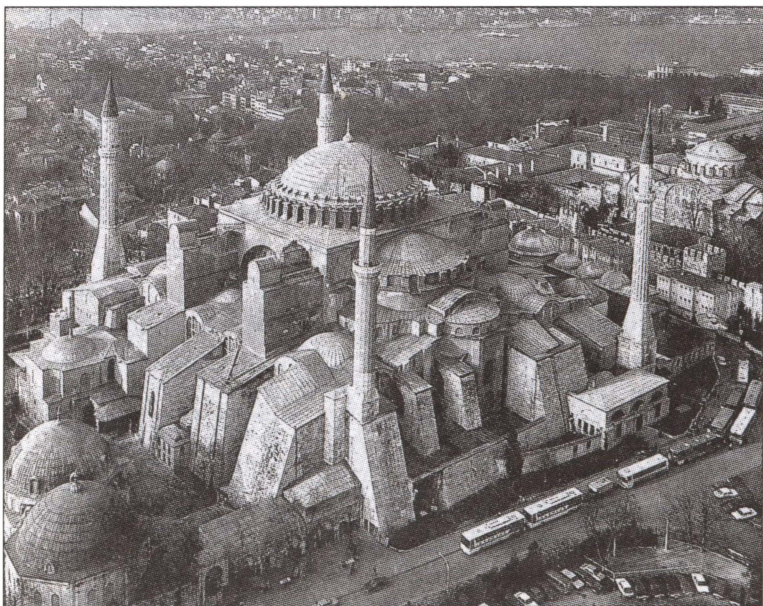
Еще в IV в. император Константин построил в городе базилику (небольшой храм прямоугольной формы) и назвал ее церковью Святой Софии. Но первый храм со временем стал мал для все увеличивавшегося населения города, и Констанций (сын императора Константина Великого) расширил его. В 404 г., в царствование императора Аркадия, базилика сгорела во время мятежа, но в 415 г. Феодосий Младший отстроил ее заново. Губернаторам провинций он повелел отыскивать и доставлять в Константинополь мраморы, колонны, скульптуры — все, что могло бы пойти на украшение храма. Однако во время мятежа 532 г. пожар вновь было уничтожил возводившийся храм. Царствовавший тогда император Юстиниан уже готовился бежать из страны, когда полководец Велизарий вошел с войсками в Константинополь и подавил восстание. В честь этой победы на месте сгоревшей базилики император Юстиниан решил воздвигнуть, по словам летописца, «такой храм, какого не было со вре-

мени Адама и какого не будет никогда». Сохранилось много легенд о покупке земли для его сооружения.

«Так, местность, занятая правой стороной храма, принадлежала одному евнуху, который охотно отказался от своей собственности. Территория с левой стороны принадлежала одному сапожнику, который потребовал за нее двойную плату и особые привилегии. В частности, он захотел, чтобы его, как и императора, зрители встречали на Ипподроме рукоплесканиями.

Земля, где должен был быть устроен алтарь, принадлежала привратнику Антиоху, который не собирался продавать ее. Но так как он обожал скачки, то императорский сановник Стратегий запер его однажды перед самым началом ристалищ. Император же обещал выпу-

Храм Святой Софии

стить его, если он на глазах всех собравшихся зрителей подпишет акт о продаже земли.

На месте, где впоследствии разместилась крестильня, стоял дом женщины, которую звали Анна. Дом был небогатый, но вдова заупрямилась и заявила, что не продаст его, даже если ей предложат 80 бочонков золота. Тогда император сам отправился к ней и стал упрашивать, чтобы она продала землю. Тронутая его просьбами, женщина упала на колени и заявила, что отдаст землю даром. Но попросила, чтобы после смерти ее похоронили возле возведенного храма. Император Юстиниан согласился»...

И вот 23 февраля того же года, в воскресный день после совершения литургии, Константинопольский патриарх в первом часу дня, взяв Честной Крест Господень и святые иконы, первым делом освятил воду. Потом вместе с императором и народом, неся Животворящее древо Креста Господня, все пошли на место, где Юстиниан вознамерился возводить храм. Прибыв туда, император своими руками взял камень и известь и, испросив у Бога благословения, положил их в основание, чему последовали и вельможи двора его.

Юстиниан пригласил известных архитекторов — Анфимия из Тралл и Исидора из Милета — и поручил им постройку храма. Сто других архитекторов управляли рабочими, и каждый из них имел под своим началом 100 каменщиков. Пять тысяч рабочих трудились на правой стороне храма и столько же на левой. Юстиниан не жалел никаких денег и сам каждый день посещал стройку. Вместо того чтобы по восточному обычаю отдыхать после обеда, он обвязывал голову платком и в самой простой полотняной одежде осматривал ход работ. Чтобы не было жалоб и недовольства, деньги рабочим выдавали ежедневно.

Все сословия Византийской империи несли денежную дань на построения храма Святой Софии. Все доходы империи за пять лет не покрыли расходов на его сооружение. Только на амвон и хоры был потрачен годовой доход от Египта. По приказу императора все провинции и города империи поставляли в Константинополь самые замечательные остатки античных зданий и мрамор. Рим, Афины, Эфес прислали колонны, которые и сейчас вызывают восхищение. Из Проконеса доставляли белоснежный мрамор, из Каристоса — светло-зеленый, из Ясоса — бело-красный, из Фригии — розовый с прожилками. Толстые плиты мрамора разрезались таким образом, чтобы прожилки на них составляли фигуры — деревья, фонтаны, водопады, фантастические лики людей и животных¹.

Много необычного было в строительстве этого собора. Примечательно, например, что многие материалы, использовавшиеся при возведении Святой Софии, были взяты из храмов, принадлежавших почти всем языческим религиям. Восемь порфировых колонн нижнего этажа храма были привезены из знаменитого храма Солнца в Баальбеке, другие восемь колонн — из эфесского храма Артемиды и т.д. Известь изготавливали на ячменной воде, в цемент добавляли масло. Для верхней доски престола был изобретен новый материал: в растопленную массу золота бросали ониксы, топазы, жемчуг, аметисты, сапфиры, рубины — словом, все самое дорогое.

Постройка храма, его размеры и украшения производили на современников невыразимое впечатление, поэтому неудивительно, что вокруг всего этого сразу же стали складываться легенды и мифы. Рассказывали, что план здания был вручен императору Юстиниану во сне ангелом. Когда между императором и архитекторами возни-

¹ Некоторые прорицатели и гадалки и в наше время пытаются по этим изображениям предсказать судьбу человечества.

кали споры (например, сколько окон делать над главным алтарем), Юстиниану якобы во сне опять явился ангел и приказал сделать три окна в честь Святой Троицы.

Храм Святой Софии представляет собой пространственный четырехугольник, к которому со всех сторон примыкают четыре меньших квадрата, образующие внутри главные части храма и форму креста. По углам центрального квадрата возвышались четыре массивных столба, вершины которых соединялись между собой полукруглыми арками.

К восточной и западной частям среднего свода примыкают два полукупола, а к каждому из них — по три ниши, так что крыша главной части здания состоит из девяти куполов, покрытых свинцовыми листами и возвышающихся один над другим. Стены храма облицованы громадными плитами из розового, зеленого, темно-серого и белого мрамора разных оттенков, отделенными друг от друга тонкими мраморными рамками или бордюриками. Император собирался было покрыть стены сверху донизу золотом, но потом передумал. Мудрецы не советовали искушать будущих правителей, которые в погоне за золотом непременно разрушат храм. Если же здание украсить камнем, оно будет стоять вечно.

Пол и стены Святой Софии были выложены разноцветным мрамором, порфиром и яшмой и походили на луг, усыпанный цветами. Верхние части стен украшали великолепные мозаики, на ярко-голубом или золотистом фоне которых были изображены фигуры святых и императоров. Они чередовались с выложенными мозаикой орнаментами, изображениями растений, наполненных плодами рогов изобилия, сидящими на ветках птицами и виноградом, распускающим свои золотые листья... Громадная центральная часть храма по краям тонула в полумраке, в торжественной тишине которого мерцали строгие лики святых и драгоценное убранство.

Эта самая пышная византийская постройка действительно создавала впечатление ослепительного великолепия. Византийский летописец VI в. Прокопий Кесарийский так пишет об этом соборе: «Этот храм являет собой чудесное зрелище. Тем, кто его видит, он кажется исключительным, тем, кто о нем слышит, — невероятным. Он взмывает ввысь, словно до самого неба, выделяясь среди других зданий, как ладья на бурных волнах моря... Он весь полон света и солнечных лучей, и можно было бы сказать, что не снаружи идет это освещение, а само оно рождает этот дивный блеск, так чудно светел этот храм».

В день освящения храма, 27 декабря 537 г., император Юстиниан подъехал к главному входу на колеснице, запряженной четверкой лошадей. Он быстро прошел до середины собора и, подняв к небу руки, воскликнул: «Слава Богу, который дал мне возможность закончить эту постройку. О, Соломон! Я превзошел тебя!». Празднества по случаю освящения храма продолжались 15 дней.

В архитектурно-художественном и техническом отношении наиболее эффектной частью храма является его купол. Именно на нем было сосредоточено все внимание зодчих. В плане купол очень близок к кругу, а некоторые отклонения (помимо вполне понятных строительных допусков) объясняются еще и многочисленными разрушениями и перестройками. В первоначальной идее купол — сферический и в плане очерчивается окружностью диаметром почти в 32 м. Купол покоится на четырех опорах, и тот же летописец Прокопий Кесарийский так описывает впечатление, производимое им: «Кажется, что он покоится не на каменной кладке, а свисает с неба на золотой цепи». Купол сложен из глиняных горшков, сделанных из белой пористой глины, найденной на острове Родос. Глина эта была такая легкая, что вес двенадца-

ти таких горшков равнялся весу одного обыкновенного кирпича.

Купол образуют сорок радиальных арок, причем окна и промежутки между ними были рассчитаны так, что в солнечные дни создавалось впечатление, будто он парит в воздухе.

Через 20 лет случилось землетрясение, во время которого пошатнулись стены храма и была разрушена восточная часть купола¹. Огромные повреждения наносили храму и частые пожары, но после каждого бедствия собор Святой Софии заново восстанавливали. К тому времени, когда обвалился купол храма, Анфимия и Исидора уже не было в живых, и восстановление его поручили племяннику Исидора — Исидору-младшему. Он приподнял купол на 9 м, в результате чего тот потерял легкость, которая так восхищала современников. Вторично купол обвалился в 986 г. Реконструировал его архитектор Трдат из Армении. Этот купол и сохранился до наших дней.

Перед входом в храм Святой Софии располагался открытый двор, обнесенный портиком и вымощенный плитами. Посреди двора был устроен бассейн; лишь одна только галерея нартекса² была без украшений. В следующей (внутренней) галерее у входных ворот перед молящимися предстал мозаичной работы архангел Михаил с огромным поднятым мечом. Все живописные изображения были нарисованы красными красками по золотому полю.

Когда-то верхнюю часть стен первого этажа и стены галерей покрывали мозаичные рисунки на религиозные темы, портреты императоров и патриархов. На стенах

¹ Согласно одной мусульманской легенде, землетрясение это случилось в ночь, когда родился Пророк Мухаммед.

² Нартекс (нарфик) — притвор, входное помещение, примыкающее обычно к западной стороне христианских храмов.

храма блистали изображения Пресвятой Богородицы, святых апостолов и евангелистов, а также греческих крестов с надписью: «Симъ знаменіем победиши». В куполе были изображены Отец Вседержитель и четыре херувима — из мозаики и цветного стекла, смешанного с золотом и серебром.

В середине центрального нефа¹ стоял амвон, искусно сделанный из слоновой кости, серебра и цветного мрамора. Купол над амвоном был изготовлен из золота и украшен драгоценными камнями. О богатстве собора ходили легенды. Современники утверждали, что в одной только ризнице было 40 000 фунтов серебра. Летом 1437 г. Константинополь посетила особая папская комиссия, в докладе которой впоследствии было написано: «Все церкви достойны удивления, однако Святая София превосходит все во всех отношениях — своими мраморными стенами и колоннами всякого цвета; мозаикой, которая сияет как солнце; скульптурой, весьма тонко изваянной на мраморе. Дверей в храме — медных, железных и деревянных — насчитывается столько, сколько имеется дней в году. Церковь настолько обширна, что здесь могут вместиться более 100 тысяч человек». А поэт Корипп называл Святую Софию «чудом света, которое затмевает все другие храмы и представляет точное отображение самого неба».

Церковь Пантократора

На четвертом холме Константинополя был расположен богатый «царский мужской» монастырь Пантократора (Вседержителя), пользовавшийся особой милостью

¹ Неф (корабль) — вытянутое помещение, продольная часть христианского храма, ограниченная с одной или с обеих сторон рядом колонн, опор или столбов.

византийских императоров и даже соперничавший со знаменитой Студийской обителью. Главным в монастыре был северный храм, который своими куполами и квадратными колоннами напоминал наши московские соборы.

Монастырь Пантократора был построен в 1125 г. императрицей Ириной (супругой императора Иоанна II Комнина) отчасти на средства самого императора. Его прекрасные мраморные колонны ныне выбелены, как стены церкви, но в свое время храм Пантократора был отделан с большой роскошью. Императрица Ирина украсила обитель мозаиками и многими реликвиями, а окончательно храм был украшен императором Мануилом Комнином.

Архитектурный план и очертания церкви Пантократора очень оригинальны. По существу, это три церкви со многими куполами, объединенные в одну. Внешне линии здания довольно четко намечены изогнутыми фронтонами, соответствующими внутренним сводам ниш.

Рядом с церковью, в особом склепе, находятся могилы императора Иоанна II Комнина и других представителей этой династии. Близ храма была похоронена и императрица Ирина, на могиле которой до сих пор сохраняется надгробный памятник. Когда-то саркофаг императрицы был украшен крестами, вырезанными на круглых рельефных щитах. Теперь это единственный саркофаг, который остался от многих монументальных гробниц; на нем и сейчас еще видны полустертые кресты. Греки называли его гробом Константина Великого, но ученые указывают другое место захоронения этого императора — на великолепном дворе мечети султана Баязида¹.

¹ Стоустая молва утверждает, что на этом памятнике таится пророческая надпись о возвращении Константинополя христианам. Об этом рассказывалось ранее.

В той же церкви была похоронена Берта (в крещении Ирина) — супруга императора Мануила Комнина, дочь немецкого графа Зульцбахского и невестка императора Конрада. Спустя некоторое время и Михаил Комнин последовал за супругой; его мавзолей представляет собой семярусную пирамиду из черного мрамора. На церковном погосте были похоронены и некоторые принцессы из рода Палеологов.

Впоследствии здание церкви пострадало во время одного из землетрясений, однако со временем вновь было отстроено и теперь состоит, как указывалось выше, из трех смежных церквей.

В церкви Пантократора некогда хранился чудотворный образ Пречистой Девы Марии (по преданию, написанный святым апостолом и евангелистом Лукой), который по большим праздникам выносили на поклонение народу. В обители хранился и святой камень, на который было положено пречистое тело Спасителя, снятое с креста. О главной святыне монастыря русские паломники XIII—XIV вв. писали так: «Доска, на ней же бысть Господь, егда сняша Его с креста, и тогда Святая Богородица плакала, осязавши тело сына Своего и Бога, и шли слезы ее на доску, и суть белы видением, аки капли вошчаные». Но при этом русские паломники уже не упоминают о двух чудотворных иконах с образами Димитрия Солунского и Пресвятой Богородицы и других реликвиях. Паломники могли поклониться и каплям Крови Господней, которая истекла из тела Иисуса Христа во время распятия. В особом сосуде в монастырском храме хранилось Святое Евангелие, которое золотом написал император Феодосий Младший.

Крестоносцы устроили в церкви Пантократора свой главный штаб, так как она господствовала над городом. После латинского завоевания Константинополя, когда монастырем Пантократора завладели венецианцы, боль-

шую часть его реликвий можно было уже видеть в соборе Святого Марка.

Турки сначала устроили в монастыре базар, но потом от него не осталось и следа. В церкви же, где когда-то монахи дни и ночи проводили в молитве, султан Мехмед II разместил войсковую сапожную мастерскую. Впоследствии церковь Пантократора была превращена в мечеть, которая называется Зейрек-килисе. Располагалась она в бедном районе и, естественно, пришла в полный упадок. Мусульманские богослужения совершались только в южной части храма, а вся северная его часть (наиболее интересная по своей архитектуре) была заброшена...

Церковь Святой Ирины

Если пройти от храма Святой Софии к северу, то в ограде старого султанского дворца Топкапы — на холме, где когда-то был заложен город Византий, можно увидеть церковь Святой Ирины — святыню православного мира и одну из древнейших в Константинополе. В первоначальном своем виде она была построена на месте храма Афродиты императором Константином Великим, который посвятил ее Божественному миру. Расширенная и украшенная церковь Святой Ирины впоследствии была объединена с первой Святой Софией, построенной в ее внутреннем нарфике при Констанции II.

В таком виде церковь Святой Ирины простояла более 200 лет. Во время восстания Ника она сгорела вместе с храмом Святой Софии, но при императоре Юстиниане была заново выстроена уже в новых архитектурных формах. Базилика времен императора Константина превратилась в купольный храм, возведенный на старом основании.

На 38-м году правления императора Юстиниана церковь пострадала от пожара, но была восстановлена и простояла целой и невредимой до правления императора-иконоборца Льва Исавра. При нем храм сильно пострадал от случившегося 26 октября 740 г. землетрясения, но впоследствии был отреставрирован.

Церковь Святой Ирины увенчивал купол, покоившийся на высоком барабане, в котором было проделано двадцать окон. Внутри церковь разделена на три корабля-нефа: гладкие стены центрального нефа заканчиваются двумя полукруглыми арками с тремя рядами окон.

Колонны и карнизы церкви сделаны из белого мрамора. Стройные колонны возведены в два ряда; верхний ряд по своему устройству напоминал форму креста. Внутреннее убранство храма выглядит очень просто, лишь кое-где на своде сохранилась мозаика.

С самого своего основания и до царствования последнего византийского императора храм Святой Ирины был патриаршей церковью, но не имел своего клира, и богослужения в нем совершал клир храма Святой Софии. Но хотя храм Святой Ирины был патриаршим и находился неподалеку от Святой Софии, торжественные церковные праздники проходили в нем сравнительно редко. Крестные ходы в него и от него тоже не упоминаются ни в церковных, ни в придворных уставах — кроме одного, который был установлен в память воссоединения церковных партий и прекращения раскола, возникшего по поводу четвертого брака императора Льва VI Мудрого. В память примирения сторонников патриархов Николая Мистика и Евфимия и было установлено совершать крестный ход из Святой Софии в храм Святой Ирины. Но так как событие это (примирение церковных партий. — *Н. И.*) имело временный характер и не оказало продолжительного влияния на дальнейшие судьбы Константинопольской Церкви и государства, то празднование его продол-

жалось недолго — пока были живы заинтересованный в этом император Константин VII Багрянородный, родившийся в четвертом браке императора Льва VI, и участники раскола. С течением времени события эти изгладились из памяти, и крестный ход в храм Святой Ирины исчез из церковной и придворной практики.

После турецкого завоевания церковь Святой Ирины не была превращена в мечеть, как это случилось с другими христианскими храмами. Сначала в ней разместился арсенал, а потом Музей старинного оружия, которое было развешено по стенам, колоннам и галереям до самого купола. В число его экспонатов входило много древностей — осадные машины времен крестоносцев, кольчуги, латы, щиты, мечи и пр. По рассказам, среди старинного оружия, хранящегося в Музее, были мечи султана Мехмеда II и албанского героя Скендер-бея, поручни Тамерлана, ключи от всех городов, завоеванных Османской империей. Кроме оружия на дворе и в окружающих его галереях хранились памятники античного и христианского искусства, найденные во время археологических раскопок и в самом Константинополе, и в других местах Османской империи. В коллекцию входили также колокол храма Святой Софии и знаменитая железная цепь, которая при византийских императорах и генуэзцах перепоясывала Босфор и пропускала корабли только после уплаты ими таможенной пошлины.

Традиция коллекционирования и собирания предметов искусства берет свое начало в Турции со времен правления султана Мехмеда Завоевателя. Сначала султан начал собирать во двор своей мечети саркофаги византийских императоров. Потом собрание их пополнилось византийскими колоннами и капителями колонн с площади султана Ахмеда. Эти произведения составили ядро первой коллекции, а потом традиция, заложенная султаном Мехмедом II, была продолжена следующим обра-

зом: в узелки из шелковой ткани были собраны различные одеяния и костюмы правителей — с их младенческих лет и до зрелого возраста. Впоследствии к ним присоединились вещи, привезенные из различных районов империи, и хранилось все это в церкви Святой Ирины.

Впоследствии, когда в султанском дворце Топкапы была устроена Оружейная палата, а в Бейоглу открыли Военный музей, в них из церкви Святой Ирины перенесли немало ценных византийских и османских реликвий. На церковном дворе остался лишь постамент бронзовой статуи, на котором были четыре изображения победителя, увенчанного на скачках, — знаменитого наездника Порфирия.

Впоследствии на дворе церкви Святой Ирины разместились обломки больших монументов, а также целые памятники, не нашедшие места в залах Оттоманского музея. Среди них — огромная голова медузы Горгоны из белого мрамора, найденная на форуме Константина; обломок порфирового обелиска, база порфировой колонны и серебряная статуя императрицы Евдокии (супруги императора Феодосия II)¹. В настоящее время перед церковью осталось много старинных пушек, захваченных турками в сражениях. Кроме того, в церковном дворе можно увидеть несколько мраморных гробниц византийских императоров, которые перенесли из склепа храма Святых Апостолов. До разграбления Константинополя крестоносцами в этих саркофагах покоились останки Константина Великого, Юлиана, Феодосия Великого, Аркадия IV и других императоров Византии. В настоящее время саркофаги эти не имеют никаких украшений, кроме одного-двух византийских крестов и монограммы императоров.

¹ Колонна и статуя были поставлены на Августейоне в 408 г. епархом города Симпликием.

От случившегося 28 июня 1894 г. землетрясения купол и стены церкви значительно потрескались. Почти на каждом окне в куполе была трещина, которая шла до самого основания барабана. Во многих местах отвалились штукатурка и некоторые декоративные украшения, слабее других державшиеся на здании.

За почти 17 веков своего существования церковь Святой Ирины глубоко выросла в землю, но с двух сторон церковное здание раскопано до фундамента — на глубину около 4 м. Одно время к этому памятнику мировой истории буднично, совсем по-домашнему лепились какие-то простенькие строения, какой-то частный двор с кирпичным заборчиком и кособокими воротами, какая-то деревянная хибарка с верандой... А в свое время в церкви Святой Ирины хранились останки святого Иоанна Златоуста — архиепископа Константинопольского.

Святитель Иоанн Златоуст, великий Вселенский учитель и иерарх Церкви, скончался в 407 г. в г. Команы на пути к месту ссылки, осужденный по приговору императрицы Евдоксии за смелое обличение пороков, царивших в Константинополе. Святой Иоанн Златоуст пользовался горячей любовью и глубоким уважением народа, и скорбь о его безвременной кончине глубоко затронула сердца христиан. Архиепископ Константинопольский Прокл (ученик святого Иоанна) побудил народ просить императора, чтобы мощи святого Иоанна были перенесены в столицу. Император согласился, но посланные им люди никак не могли поднять святые мощи до тех пор, пока император не понял свою ошибку и не прислал святому Иоанну послание, в котором смиренно просил прощения за себя и свою мать Евдоксию.

Послание зачитали у гроба святителя, и после этого легко подняли мощи, внесли их на корабль и доставили

в Константинополь. Перенесение честных мощей Иоанна Златоуста из Коман в Константинополь совершилось через 30 лет после смерти святителя — при императоре Феодосии II. Рака с мощами была поставлена в церкви Святой Ирины. Архиепископ Прокл открыл гроб святого Иоанна, и все увидели, что останки Иоанна Златоуста сохранились нетленными. Император, припав к гробу, со слезами просил прощения. Народ весь день и всю ночь не отходил от раки, которую наутро перенесли в церковь Святых Апостолов. Народ взывал: «Приими престол твой, отче!». Тогда архиепископ Прокл и клирики, стоявшие у раки увидели, что святитель Иоанн открыл уста и произнес: «Мир всем».

Церковь Хора

До перенесения римской столицы на берега Босфора обитель Хора была загородным монастырем и располагалась в окрестностях Византия. Название ее по-гречески так и означает — «сельский скит вне стен города», «монастырь в поле». Когда при императоре Константине Великом город разросся, монастырь стал пригородным, а при Феодосии Великом, по повелению которого была сооружена вторая крепостная стена, он оказался уже на окраине Константинополя, однако сохранил свое прежнее название — «монастырь в поле».

Расцвет храма связан с Феодором — дядей (со стороны матери) императрицы Феодоры. Император Юстиниан назначил его протопатриkiem и отправил в Малую Азию воевать с персидским царем Хозроем. Феодор блистательно справился с возложенной на него задачей, разбил персов и вынудил их подписать выгодный для византийцев мир. Закончив поход, Феодор отправился назад, но по дороге передал войско полководцу Велизарииу, а

сам с двумя учениками — Феопластом и Тимофеем — решил посетить святыне Палестины. Обойдя Святую Землю, они потом все трое поселились в Антиохии, где и приняли постриг.

Феодор скрывал свое имя, но вскоре слава о его святости распространилась широко, и к нему со всех сторон стали приходить люди за советом и благословением. Наконец — совсем случайно — Феодор был узнан, о нем сообщили императору Юстиниану, и тот немедленно вызвал дядю своей супруги в Константинополь. Поехал Феодор в столицу в свите Антиохийского патриарха, отправлявшегося на заседания церковного Собора. Когда Собор закончил работу, Феодор хотел вернуться в свою келью в Антиохию, но император упросил его остаться в Константинополе. Феодор нехотя согласился и стал подыскивать место, где бы мог продолжить свои монашеские подвиги.

Церковь Хора

На холме неподалеку от городских ворот, на земле вельможи Харисия, он нашел маленький монастырь, стоявший в тихой части города. В центре обители располагалась церковь, представлявшая собой небольшой, очень древний и очень скромный храм. Феодор поселился здесь со своими учениками, потом принял еще несколько человек братии, и зажили они тихо и свято. Но в 557 г. случилось сильное землетрясение, от которого все монастырские постройки повалились. Император Юстиниан заново выстроил обитель, расширил ее, возвел прекрасный храм во имя Пресвятой Богородицы и окружил монастырь высокими стенами. А Феодор основал при обители богадельню и больницу.

После того как церковь была роскошно украшена живописью и мозаикой, она стала одним из лучших сооружений Константинополя. Расположившаяся в центре обширного монастыря, церковь Хора представляла собой здание с центральным нефом и двумя нартексами; центральный свод ее поддерживался цилиндрическим барабаном с устроенными в нем окнами. Маленькие купола, тоже опиравшиеся на цилиндрические барабаны и с такими же проделанными в них окнами, освещали нартекс.

При латинянах церковь Хора пришла в полное запустение, а здание ее обветшало настолько, что в XII в. уже грозило обрушиться. Поэтому когда византийские императоры покинули Большой дворец и переселились во Влахерн, монастырь и церковь Хора оказались в ближайшем соседстве с ним — в богатой и аристократической части города. Обитель сделалась предметом царского попечения, и Мария Дука (теща императора Алексея I Комнина) перестроила храм в соответствии с планами церквей того времени. Внутри храм, посвященный Иисусу Христу, был украшен цветным мрамором и прекрасными мозаиками. Феодор Метохит — любимый советник императора Андроника II Палеолога, просвещеннейший

человек своего времени, дипломат, богослов, философ, историк, астроном, поэт, покровитель искусств — на свои средства полностью отреставрировал монастырь и храм, к которому прибавил боковую галерею (может быть, чтобы устроить в ней место погребения). Были обновлены также внутренние украшения (за исключением центральной части, которая осталась без перемен).

«Метохит пользовался полным доверием императора, который не имел от него никаких тайн и даже женил своего племянника на умной и образованной Ирине (дочери Метохита). Однако, несмотря на высокий почет, ему оказываемый, Метохит с тревогой думал об опасностях, угрожавших стране из-за философских и религиозных раздоров. Он непрестанно указывал императору и на турецкую опасность, которая, как ему казалось, когда-нибудь станет причиной полной гибели Византии.

Внутренние смуты усиливались день ото дня, и император и вельможа находились в весьма затруднительном положении. Во время междоусобиц 1321—1328 гг. Метохит показал себя талантливым посредником между императором и его честолюбивым внуком Андроником Младшим, претендовавшим на византийский престол. Чтобы не навлечь на себя ненависти той и другой стороны, Метохит сначала был беспристрастен к обеим партиям. Но когда между императором и внуком произошел разрыв, он встал на сторону своего старого владыки и отверг все обещания Андроника Младшего. И стал первой его жертвой...

Ночью 22 мая 1328 г. тот, благодаря измене императорской стражи, проник со своим войском в город. Дом Метохита был разрушен до основания и разграблен, самого вельможу сначала бросили в тюрьму, а потом изгнали из города. Но впоследствии ему разрешили вернуться, и он

окончил свои дни в монастыре Хора, где прожил до середины марта 1332 г., приняв в иночестве имя Феолепт.

Вместе с Метохитом в монастыре содержался его друг — крупный ученый Никифор Григор, который в своем сочинении так писал нем: «С утра до вечера он (Метохит. — *Н. И.*) всецело отдавался общественным делам, как будто наука была ему совершенно безразлична. Но вечером, покинув дворец, он погружался в науку до такой степени, словно он был ученым, не имеющим абсолютно никакого отношения к другим делам».

После захвата Константинополя турками церковь Хора еще некоторое время оставалась христианским храмом, который служил местом тайных собраний христиан, желавших сбросить турецкое иго. Об этом донесли султану Баязиду II, и тот приказал своему первому визирю Аттыку Али-паше прекратить беспорядки. Выполняя повеление султана, визирь обложил монастырь войсками; блокада обители длилась семь дней, а когда храм все-таки был взят, — в нем никого не оказалось. Впоследствии выяснилось, что вооруженные христиане в последний момент вышли через подземный ход в район собора Святой Софии¹.

Разгневанный результатом блокады монастыря султан Баязид II повелел обратить церковь в мечеть и назвать ее «Кахрие Аттык Али-паша Дамиси». Но со временем такое длинное название забылось, и мечеть стали называть просто Кахрие-джами². Христианский храм переделывался в мечеть в короткие сроки, поэтому все

¹ Ход этот начинался из фресковой комнаты, потом он был завален во время очередного землетрясения. Впоследствии по нему можно было пройти только до акведука Валента.

² Обычно это название переводится как «Мечеть победы», но есть и другие толкования.

фресковые и мозаичные фигуры стали поспешно заштукатуривать, но сделали это не полностью. Только главнейшие признаки фигур святых (лики, руки, ноги) турки покрыли охрой, да и то не везде. Поэтому большинство композиций церкви Хора остались в Кахрие-джами в своей первозданности и являются прекрасным образцом искусства византийского Ренессанса.

Стены церкви до самых сводов покрывали большие плиты серого мрамора, обрамленные зелеными полосками. Часть окон цилиндрического барабана, которые прежде были разделены изящными колонками, теперь замурована, а находившиеся в церкви великолепные картины с тех пор хранятся в пристройках. В храме Хора хранился и чудотворный образ Богородицы Одигитрии, по преданию написанный евангелистом Лукой. Во время Пасхальной недели этот образ с большим торжеством переносили из церкви в императорский дворец, а затем обратно. В первые часы завоевания византийской столицы турки разбили образ Пресвятой Богородицы, но латиняне утверждают, что увезли его в Венецию.

Несмотря на множественные переделки, оставшиеся мозаики сохранили свою красоту и, как и прежде, полны жизни, естественности и изящества. Поэтому в церкви Хора следы византийской культуры сохранились наиболее полно, чем в других переделанных церквях. К тому же при султанах Абдул-Азизе, большом ценителе византийского искусства, многие мозаики и фрески были освобождены от штукатурки.

Сюжеты знаменитых мозаик и фресок церкви Хора, в которых до самых мелочей все было разработано с особенной тщательностью, заимствованы из земной жизни Иисуса Христа — предвечного Бога, возвещанного еще ветхозаветными пророками. Он — истинный Бог, рожденный от Духа Святого, и в то же время Он — истинный человек, рожденный от Девы из дома Давидова. Чтобы

представить эти церковные догматы наглядно и общепонятно, нужен был цикл картин, который охватывал бы и ветхозаветных пророков, и житие Пресвятой Богородицы, предназначенной для непостижимого чуда, и, конечно же, житие Господа нашего Иисуса Христа.

Известный русский академик Н.П. Кондаков, исследователь настенных росписей Кахрие-джами, считал, что храм расписывался в разное время, по частям. Однако зрителю сразу же бросаются в глаза строжайшая последовательность и связность образного ряда. Мозаики начинаются с куполов внутреннего нарфика. В ключе южного купола в медальоне изображен Господь Пантократор (Вседержитель). От медальона лучами расходятся ребра купола, делящие его внутреннюю поверхность на 24 поля, в которых в два яруса расположены фигуры. В верхнем ярусе изображена родословная Спасителя от Адама до Иакова; в нижнем ярусе мозаики представляют двенадцать сыновей Иакова, двух его внуков и, вероятно, одного правнука — сына Фаресова. Далее родословная Иисуса Христа продолжается в северном куполе, а между двух больших аркад изображена Божия Мать, прижимающая к груди медальон с изображением Младенца Христа. Затем следуют изображения святых, одетых по-придворному; по сторонам Царских врат изображены святые апостолы Петр и Павел. Слева от входной двери, в верхнем ярусе, изображены шестнадцать царей израильских, в нижнем — одиннадцать пророков.

Мозаики, находящиеся по обе стороны центральных дверей, прикрыты деревянными ставнями, как того требует ислам. Но ставни можно открывать, чтобы увидеть святые образа. Внутри второго нартекса (на средних дверях, ведущих в храм) есть мозаика, изображающая Иисуса Христа, сидящего на престоле, а Метохит, преклонив колена, подает Ему модель церкви в миниатюре. На голове Метохита высокая белая шапка, украшенная белы-

ми полосами; сам он одет в золотую тунику, поверх которой зеленый плащ с вышитыми по нему красными цветами.

Мозаичное настенное панно, расположенное слева от церковной абсиды, изображает Иисуса Христа; здесь сделана надпись — «Мученики, да придите ко Мне». Справа изображена Пресвятая Богородица. Настоящим шедевром церкви Хора является мозаика, изображающая святого апостола Павла: у него вдохновенное лицо, а фалды его одежды создают впечатление трехмерности пространства. Прекрасны также фрески, запечатлевшие святых с характерными для византийского искусства продолговатыми лицами простых греков...

В мозаиках Кахрие-джами, отмечал ученый-исследователь Ф.И. Шмит, «как в финале, сведено и собрано все, что выработало в течение столетий восточное искусство; и в них же, как в увертюре, намечены уже все мотивы, которым суждено было так пышно развиваться на другой почве — в золотую пору Возрождения».

Живоносный источник в Балуклии

В нескольких километрах от монастыря вертящихся дервишей (о нем будет рассказано отдельно) некогда располагалось старинное кладбище с полуразрушившимися монументами и вросшими в землю плитами. За ним высятся монастырские стены; это Живоносный источник с греческим монастырем Балуклы. Чистенькая, опрятная обитель укрылась в прекрасном месте, осененном кипарисами и платанами. С древних времен чудесное место это, называемое Балуклией, посвящалось Пресвятой Богородице. Посреди него находился источник, от которого благодатью Божьей совершалось много чудес. Но долгое время место это оставалось неухоженным,

отчего источник засорился, а потом и само место заглохло от множества кустарников и накопившейся тины, которая препятствовала течению воды.

Однажды проходивший здесь воин Лев Макелл увидел слепого человека, блуждавшего по непроходимым местам и незнавшего куда идти. Он подал слепцу руку и повел его по тропинке, но тот от сильного утомления и дневного зноя сильно хотел пить. Они приблизились к густому лесу, но слепец от жажды так ослаб, что не мог даже стоять. Поэтому Лев посадил его в тень, а сам отправился на поиски воды. Однако он долго не мог найти хоть какой-нибудь источник и, опечаленный, уже решил вернуться к слепому. Но тут в вышине раздался голос: «Лев, не печалься! Вода, которую ты ищешь, близко — обернись назад и отыщешь ее». Лев обернулся, но как будто и сам сделался слепым: долго осматривался кругом, но воды не находил. И тут он вновь услышал тихий и приятный голос, не только называющий его по имени, но и предсказывающий царское достоинство: «Император Лев! Войди в эту густую и тенистую рощу и найдешь воду; почерпни этой воды и утоли жажду слепого. А потом помажь илом его глаза. Кто Я, здесь живущая, ты скоро узнаешь. Устрой Мне на этом месте храм, в нем Я буду внимать молитвам и подавать желаемое всем, с усердием и верой сюда притекающим. Ничто не сильно будет противиться Моей власти: болезнь ли неисцелимая, демонское ли наваждение или что другое — только бы просили Меня благоговейно».

Лев с верой исполнил повеление: он быстро отыскал воду, напоил слепого, илом помазал ему глаза, и тот, слепой от рождения, тотчас прозрел. Случилось это чудо в 450 г., в царствование императора Маркиана, но по пророчеству Пресвятой Богородицы через короткое время после него в царское достоинство был возведен Лев Макелл. Вступив на престол, он сразу же повелел очистить

чудотворный источник, а потом воздвиг над ним церковь во имя Божьей Матери, назвав ее храмом Живоносного источника.

Впоследствии император Юстиниан, возвращавшийся с охоты, увидел здесь множество народа и спросил о причине, собравшей здесь людей. Ему сказали, что воды источника только что совершили очередное чудо, исцелив одного больного. Сам император несколько лет был болен водянкой, но лишь только с верою помолился он у святого источника, как тотчас исцелился. К тому времени строительство собора Святой Софии было уже завершено, и остатки материалов, заготовленных на его возведение, император повелел употребить на украшение церкви, построенной императором Львом.

Храм Живоносного источника воистину сделался неисчерпаемым источником чудесной благодати Божьей. Например, царица Зоя, много лет не имевшая детей, по обету ходила сюда и усердно молилась Царице Небесной, а возвратившись, скоро зачала и родила сына — будущего императора Константина Багрянородного. Число совершавшихся здесь чудодействий было так велико, что еще в древности православная церковь установила обычай — в пятницу Светлой седмицы совершать празднование в честь Божьей Матери в воспоминание великих и чудесных исцелений у Ее источника. Чудотворная сила источника не только больных исцеляла, но и мертвых воскрешала. Так, например, однажды из Фессалии по морю ехал к святому источнику один паломник. Но в пути он умер, однако перед смертью успел попросить корабельщиков перенести его в храм Живоносного источника и там вылить на него три ушата целебной воды. Как только это было исполнено, мертвый ожил.

А однажды во время очередного землетрясения людям, находившимся в храме, грозила смерть. И тогда Пречистая Дева явилась перед ними на воздухе и поддерживала храм до тех пор, пока все не вышли из него.

Церковь, украшенная императором Юстинианом, простояла 200 лет, а потом разрушилась от землетрясения. Императрица Ирина выстроила ее заново с еще большим великолепием, а благоговение к этому храму было так велико, что браки членов императорской фамилии совершались предпочтительно в нем, а не в соборе Святой Софии. Когда болгарский царь Симеон преследовал греков до самых стен их столицы, то именно в церкви Живоносного источника венчал он потом своего сына Петра с Марией — дочерью императора Романа I. Здесь же состоялось пышное бракосочетание дочери Иоанна Кантакузина с сыном Андроника III.

Храм, устроенный вдоль Живоносного источника, имел вид продолговатого четырехугольника. Восточный и западный портики его высоко поднимались, а два других примыкали к соседним стенам. Над зданием возвышался купол — «прекрасный, как небо, и блиставший, подобно огню». Внутри купола были изображены чудеса Иисуса Христа и Его Пречистой Матери, а в самой середине его — Живоносный источник и Пресвятая Дева Мария с Предвечным Младенцем на руках. Лик Царицы Небесной, обращенный к воде, отражался в источнике, как в зеркале. Внешнему изяществу храма соответствовало и его внутреннее убранство: «свод храма был украшен золотом, а стены выложены мозаикой, так что свет, входя окнами и отражаемый сводами и стенами, освещал весь храм, подобно молнии».

Сам Живоносный источник располагался почти в центре храма. К нему вели 25 ступеней, а мраморная решетка, служившая украшением, еще и охраняла от падения людей, сходявших вниз по скользкому пути. У верхней части источника в мраморе было сделано круглое углубление, в которое и втекала вода, вливавшаяся потом в мраморный бассейн. Посреди храма стояла круглая каменная чаша, а у алтаря находилось другое вместилище,

узкое и продолговатое, откуда люди и черпали живото-
рящую воду. В храме находилась замечательная икона
Пресвятой Богородицы, скопированная с иконы, писан-
ной святым апостолом и евангелистом Лукой. Следует
отметить, что внутреннее убранство храма было устрое-
но на пожертвования московских купцов; среди укра-
шавших его образов есть иконы особенного письма — с
символическими изображениями, не встречающимися в
русских церквях.

Кроме святости, место это привлекает еще и своей
необыкновенной красотой. Византийские историки
описывают его луга, фруктовые сады, тенистые рощи, в
которых росли прекрасные деревья, и такой чистый воз-
дух, что дышать им уже есть истинное наслаждение. И,
конечно же, они писали о чудотворном источнике, ко-
торый «Богоматерь одарила такими целебными свой-
ствами, что каждая капля его воды заключает в себе ле-
карство от всех недугов человеческих». Византийские
императоры построили в этих местах дворец, в котором
проводили иногда все летние месяцы.

Храм Живоносного источника, неоднократно обнов-
лявшийся и украшавшийся греческими царями и цари-
цами, стоял много веков, но за измену благочестивой
жизни Константинополь лишился заступничества и по-
кровительства Пресвятой Богородицы. Когда настояте-
лю монастыря сообщили о завоевании столицы Визан-
тийской империи турками, он сказал: «Поверю в это,
если вот эти рыбки, которые сейчас жарятся на сковоро-
де, оживут». И в тот же момент рыбы прыгнули со ско-
вороды в пруд, где они до сих пор плавают, как повеству-
ет легенда, с чуть поджаренными боками. Отсюда и по-
шло название Балуклы (Балуклия) — «Урочище рыбы».

Храм Живоносного источника, как и Влахернская
церковь, был разрушен турками до основания, а цвету-
щая местность вокруг него со временем превратилась в

мусульманское кладбище. Долго святое место это оставалось в запустении, и путешественники видели здесь только груды развалин, на которых монахи в темных рясах оплакивали судьбу святого памятника. Источник животворящей воды почти заглох под камнями, но чудесные исцеления от него продолжали совершаться. Да удивительные рыбы продолжали плавать в воде, и лицо старого настоятеля светлело от удовольствия, когда он указывал на них любопытным странникам.

Впоследствии, при особенном покровительстве России, слава Живоносного источника была восстановлена. В 1834 г. патриарх Константинопольский с разрешения султана Махмуда II восстановил из старых развалин каменную церковь во имя Живоносного источника Пресвятой Богородицы, и хоть она была небольшой, но сделали ее с благолепием, приличествующим этому святому месту. Новое здание окружено площадкой, на которой разместились здания для духовенства. Внутри стены храма покрыты штукатуркой, отполированной под мрамор, и украшены позолоченными узорами, что придает им вид дорогого китайского фарфора. С потолка свешиваются огромные хрустальные люстры, присланные из России. И вновь струятся чудотворные воды Живоносного источника, которые привлекают к себе не одних только христиан...

Вдоль по улице Меса...

Громадное население Константинополя собиралось в основном на площадях и на главных улицах, которые были украшены общественными зданиями и портиками, колоннами и скульптурами, созданными лучшими мастерами и привезенными из разных городов. Почти в центре древнего Константинополя располагался форум

Константина — на том самом месте, где когда-то стояли ворота и стены древнего Византия. Посередине площади возвышалась огромная порфировая колонна высотой 50 м, но она была не единственным украшением форума. Две триумфальные арки, располагавшиеся одна против другой, украшали западный и восточный входы на площадь. Сам форум Константина, имевший форму овала, был окружен двухъярусным портиком, а посреди размещались фонтан и скульптурная группа «Даниил со львами».

Были на форуме и другие статуи, которым приписывалась чудодейственная сила. Так, по словам Ансельма Бандурия, «среди Форума на колоннах стояли группы изображений, показывающие, что случится с городом в последние дни. Те, которые умеют вопрошать судьбу, могут объяснить значение этих изображений. Поставил же их Аполлоний Тианейский, призванный Константином Великим, и пришедши заговорил имена державства даже до конца веков».

От восточной арки начинались три улицы, и все они вели к императорскому дворцу. Первая улица имела форму дуги, которая своей выпуклой стороной была обращена на север. Эта улица проходила мимо самых великолепных зданий города: начиналась она от величественных портиков, затем следовали бани императора Септимия Севера, церковь Святой Ирины и громадный госпиталь Святого Сампсония.

Через весь город, от одного его конца до другого, проходила главная улица — Меса (Средняя), выложенная каменными плитами и окруженная портиками¹, колоннами и аркадами с полукруглыми сводами. Колоннады на Месе, защищавшие горожан от дождя и зноя, стояли

¹ Портики назывались эмволами; в них выставлялись ткани и другие драгоценные товары.

по обе стороны улицы. Большинство их когда-то украшали древнегреческие и римские храмы, потом их выломали и привезли в новую столицу.

Меса прорезала город от внешних стен до площади Августейон, храма Святой Софии и Большого императорского дворца. По Месе двигались торжественные процессии, совершались церемониальные выходы императора и другие важные общественные мероприятия. Исходные пункты улицы Меса (Золотые ворота и храм Святой Софии) сохранились до нашего времени, и с ними связано множество легенд.

«Издержав все сокровища, император Юстиниан не имел больше средств, чтобы завершить возведение храма Святой Софии, чем был очень опечален. Однажды, когда он со скорбью смотрел на работающих мастеров, вдруг предстал перед ним благообразный юноша и спросил о причине его печали. И Юстиниан с тяжелым вздо-

Церковь Святой Ирины

хом отвечал: «Все богатства царства моего я уже издержал, не имею больше ничего, что мог бы дать работникам за труд, и почти лишаяюсь надежды завершить желаемое». — «Не сетуй о том, государь, а завтра при восходе солнца пришли ко мне с конями твоих чиновников, и я дам тебе злата гораздо больше, чем нужно на строительство храма. Меня же они найдут у Золотых ворот».

С этими словами юноша удалился, а Юстиниан, обрадованный обещанием, даже забыл спросить его имя и откуда он родом. Проведя день в величайшем нетерпении, к вечеру император повелел своим вельможам (квестору Василиду, епарху Феодору, воеводе Патрикию и еще 50 служителям) взять 20 коней и 40 мехов и ехать за золотом. Когда те прибыли к Золотым воротам, то увидели юношу, сидящего на коне, который был белее снега. Дав знак рукой, юноша приказал им следовать за собой, и когда прибыли они к Трибуналу, то увидели великолепные чертоги. Вслед за юношей вельможи поднялись по чудесной лестнице в обширный зал, где юноша лопатой насыпал им 40 мехов чистого золота, которое лежало на полу. А потом сказал им: «Ступайте к царю Юстиниану и отдайте ему это золото».

Когда вельможи вернулись к императору, он спросил их, как зовут юношу, но и те забыли спросить об имени. Только рассказали Юстиниану о великолепных палатах и о лежавшем на полу золоте. И тогда император решил сам поблагодарить щедрого юношу, но когда он пришел с царедворцами к Золотым воротам, то ни чудесной лестницы, ни великолепных палат они не увидели. И тогда царь, упав на землю, воскликнул: «Ныне узнал я, что Бог послал ангела Своего и даровал мне такой дар; поистине дивен Бог во святых Своих!».

Одним из первых памятников, который встречался на Средней улице (если идти с запада на восток), был **Эксокионий**. Часть города с таким названием располагалась

поблизости от пересечения Месы со стеной, возведенной императором Константином. В 378 г. римские войска в сражении при Адрианополе потерпели поражение от задунайских готов, к которым примкнули толпы разноплеменных рабов, колонов¹ и крестьян. На поле битвы осталось 40 000 римских воинов, погиб и император Валент. Его преемник император Феодосий I заключил мир с готами, даже привлек на свою сторону некоторых готских военачальников и вождей отдельных племен (подкупам, богатыми приемами, подарками и т.д.). В ту пору и возникли в Константинополе военные поселения готов, составивших отряды городской стражи. Им разрешили жить «за колоннами», потому что готы (как и их император Констанций) придерживались арианской ереси. Они и впредь хотели оставаться верными учению Ария, и потому император Феодосий Великий, защитник православия, позволил им жить только вне крепостных стен. Готы были названы «эксокиониты» (то есть «живущие по ту сторону колонны»), а лагерь их — Эксокионий. Здесь для них была выстроена церковь, в которой богослужение совершалось на немецком языке. Эту часть города разделили на семь кварталов (по числу готских отрядов). Позднее население этих кварталов сильно выросло из-за переселения сюда балканских народов, бежавших от царя гуннов Аттилы. И тогда префект Анфимий окружил эту часть города новой стеной, после чего Константинополь и занял семь холмов.

Ближе к Золотым воротам в этом направлении в 463 г. был выстроен знаменитый Студийский монастырь с церковью во имя Иоанна Предтечи².

¹ Колоны — арендаторы небольшого земельного участка в Древнем Риме.

² Подробнее о Студийской обители можно прочитать в книге «100 великих монастырей».

Близ форума Тавра улица Меса разветвлялась: одна часть ее направлялась мимо храма Святых Апостолов и цистерны Аспара к Адрианопольским воротам, другая шла к храму Святой Софии.

«Попутно расскажем, что неподалеку от храма Святой Софии было устроено большое водохранилище, сооружение которого приписывают императору Константину Великому. Над ним был выстроен большой дворец — с церковью, портиками и библиотекой. Дворец, в котором хранилось собрание византийских законов, несколько раз горел, но каждый раз восстанавливался. Считается, что он принадлежал Лавзусу Патрицию — одному из придворных императоров Аркадия и Феодосия Младшего.

В Средние века греки говорили об этом дворце как о сооружении прекрасном и удивительном. Он был украшен колоннами из прекрасного мрамора, и в него были перенесены знаменитые произведения самых искусных зодчих Древней Греции: «Венера Книдская» Праксителя, «Юнона Самосская» Лисиппа и Бupalы, «Зевс Олимпийский» — величественное творение прославленного Фидия. Но все знаменитые произведения были разрушены огнем одного из пожаров. В 475 г. при императоре Зиноне другой пожар совершенно уничтожил и сам дворец».

Форум Тавра, названный в честь командира охраны Тавруса и являвшийся одним из центральных мест Константинополя, сохранился до нашего времени¹. В центре его стояла колонна, поставленная императором Фео-

¹ Несколько веков назад эта местность была засажена деревьями, и там находился Тетронион — дом, который был воздвигнут на четырех рядах колонн. В Тетранионе находились тела умерших принцев до их перенесения в церковь Святых Апостолов.

досием I в память своих побед над скифами и предводителем готов Атанарихом¹. Белый мраморный обелиск спирально обвивали рельефы, на которых изображались победы императора. Наверху стояла серебряная статуя Феодосия, но император Юстиниан употребил это серебро на украшение храма Святой Софии, а император Анастасий II поставил на обелиске свою статую. При султани Баязиде II колонна императора Феодосия I была уничтожена, и на ее месте построили бани. Впоследствии на месте бань была возведена мечеть султана Баязида II.

На форуме Тавра стояла еще статуя всадника, и в левом копыте его коня, по общему поверью, был изображен человек из враждебного Византии народа. То в нем видели венецианца, то болгарина, то кого-либо еще из западных народов. Когда крестоносцы заняли Константинополь, они уничтожили эту статую, правда, не из суеверия, а из жадности. Разбив ее, они действительно обнаружили в коне медную статуэтку, одетую в суконную одежду.

За форумом Тавра следовал **Артополеон** (Хлебный рынок), который украшали исторические памятники. На этом рынке император Константин водрузил на мраморной колонне крест, сделанный наподобие того, какой он видел на небе. Здесь же находилась арка, возле которой происходила смена партий, участвовавших в торжественных процессиях. Далее Меса приводила на форум Константина, с описания которого мы начали нашу главу. В глубине его открывался небольшой переулок, известный под названием «Долина слез», — здесь продавали невольников.

Но Меса была и торговой улицей с богатыми лавками, в которых продавались всевозможные товары. Громадным базаром, на котором торговали самые богатые византийские купцы, являлся так называемый «Дом ламп», внутри которого размещались богатейшие магазины

¹ После этого площадь стала называться форумом Феодосия.

Константинополя. Здесь можно было видеть горы шелковых и златотканых материй и всевозможные предметы роскоши; здесь продавали самые модные и дорогие наряды. В «Доме ламп» торговали парадной одежды из шелка, окрашенного в разные цвета. Члены корпорации должны были наблюдать за тем, чтобы дорогой товар продавался только известным лицам и ни в коем случае не попадал в руки иностранцев. Городские власти так заботились об удержании в столице этого товара, что требовали от продавцов предъявлять наиболее дорогие одежды епарху, а назначенный для продажи за границу товар должен был иметь клеймо.

Ночью бесчисленное количество ламп заливало ослепительным светом это огромное помещение. Волшебная иллюминация «Дома ламп» превосходила обычное уличное освещение, хотя и ему могли бы позавидовать многие европейские города. На всех углах Константинополя и почти перед каждым домом горели фонари, и свет их (по выражению Аммиана Марцеллина) «почти соперничал с дневным светом».

На улице Меса находились и ювелирные лавки, так как «Устав коллегии тавулариев» обязывал ювелиров и золотых дел мастеров иметь свои лавки на главной улице города, а не в частных домах. В витринах этих лавок сияли драгоценные камни и золото. От Месы направо и налево разбегались десятки других улиц; богатые кварталы сменялись лавками мелких торговцев и ремесленников, моряков и поденщиков...

Площадь Августейон

После невольничьего рынка Меса приводила к площади Августейон (Августея), называвшейся по имени Августы Елены (матери императора Константина Вели-

кого). Это был обширный четырехугольный форум, со всех сторон окруженный великолепными колоннами. В числе других памятников на нем стояла статуя равноапостольной царицы Елены.

Еще более величественным Августейон стал при императоре Юстиниане I. Всю площадь, выстланную мрамором, окружали портики, поддерживаемые двойными рядами колонн. В центре на огромном основании из белого мрамора была воздвигнута высокая бронзовая колонна. На вершине ее гордо возвышалась над окружающими зданиями колоссальная статуя Юстиниана I, словно парящего в воздухе. В великолепных доспехах восседал он на могучем коне, держа в левой руке шар, увенчанный крестом — ибо через веру в крест он стал владыкой всей земли. Шар же означает землю по шаровидной форме ее, крест же означает веру, так как Бог плотью Своей был пригвожден на нем. Правая рука статуи была повелительно простерта на восток — в ознаменование вторжения персов, чтобы не ступали они на ромейскую землю. Вытянутая и отталкивающая рука императора как бы говорит: «Стойте, персы, не идите далее — нехорошо вам будет».

Эта статуя была свидетельницей почти 1000-летней истории Константинополя. Упоминавшийся уже русский паломник иеродиакон Зосима так описывал ее: «Перед дверьми же Святой Софии столб стоит; на нем царь Юстиниан стоит на коне; конь медян и сам царь медян вылит. Правую же руку держит распростерту, а зрит на восток и *хвалится на сарацинские цари*, а они против стоят него, все болваны медяны, держат в руках своих дань и глаголят ему: *а не хвалися на нас, господине, мы бос я тебе ради и потягнем противу ти не единожды, но многочасно*. В другой же руке держит яко яблоко злато, а на яблоке — крест».

Испанский путешественник Рюи Гонзалес де Клавихо в начале XV в. объяснял протянутую руку императора Юстиниана уже в смысле угрозы туркам. При нем золотая держава была еще на своем месте, но уже в 1427 г. она исчезла, так как император византийский лишился той власти, какую он имел прежде над «христианами и язычниками»¹.

На Августейоне размещались самые прекрасные дворцы и общественные здания Константинополя, отстроенные с неслыханным великолепием: палаты патриарха, библиотека, бани Зевксиппа, сенат, преторий (дом правителя города), дворцы видных сановников... А посреди площади возвышался так называемый «Милий», от которого начинался (как и в Древнем Риме) отсчет миль по всем дорогам Византийской империи. Но «Милий» в Константинополе, в противоположность римскому, был не просто колонной; он представлял собой изящную триумфальную арку, украшенную статуями. На середине арки возвышалась золотая колонна, на которой была обозначена протяженность всех почтовых дорог империи. Здесь же находились громадные часы, устроенные императором Юстинианом; на этой же арке выставляли головы казненных государственных преступников.

А сзади Милия стоял громадных размеров слон, поставленный Септимием Севером... Жил же там серебряник, пользовавшийся при торговле неверными весами. Когда его дом был разрушен, он стал угрожать смертью погонщику слона, если тот его не обуздает. Погонщик же не уступал. Тогда обманщик убил его и отдал на съедение слону. Зверь же взбесился и предал смерти самого

¹ По одной из версий, султан Мехмед II будто бы выставил здесь труп последнего византийского императора — у подножия статуи его победоносного предка... Сейчас этой конной статуи уже не существует, так как турки перелили ее на пушки; пьедестал ее был превращен в фонтан, из которого и по сей день струится прозрачная вода.

убийцу. Император Септимий Север, услышав о том, принес жертву этому животному, а потом повелел выставить на том месте изображение слона и погонщика.

В одном из исторических сочинений Ансельм Бандурия, связывая палладиум Константина не с порфировой колонной (о ней говорилось выше. — *Н. И.*), писал: «В каморе Милия находится статуя Константина и Елены с крестом в руках, обращенным на восток. В середине же креста — Судьба города, т.е. цепь замкнутая и заговоренная, имеющая силу против всевозможных случайностей и дающая победу над всеми врагами, так чтобы они не могли ни одолеть, ни приблизиться, ни нанести вреда городу, но чтобы были далеко и бежали как побежденные.

От Августейона начиналась так называемая «императорская дорога», которая вела к Халке — парадному входу в Большой императорский дворец. Через массивные двери посетители попадали сначала во двор, устланный мрамором и огражденный красивыми решетками, а затем в огромный зал с куполом, который был перестроен императором Юстинианом в 538 г. Со всех сторон Халка была окружена дворцовыми постройками и портиками; крыши всех зданий были покрыты бронзовыми вызолоченными плитами. Помещения эти частью занимала дворцовая прислуга, а частью императорская гвардия.

Большой дворец византийских императоров

Большой дворец византийских императоров, располагавшийся к югу от храма Святой Софии, состоял из множества отдельных ансамблей (вероятно, по образцу двор-

ца в Спалато). Первоначальным ядром комплекса был дворец Дафна, построенный императором Константином Великим еще в IV в. у самого Ипподрома и площади Августейон. Потом он расширялся и укреплялся стараниями других императоров — Юстиниана, Феофила и Василия Македонянина. Здания Большого императорского дворца и примыкавших к нему Магнаврского дворца и приморского дворца Буколеон занимали огромную площадь — 40 гектаров. Лабарт так писал о Большом дворце византийских императоров:

«Один Кремль может дать нам о нем некоторое понятие. Он состоял из семи перистилей (или сеней), восьми внутренних дворов, четырех церквей, девяти часовен, девяти молелен (или баптистериев), четырех гауптвахт, трех больших галерей, пяти зал для приемов и аудиенций, трех столовых, десяти отдельных частных покоев для членов императорского дома, семи второстепенных галерей, трех аллей, соединявших между собой различные части дворца, библиотеки, арсенала, открытых террас, манежа, двух бань, восьми отдельных дворцов, окруженных садами, и гавани».

Размерами и роскошью огромного дворца не могли надивиться многие средневековые писатели: он один с окружавшими его стенами занимал все пространство между морем и Ипподромом. Большой дворец византийских императоров вместо монументальных зданий имел множество маленьких и разделялся на три главные части — Халку, Дафну и собственно Священный дворец. **Халка**, о которой уже немного рассказывалось ранее, состояла из целого ряда комнат; входили в нее со стороны площади Августейон через железные двери, которые вели в сени. Эти сени, крытые черепицей из золоченой бронзы, состояли из полукруглого двора с поднимавав-

шимся над ним сферическим сводом. Прямо против него находилось квадратное здание с куполом, сплошь украшенное мозаичными композициями на темы военных походов императора Юстиниана. В куполе были изображены император и его супруга Феодора, окруженные синклитом и празднующие триумф над побежденными вандалами и готами. Стены и пол Халки покрывали мраморные плиты.

В Халке размещались трибунал Лихна, приемный зал, большой парадный зал, несколько церковных зданий (часовня Спасителя и часовня Святых Апостолов) и три гауптвахты. Большой консисторий созывался в парадной зале, в которую вели три двери из слоновой кости. В глубине зала на возвышении был воздвигнут один из императорских тронов.

Часть Большого дворца, называвшаяся **Дафна**, начиналась большой крытой галереей, перед которой был портик с аркадами, ведущий в восьмиугольную залу. В этой части дворца располагалось много церковных зданий и залы для официальных собраний. Галерея, проходившая по верхним этажам, вела в маленький дворец, занимавший почетное место на Ипподроме. В этом здании было много покоев, и император облачался там в свои парадные одежды, чтобы присутствовать на играх. Сановники, прибывавшие во дворец, оставляли свои носилки и лошадей в манеже, специально устроенном в пристройках.

Между Халкой и Дафной размещался **Триклиний** — столовая на девятнадцать лож, в которой и происходили официальные пиршества. Зал был разделен на две части: одна — для императора, другая — для приглашенных; обе освещались сверху. Вторая часть вмещала до трехсот гостей, которые в дни больших праздников пирествовали лежа, как было принято в античном мире. Судя по рассказу Лиутпранда (чрезвычайного посла итальянско-

го короля при византийском дворе), который в 943 г. присутствовал на таком пире, еду гостям подавали исключительно на золотой посуде. Фрукты, например, подавали в больших золотых вазах — таких тяжелых, что слуги передвигали их на тележках, покрытых пурпуром. Их поднимали с помощью блока, устроенного в потолке, с намотанными на нем тремя веревками, обтянутыми золотой кожей. Концы веревок были снабжены золотыми кольцами, которые прикреплялись к ручкам ваз. Несколько слуг, стоявших внизу, должны были приводить в действие этот аппарат, предназначавшийся специально для сервировки стола.

Священный дворец заключал в себе собственно императорский дворец. При входе в него находился атриум¹ Сигма, названный так за свою форму, напоминавшую эту греческую букву. Здесь придворные и высшие сановники ожидали выхода императора. За Сигмой шел перистиль², окруженный пятнадцатью мраморными колоннами. В центре его возвышался купол, поддерживаемый четырьмя колоннами из зеленого мрамора; они высились над тронем, на котором во время празднеств восседал император. В центре перистилия располагался бассейн с серебряными краями, а посередине его — золотая ваза в форме раковины, полная редких фруктов, которыми угощали приглашенных.

С наружной стороны Священный дворец был выстроен из кирпича вперемежку с полосами светлого мрамора, а все соединительные помещения, притолоки окон и дверей, колонны и капители — из белесоватого мрамора. Вход в Священный дворец вел через Медные ворота. В резиденцию византийских императоров, которая

¹ Атриум (атрий) — помещение с верхним светом, часть жилого дома в античные времена.

² Перистиль — прямоугольный двор (портик, галерея, сад), окруженный крытой колоннадой.

располагалась со стороны моря, входили Жемчужный зал, Овальный зал, Зал Орла и многие другие.

С другой стороны Священный дворец террасами и галереями соединялся с дворцом Магнавра; на берегу стоял дворец Буколеон, соединявшийся с морем посредством молов и бассейна, к которому спускалась мраморная лестница. На самой вершине противоположной горы Каик-даг был выстроен монастырь; тут же находился маяк, где размещалась учрежденная императором Феофилом (по другим источникам — Львом Философом) наблюдательная «телеграфная станция», которая при помощи особой системы огней сообщала новости по всей империи — от столицы до границ. Чуть только показывался неприятель, на ближайших постах, располагавшихся на самых высоких точках гор, зажигали огонь. Все другие посты повторяли этот сигнал, передавая весть на станцию, устроенную в саду Большого дворца.

Особый военный отряд размещался в здании маяка, которое имело большое значение для безопасности империи. Однако это не помешало императору Михаилу III, прозванному Пьяницей и страстному любителю Цирка, уничтожить все сигналы. Потому что был случай, когда во время состязаний один из сигналов дал весть о замеченном враге — это испортило удовольствие императору и настроение народу¹.

Тронным залом императорского дворца являлся **Хрисотриклиний** (Золотая палата), возведение которого ученые обычно относят ко времени правления императора Юстина II, взявшего за образец храм Святых великомучеников Сергия и Вакха, о котором будет рассказано далее. В VII—XII вв. в Хрисотриклинии начиналась, завершалась или полностью совершалась бо́льшая часть

¹ Остатки маяка, употреблявшегося для этой цели и называвшегося «Контоскопий», были найдены в ограде Большого дворца среди тесно стоящих турецких домов.

придворных обрядов. Здесь византийские императоры ежедневно принимали чиновников и чаще, чем в других тронных залах, послов и знатных иностранцев. В Золотой палате производили в чины и должности, в ней давались пиры и обеды, здесь же начинались и оканчивались выходы императоров в храмы и другие тронные залы.

Хрисотриклиний непосредственно примыкал к жилым покоям византийских царей и их семейств, поэтому был самым удобным залом для ежедневных приемов сановников и для совершения обычных обрядовых действий. Царю стоило только выйти из своих покоев, и он уже оказывался в Золотой палате, между тем как другие тронные залы находились от царских покоев довольно далеко, разделяясь несколькими переходами и другими зданиями.

Золотая палата представляла собой перекрытый куполом восьмигранник, каждая грань которого широкой аркой соединялась с прилежащим сводчатым помещением. Арка напротив входа закрывалась двумя серебряными дверями, на которых были изображены Иисус Христос и Богоматерь. Во время торжественных приемов, когда народ только еще входил в Золотую палату, двери эти оставались закрытыми. Потом они растворялись, и в глубине появлялся император, одетый в пурпурный плащ, украшенный драгоценными камнями. Собравшийся народ в благоговении мгновенно падал ниц.

Восточная арка Золотой палаты была обширнее других и заканчивалась нишей, в ней на возвышении располагался великолепный царский трон, на котором императоры Византии восседали во время особо торжественных приемов. Было здесь и несколько более простых и менее роскошных переносных кресел, на которые цари усаживались во время обычных ежедневных или других простых приемов. Однако даже этим простым приемам

придавалась та или иная степень важности — в зависимости от того, как был одет император и на какое из боковых кресел он садился.

Святыней Золотой палаты являлась икона Спасителя, перед которой цари ежедневно молились при выходе из своих покоев в Тронный зал и перед выходом из него после приемов, выражая свою покорность и благоговение перед Царем Царей.

Несколько дверей в восточной стороне Хрисотриклиния вели на прилегающий к нему дворик, представлявший собой открытую площадку. Эти двери, как и вообще все двери в Тронном зале, были отделаны серебром и потому назывались Серебряными. Когда цари проходили через них, обе их половинки держали два кувикулярия.

В центре потолка Золотой палаты висело большое паникадило, похожее на люстру. Как и другие залы Священного дворца, Хрисотриклиний освещался маслом, горевшим в паникадилах. Например, во время приема сарацинских послов в каморах были повешены серебряные паникадила, а центральное украшено драгоценными резными камнями. Маслом для освещения заведовал главный сторож и ключник Священного дворца, под началом которого (кроме помощника, заведовавшего царским парадным гардеробом) находились еще несколько сменных диэтариев¹.

В открытых двориках (илиаках) вокруг императорской резиденции располагались площадки с фонтанами посредине. Фонтаны эти выливали довольно значительную струю воды в большие великолепные чаши (фиалы). Площадки с фонтанами были весьма обширных размеров и во время торжественных праздников (царских при-

¹ Диэтарий — старший какого-либо помещения в царском дворце.

емов или скачек на Ипподроме) могли вместить очень много гостей.

С южной стороны к Хрисотриклинию примыкали покои царя и царицы, роскошно отделанные великолепными мозаичными изображениями и картинами.

Другая большая тронная палата Священного дворца — это **зал Магнавра**, который сам был как целый дворец. В этом зале императоры давали аудиенции послам. В глубине на возвышении, занимавшем всю ширину здания, располагался золотой трон, перед которым на ступеньках лежали два льва, изваянные из золота. За тронном стояло золотое дерево, на ветвях которого «сидели» разноцветные птицы, искусно сделанные из золота и эмали, и «оглашали» зал своим радостным чириканьем. Над низкими стенами шли галереи, предназначавшиеся для придворных дам. Упоминавшийся уже Лиутпранд писал, что во время приема иностранцев раскладывались все сокровища императорской казны — от драгоценностей до шитых золотом парадных одежд. Под звуки органа и пение хора появлялся император в золотых одеждах и увешанный драгоценностями. Чтобы еще больше поразить иностранных гостей в тот момент, когда они входили в зал, птицы на золотом дереве «взмахивали» крыльями, а львы «поднимались» и глухо «рычали». Когда посол лежал, распростершись перед тронном (согласно этикету) и отдавая почести владыке Византии, император вместе с тронном возносился кверху, а затем спускался уже в другом одеянии...

Через богато украшенные ворота, по мраморным террасам, которые вели к морю среди великолепных садов, можно было спуститься к императорской гавани. Окруженная со всех сторон могучими плотинами, гавань эта предназначалась исключительно для дворцовой службы. Здесь стояли наготове императорские яхты и быстрые галеры; отсюда император совершал свои морские прогул-

ки; здесь он высаживался, если хотел избежать шумного официального приема. Отсюда же в случае народного восстания лучше всего было спастись бегством...

Со временем Священный дворец сначала был оставлен, а потом и вовсе заброшен императором Эммануилом I Комнином, который в 1150 г. избрал своей резиденцией Влахерны. А Священный дворец постепенно ветшал и разрушался, остатки же его использовались для строительства других сооружений. В 1420-е гг. на месте, где стоял дворец византийских императоров, уже не было почти ничего, кроме немногочисленных развалин. Так что завоевавшие Константинополь турки, скорее всего, не застали даже следов его...

Влахернский дворец

Когда император Феодосий II выстроил вторую городскую стену, Влахернский квартал, находившийся в северо-западной части Константинополя (возле бухты Золотой Рог) и заключавший в себе церковь того же названия и императорскую резиденцию, не был включен в черту города. Только через два века император Ираклий построил новые укрепления перед Влахернами, которые из-за быстрого увеличивавшегося населения нуждались в защите от вражеских нападений.

Дворец, находившийся в этом квартале, первоначально был построен императором Анастасием I (491—518), потом несколько веков служил византийским императорам загородной резиденцией. Позднее он расширился и захватил со всеми своими пристройками территорию в 300 000 кв. м. В 1150 г. император Эммануил I Комнин перебрался во Влахернский дворец, опасаясь соседства Большого императорского дворца с Ипподромом, где во время волнений и мятежей так часто бушевали страсти народа.

Так как Влахернский дворец был сооружен на крутых откосах, то были возведены огромные своды и широкие стены, чтобы поддерживать многочисленные террасы. За укрепленной оградой нового дворца разместились обширные сады, дворы с портиками, многочисленные помещения для самого императора, его семьи, сановников и стражи, а также часовни и другие церковные сооружения. Все эти здания составляли квартал, который греческие историки называли «Златоверхим дворцом».

Для развлечения императоров около дворца был выстроен цирк. Недалеко от него виднелись (и до сих пор виднеются) две большие башни.

В 1188 г. для защиты Влахернского дворца была построена «Башня Исаака Ангела», вход в которую был устроен со стороны дворца через сводчатый проход¹. Часть Влахернского дворца прилежала к одной из стен башни, в которой были пробиты три сводчатых окна с широким видом на окрестности. В каждой из остальных стен башни имелось только по одному окну.

Окно со стороны гавани вело на крышу низкой «Башни Анемы», названной по имени арабского принца Михаила Анемы (сына одного из царей Кандии), заключенного в нее при императоре Алексее I Комнине. Позднее башни были соединены между собой внутренним ходом. Под «Башней Анемы» в византийские времена находилась большая подземная тюрьма, сохранившаяся лучше других казематов². В нее проходили через небольшое сводчатое отверстие, пробитое в стене у подножия башни.

Во Влахернском дворце император Алексей I Комнин весной 1097 г. принимал предводителя крестоносцев —

¹ Теперь этот вход ведет в сад одной из мечетей.

² Остатки ее во второй половине XX в. обнаружил греческий археолог А. Поспатис.

князя Боэмунда Тарентского, который казался ему самым опасным противником. Однако, к всеобщему удивлению, тот повел себя не как недруг Византийской империи. Оставив своих рыцарей в пригороде, он прискакал в столицу в сопровождении всего лишь десятка воинов. Посланцы императора, все время низко кланяясь, провели этого ладно скроенного сеньора в приемные покои Влахернского дворца. Придворная челядь выражала восхищение его осанкой, доспехами, легким шлемом, изящно отделанным серебром и венчавшимся гребнем в виде дракона, раскрывшего пасть, а также коротким мечом в ножнах из металла и слоновой кости и серебряными шпорами, позвякивавшими при каждом его шаге.

Когда Алексей I Комнин увидел своего старинного врага, смело и с открытым взором направившегося прямо к его золотому трону, то сам поднялся ему навстречу. Император приветствовал Боэмунда Тарентского так, словно это был его лучший друг и союзник; усадил его рядом с собой, долго и сочувственно расспрашивал о трудном пути... Как передает в своих записках Анна Комнина (дочь императора), «дружеской речью он старался уничтожить воспоминания об их войнах и прежней вражде». После беседы рыцаря отвели в предоставленную ему резиденцию в монастыре Космидий...

В этом дворце император Исаак II Ангел в 1204 г. тоже принимал крестоносцев, которые были поражены обширностью садов, великолепием сводов и роскошью стен, сплошь покрытых мозаикой по золотому фону; дворами, вымощенными плитами из драгоценного мрамора; ручьями проточной воды, бежавшими по алебастровым каналам... Владыки франков были ослеплены сказочными богатствами, не без намерения выставленными напоказ: золотой посудой, драгоценными предметами, бесчисленным множеством парадных одеяний, шелковыми тканями...

Латинские императоры Константинополя тоже жили и устраивали приемы во Влахернском дворце. Когда византийский император Михаил VIII Палеолог вновь завоевал Константинополь, ему пришлось поселиться в Большом императорском дворце, потому что Влахерны находились в запустении, были закопчены дымом и полны нечистот и мусора. После восстановления Влахернский дворец вновь стал единственной резиденцией Палеологов и оставался ею до захвата Константинополя турками, а потом в несколько часов потерял свой царственный блеск и превратился в одинокое и пустынное место... Посетивший его султан Мехмед II не удержался, чтобы не повторить изящное двустишие персидского поэта, которое представляло собой надгробную речь над Византийским царством:

Паук стал привратником
в царском дворце,
И совы о славе поют
на башнях Афрасиаба.

В настоящее время от Влахернского дворца сохранились лишь немногочисленные остатки стен и арок, теряющихся среди жилых домов или ставших их частью.

Влахернская церковь

После великого храма Святой Софии ни одно религиозное сооружение не играло такой роли в византийской истории, как церковь Пресвятой Богородицы во Влахернах. Византийская императрица Пульхерия (супруга императора Маркиана), не верившая в воскрешение Пресвятой Богородицы, писала Иерусалимскому патриарху Ювеналию о том, чтобы вскрыть место погребения и прислать в Константинополь мощи Богоматери. Пат-

риарх Ювеналий нашел в гробнице только одежды Божией Матери, часть которых и отправил с посланием, в котором горько укорял императрицу за неверие. И Пульхерия немедленно воздвигла во Влахернах храм, в котором и положила присланные святыни. Храм прилегал к стене Влахернского дворца, а двери его выходили внутрь дворцовой ограды. В описании одного французского путешественника о храме сказано следующее:

«Внутренняя дверь Влахернской церкви по интересу, ею представляемому, могла бы сравниться с лестницей Версаля! Сегодня там император на носилках, окруженный то своими знаменитыми варягами, то свитой евнухов или длинным рядом священников и монахов, бросающий беспокойный взгляд на сановников, среди которых он ежеминутно ищет грядущего убийцу и счастливого своего заместителя, который прикажет бросить на арену цирка его изуродованный труп. Завтра тут поспешно с трепетом идет патриарх с длинной седой бородой в своем золотом одеянии. Он знает, что царь, охваченный своим мрачным богословским духом, призывает его во дворец, чтобы предоставить ему выбрать между ересью, которая погубит его душу, и убийственной ссылкой на какую-нибудь скалу Мраморного моря. Сегодня тут торопливо ведут в церковь принцесс, матерей, жен или дочерей какого-нибудь убитого или свергнутого императора, чтобы остричь им волосы, сорвать с них пурпурные, расшитые золотом туники и отвести в темных монашеских одеждах в какой-нибудь монастырь — их новое жилище до конца дней».

Впоследствии император Лев Макелл пристроил к Влахернскому храму круглую церковь, а император Юстин расширил храм, прибавив к нему две абсиды, и украсил его колоннами из паросского мрамора. Широкий

и длинный храм получил, таким образом, крестообразную форму с двумя нишами по концам и особым зданием под куполом. В священной раке в нем хранились риза, пояс и скуфья Пресвятой Богородицы.

В царствование благочестивого императора Льва и супруги его Вероны жили в Константинополе два родных брата Гальбий и Кандид, весьма важные сановники. Желая поклониться святым местам Иерусалима, они с разрешения императора отправились в путь. Когда братья проходили по Галилее, они зашли в небольшое селение Назарет, чтобы поклониться дому, в котором жила Пресвятая Дева Мария и где явился Ей ангел Гавриил, возвестивший о рождении от Нее Сына Божиего — Спасителя мира. Гальбий и Кандид остановились в небогатом доме одной благочестивой незамужней еврейки, где увидели комнату, в которой стояло множество свечей и курился фимиам, издававший ароматное благоухание. В этой комнате находилось много больных людей — хромых, слепых, глухих... И братья стали расспрашивать хозяйку, что за святыня хранится в этой комнате. Смутившись, она ответила, что на этом месте некогда явился Господь. Изумившиеся братья стали расспрашивать подробнее, и тогда хозяйка сказала им так: «Мужи благочестивые! Узнайте, какая великая святыня хранится здесь! Ее силой все больные получают исцеление от своих недугов: слепые начинают видеть, глухие слышать, хромы ходят, немые обретают дар речи, прокаженные очищаются, бесы из людей изгоняются... И творят эти чудеса хранящиеся здесь ризы Пресвятой Богородицы, которые достались мне от прародительницы моей — одной из тех вдов, что были при Успении Божией Матери и по Ее завещанию получили по ризе. По завещанию прародительницы ризы переходят от девицы к девице, прославившейся жизнью честной и благочестивой. В нашем роде,

кроме меня, не осталось более девиц, и я открываю вам эту тайну с тем, чтобы вы не разглашали об этом до моей смерти».

Пообещав сохранить тайну, братья были допущены в комнату, и увидели они там ковчег, окруженный свечами и кадильницами, в котором лежали пречистые ризы Девы Марии. Испросив разрешения пробить на всенощном молебне около этой святыни, братья между тем задумались о том, кому после хозяйки достанутся погребальные одежды Пресвятой Богородицы. И решив иметь столь бесценное сокровище в стольном граде Константинополе, они ночью измерили длину, ширину и высоту ковчега и определили, из какого дерева он сделан. Утром поклонились они пречистым ризам Богородицы и пошли в Иерусалим, пообещав хозяйке зайти к ней на обратном пути.

Поклонившись в Иерусалиме Честному Кресту и Гробу Господню, братья призвали одного столяра и заказали ему точно такой же ковчег, как тот, в каком хранились ризы Божией Матери. Когда мастер исполнил заказ, Гальбий и Кандид купили златотканое покрывало, которое потом и показали еврейке. А потом попросили разрешения покрыть этим покрывалом ковчег и еще ночь простоять около него на молитве. Когда все в доме уснули, братья со слезами пали на землю и молили Пресвятую Богородицу, чтобы не возбранилось им взять ковчег с Ее ризою и унести с собой. В полночь со страхом и смирением взяли они ковчег, а на его место поставили другой.

Простившись утром с ничего не заметившей хозяйкой, братья отправились в обратный путь. Прибыв в Константинополь, они никому не стали говорить о приобретенной святыне, а создали в доме своем малую церковь во имя святых апостолов Петра и Марка и поставили в ней, в потаенном месте, ковчег со святой ризой. Однако

чудеса, всечасно являвшиеся от такой реликвии, и изливавшаяся от нее на всех благодать заставили их пойти и рассказать обо всех знамениях императору Льву, супруге его и патриарху Геннадию. Исполнившись духовной радости, царь и патриарх прибыли в домовую церковь братьев, богобоязненно открыли ковчег и увидели в нем нетленную ризу Пресвятой Богородицы. Облобызав ее, они торжественно перенесли святыню во Влахернскую церковь, где ее положили в ковчег, украшенный золотом и серебром. В память перенесения риз Пресвятой Богородицы был установлен праздник Ризположения в честь и славу Божией Матери, который торжественно отмечается 2 июля.

Чудотворную силу ризы Царицы Небесной в 626 г. испытывали на себе персы и авары, в 673 и 713 гг. — сарацины, а в 866 г. — воинственные «россы».

В XIV в., по свидетельству историка Никифора Каллиста, «риза Богоматери сохранялась в этом храме как защита для города, подавая различные исцеления и чудесами своими побеждая естество и время». Русский митрополит Пимен в 1387 г. упоминал, что в праздник Ризположения он был во Влахернском храме и целовал там святую раку, в которой хранились ризы Пресвятой Богородицы¹.

В царствование императрицы Пульхерии в драгоценный ковчег, запечатанный царской печатью, во Влахернский храм был положен и пояс Пресвятой Богородицы. В последующие века Честной пояс Божьей Матери был взят из Константинополя и оказался в городе Зила, откуда при императоре Юстиниане снова возвратился в Царьград.

¹ Усердием и стараниями князя Василия Голицына часть чудотворной ризы была принесена в Россию, где она хранится в Успенском соборе Кремля.

В X в. царицу Зою, одержимую злым духом, не могли излечить никакие врачебные средства и ухищрения. Но однажды во сне ей было откровение, что, если на нее будет возложен Честной пояс Пресвятой Девы Марии, она получит исцеление. И тогда в присутствии императора Льва Философа священный ковчег был открыт, и сохранившийся совершенно невредимым пояс руками патриарха был возложен на больную. Царица тут же получила исцеление, после чего всенародно были принесены благодарственные молитвы Господу Богу и Пречистой Матери Его. Царь с благоговением облобызал чудотворный пояс, который потом снова положили в ковчег. В воспоминание этого чуда Церковь в начале X в. установила празднование в честь Положения пояса Пресвятой Богородицы, которое отмечается 31 августа. Впоследствии Честной пояс Владычицы Небесной сопровождал греческим императорам в их походах, но потом он был взят победившим их болгарским царем Коломаном.

Влахернская церковь размещалась вне городских стен — в северном углу византийской столицы, в болотистой низменной местности, и объяснения этому не было даже в древности. В сочинениях историка Прокопия Кесарийского можно только прочитать, что Влахернская церковь и храм Живоносного Источника, поставленные в концах города, служили его сторожами.

Влахернская церковь являлась домовою церковью византийских императоров. В ней находился образ Пресвятой Богородицы Одигитрии — покровительницы Византии, не раз чудесным образом спасавший столицу от врагов. Под сводом храма была изображена Богоматерь, с руки которой стекала святая вода.

В 1204 г. Влахернский храм был разрушен и разграблен крестоносцами. Впоследствии церковь восстановили, но в царствование императора Иоанна V Палеолога она вновь была уничтожена страшным пожаром, кото-

рый был воспринят как грозное предзнаменование. Латиняне, обратив Влахернскую церковь в католический храм, похитили из нее некоторые реликвии, которые до сих пор хранятся в венецианской сокровищнице. Через 80 лет после падения Константинополя еще можно было видеть развалины церкви, а потом от нее остался лишь священный источник, ютившийся под жалкой крышей. Сюда три раза в год (после обычных церемоний) император приходил погрузиться в бассейн.

В настоящее время от Влахернского дворца, занимавшего своими строениями все огромное пространство до городской стены, и от Влахернского храма остался лишь большой холм. На месте древней базилики в XIX в. была сооружена небольшая скромная церковь. Все ее достояние (не считая богослужебной утвари) составляли древняя икона Богоматери Одигитрии, написанная, по преданию, апостолом и евангелистом Лукой, и находящаяся в правой части храма аясма (чудотворный источник). В прежние времена русские паломники еще видели в храме каменную плиту из помоста древней церкви. По преданию, это была та самая плита, на которой стоял новгородец Андрей-юродивый, живший в X в. в Царьграде и удостоившийся явления Божией Матери.

«Однажды Андрей-юродивый, молившийся во Влахернском храме, увидел, как по воздуху от Царских врат шла Пресвятая Богородица. Она остановилась над амвоном и долго молилась, омывая слезами Свой пречистый лик. Преподобный Андрей, обернувшись к ученику своему Епифанию, спросил: «Видишь ли ты Госпожу и Царицу мира?» — «Вижу», — отвечал Епифаний.

Окончив молитву, Мать Божия сняла с Себя блиставшее наподобие молнии покрывало, которое носила на главе Своей, и, торжественно держа его, распростерла над всеми молящимися в храме».

Церковь Святых великомучеников Сергия и Вакха

«Святые Сергий и Вакх занимали высокие должности в войске римского императора Максимиана, будучи при этом тайными христианами. У них нашлись завистники, которые донесли об этом императору — злейшему гонителю христиан. Разгневанный Максимиан призвал к себе святых и приказал им совершить языческий обряд. Но они отказались и исповедали свою веру в Иисуса Христа. Тогда император Максимиан приказал снять со святых все знаки их воинского достоинства, обрядить их в женские одежды (большого унижения и позора для мужчины-римлянина не могло быть), а на шею надеть железные обручи. Святых отправили в Сирию, правитель которой Антиох был особенно жесток к христианам. Он приказал избивать мучеников бичами. От жестоких побоев святой Вакх скончался, а святого Сергия обули в железные сапоги с гвоздями внутри и повели в другой город. Когда святой прошел мучительный путь, его обезглавили».

Юстиниан еще до вступления на престол участвовал в заговоре против императора Анастасия, за что был приговорен к смертной казни. Но накануне казни императору явились во сне святые Сергий и Вакх и попросили его отсрочить исполнение приговора. Когда Юстиниан стал императором, в знак благодарности он и построил эту церковь во имя святых великомучеников Сергия и Вакха, которая считалась одним из самых изящных сооружений, воздвигнутых великим царем-строителем.

Сначала Юстиниан повелел построить две церкви с общей оградой и общим притвором. Церковь, возведенная с южной стороны, была посвящена святым апосто-

лам Петру и Павлу, но она потом исчезла. Церковь в честь святых великомучеников Сергия и Вакха располагалась к югу от площади Атмейдана (бывшего Ипподрома), вблизи берега моря. Она представляет собой восьмиугольное здание, вписанное в неправильный четырехугольник. Из-за такой примечательности своей архитектуры внутри церковь имела форму звезды, а к середине ее ротонды, над которой поднят остроконечный купол, примыкают восемь продолговатых ниш в виде листьев георгина. Купол опирается на восемь арок, которые поддерживаются восемью массивными столбами, расположенными по углам. Расстояние между столбами заполнено восемью парами колонн, поддерживающих верхние галереи. На первом ярусе колонн (кругом церкви) располагались хоры.

Посвящение храма святым великомученикам Сергию и Вакху навело архитектора на мысль поместить вдоль карниза, идущего вокруг всего здания, гирлянду виноградных листьев. Но эта гирлянда, по мнению некоторых, придавала храму вид капища Вакха-Диониса. Однако такое суждение рассеивается при чтении надписи, вырезанной на камне и украшающей эту гирлянду. Надпись восхваляет святых мучеников, а также императора Юстиниана и Феодору: «Все другие государи почитали мертвых, которые при жизни сделали что-нибудь великое, но Юстиниан предпочел посвятить этот блестящий храм Сергию, служителю Христа».

В правление султана Баязида II турки обратили церковь Святых великомучеников Сергия и Вакха в мечеть, назвав ее «Кучук Айя София» («Малая София»), так как план ее имеет много общего с великим храмом Святой Софии, который так нравился императору Юстиниану, что он решил повторить его еще раз. Но некоторые исследователи считают, что ее скорее можно сравнить с церковью Святого Вителлия в Равенне.

«Попутно расскажем, что около мечети «Малая София», возле самого моря, в VI в. располагался дворец Гормизда, возведенный персидским принцем Гормиздой, искавшим в Константинополе убежища. Со временем дворец этот достался полководцу Юстину (будущему императору), а от него — Юстиниану, который жил в нем, когда еще был наследником престола. Уже тогда он устроил здесь мужской монастырь, и, по мнению некоторых исследователей, «это была самый элегантный памятник Константинополя, считая даже Святую Софию, хотя имеет характер выше и строже».

В настоящее время древние мозаики на капителях колонн в церкви Святых великомучеников Сергия и Вакха покрыты слоем извести, однообразие которой лишь отчасти рассеивается грубоватыми арабесками.

Византийские цистерны и водопроводы

Скалистая почва Константинополя не давала городу питьевой воды, колодцы же давали ее ничтожно мало и притом с горьким привкусом, так как море окружало сушу с трех сторон. К тому же древнему Константинополю постоянно грозили осады, поэтому в городе строились большие цистерны, вмещавшие столько воды, что ее могло бы хватить на несколько лет. Да и городские источники в летнюю жару иногда пересыхали, и чтобы обеспечить запасы воды, в разных частях византийской столицы устраивали обширные водоемы, которые сооружались в Константинополе в царствование разных императоров.

Самым выдающимся гидротехническим сооружением Византии являлся древний **акведук Юстиниана**. Свои

четыре огромные двухэтажные арки (высотой 36 м) он перекинул через поток, ширина которого равняется 114 м. Столбы акведука прорезаны с четырех сторон, а вода течет вверх по особой канавке, укрытой каменной кровлей. Сооружение это настолько прочное, что столетия пронесли над ним, почти не оставив следа.

В ближайшем соседстве с форумом Феодосия проходил **водопровод Валента**, пересекавший город из конца в конец. Возведение его началось еще при императоре Константине Великом, а закончилось в 378 г. Построен он был из камня, взятого из развалин Халкидонской стены. Двумя рядами полукруглых аркад он соединял третий и четвертый холмы Константинополя. Вода, которая шла по нему, попадала в цистерну, находившуюся на нынешней площади Сераскирата (военного министерства), а оттуда поступала в царский дворец. В правление

Водопровод Валента

императора Юстиниана водопровод этот уже разрушался, но для его восстановления ничего не предпринималось. Распорядился отреставрировать его уже султан Сулейман Великолепный, после чего арки водопровода снова сомкнулись. В турецкий период вода тем же путем поступала во дворец Топкапы.

Акведук Валента поднимается над землей на высоту 23 м; длина его равняется 800 м (прежде она достигала 1 км), но к настоящему времени бо́льшая часть его аркад снова пришла в упадок. Однако даже и в таком состоянии водопровод снабжает водой всю восточную часть Стамбула. Уже издали он привлекает к себе внимание, так как на всем протяжении покрыт ползучими растениями, которые каскадами падают вниз. На него можно подняться и сейчас, чтобы полюбоваться великолепной панорамой города¹.

После турецкого завоевания населению Стамбула тоже требовалось много воды не только для мытья, но и для религиозных омовений. В 1776 г. султан Мустафа II соорудил Айватский бэнд, который в изобилии обеспечил водой главный бассейн города. Для предместий же султан Махмуд I еще в 1732 г. повелел построить совершенно новый водопровод, который вполне может сравниться с сооружениями византийцев. На протяжении всего пути, по которому проходят подземные трубы водопровода, на поверхность земли на равные расстояния поднимаются так называемые «водяные столбы», устройство которых турки заимствовали у византийцев. По принципу сообщающихся сосудов вода поднималась по столбу до небольшого резервуара, расположенного на самом верху, а затем падала уже с другой стороны. Такая система позволяла контролировать уровень воды, а также постоянно освежать ее.

¹ К юго-востоку от акведука Валента находятся две византийские церкви, ныне превращенные в мечети; одна из них является местом поклонения аскетов.

С 1887 г. Стамбул имеет новую водопроводную сеть, сооруженную Франко-бельгийской компанией и снабжающую горожан водой из озера Деркас. Тем не менее стамбульцы предпочитали воду из цистерн, так как считали, что вода из озера имеет соленый вкус, тяжела для питья и вообще вредна для здоровья.

Селение Белград, лесные источники которого поили весь город, своим названием обязано колонии, основанной военнопленными сербами. От этих источников зависела жизнь всего Стамбула, поэтому леса на 5—6 миль вокруг нее находились под защитой особых законов. Здесь запрещалось срубить даже самый маленький кустик; местные жители освобождались от всех налогов, за что должны были ухаживать за лесом и чистить резервуары. Примечательностью этого леса является то, что в нем нет ни зверей, ни птиц.

Устроенные здесь акведуки расположены чуть выше поверхности земли. Один из них называется «Дьявол», другой — «Локоть» (видимо, из-за сходства с локтем человеческой руки). Он представляет собой сводчатое сооружение (длиной 200 м) с тремя ярусами аркад, возвышающихся одна над другой.

По акведукам вода с древнейших времен доставлялась в цистерны, колодцы и каналы. Цистерны древнего Константинополя представляли собой сложные сооружения. В IV в. в городе сначала сооружали открытые цистерны — огромные бассейны, окруженные деревьями; глубина некоторых цистерн достигала пяти метров. Когда из водопровода Валента пустили воду в открытые цистерны, в городе в то время было много аистов, которые, как думали жители, отравляют воду, сбрасывая туда пойманных ими змей. Пригласили знаменитого колдуна Аполлония Тианейского, удивлявшего всех своими чудесами. Он построил столб, на вершине которого поместил чучела трех аистов, чтобы это пугало отгоняло несчастных

птиц. Таким образом, «безвредность» и чистота воды были восстановлены, и в память об этом «чуде» на пьедестале столба была сделана соответствующая надпись.

Впоследствии открытые цистерны были засыпаны землей, и на их месте пышным цветом зазеленела всевозможная растительность. В народе они стали известны под названием «Садовые рвы», аисты снова слетались в их зелень, и турки очень полюбили этих птиц. Они нарочно ставят на своих домах большие ящики, в которых аисты выют свои гнезда и высиживают птенцов. Однако эти старинные резервуары были осушены не во времена турецкого господства, как можно было бы подумать. Большую часть их приказал высушить и заполнить землей византийский император Ираклий, которому математик и астролог Стефан предсказал, что тот умрет от воды.

Впоследствии преемники его многие из этих цистерн привели в первоначальное состояние. К ним относилась, в частности, открытая цистерна Бона, которая теперь называется **Чукур-Бостон** («Низкий огород»). Цистерна была устроена в царствование императора Льва I, а возвел ее предводитель готского ополчения Аспар для готов, проживавших в Экскокионии.

Среди закрытых особенно известной была **цистерна Филоксена** — настоящий подземный дворец, украшенный множеством колонн. Построили ее в царствование императора Юстиниана в начале VI в., назвали по имени сенатора Филоксена, приказавшего устроить этот величайший подземный резервуар Византийской империи.

Во времена правления византийских императоров эта цистерна предназначалась для иностранцев, поэтому по другой версии ее название «Филоксена» происходило от слов «гостелюбивый, гостеприимный». На каждой колон-

не и ее капители были высечены надписи (как иероглифы на древнеегипетских обелисках), и каждая надпись начиналась фразой: «Здравствуй, друг-странник!».

Цистерна (64х56 м) располагалась к юго-востоку от Ипподрома; она была покрыта сводами, построенными на арках, которые в свою очередь поддерживались 224 колоннами (16 рядов по 14 колонн в каждом). Каждая из них состоит из трех стволов, соединенных архитравами, и заканчивается мраморной капителью. Колонны располагались пятнадцатью параллельными рядами и во всех направлениях отстояли друг от друга на 4 м. Со временем дно цистерны покрыли земля и мусор, нанесенные водой, поэтому одно время колонны были видны на высоту только 10 м, в то время как на самом деле высота их равнялась 18 м.

Турки после завоевания Константинополя, пораженные красотой цистерны, назвали ее «Бин Бир Дирек» («1000 и одна колонна»), хотя тысячу колонн здесь при всем желании не насчитать. Их не будет и трехсот, а остальные, по словам экскурсоводов, находятся под землей. После турецкого завоевания над цистерной размещался дворец Фазли-паши, но с устройством новой водопроводной системы она утратила свое прежнее назначение. Заброшенная в течение нескольких десятилетий цистерна совсем высохла, и одно время в ней даже была устроена мастерская для производства шелковых веревок.

Подземное сооружение это до сих пор изумляет всех посетителей, хотя вход в него очень скромный: в цистерну «1000 и одна колонна» спускаются по истертой лестнице, каменные ступени которой изъедены временем. Летописи сообщают, что когда-то все входы сюда были замаскированы швами пьедесталов, на которых стояли мраморные и бронзовые статуи животных. При входе посетителя встречал оглушительный шум: с неопишуемой

быстротой воздух рассекали машины, приводившие в движение другие машины, которые наполняли бассейн водой. Решетчатые отверстия в сводах, прежде служившие для доступа воздуха, теперь слабо освещают «Бин Бир Дирек», которая в прежние времена вмещала столько воды, что все население Константинополя могло бы пользоваться ею в течение месяца.

Большую цистерну Василика, которая находится в исторической части Стамбула, турки называют **Еребатан-серай**, и буквально название это переводится как «Провалившийся дворец» (или «Подземный дворец»). Построена она была при императоре Юстиниане под двором здания суда. Своды этой огромной цистерны (143 × 65 м) поддерживаются 336-ю колоннами; высота каждой из них равняется 9 м, расстояние между колоннами — 4 м.

Когда турки захватили Константинополь, этот великолепный памятник византийского зодчества ускользнул от их внимания. Над цистерной со временем появились жилые улицы, в жилых домах выступила вода, и люди никак не могли понять, откуда она берется. В неизвестности цистерна оставалась до 1553 г., когда Турцию посетил французский путешественник Пьер Жилль. Он первым открыл и описал это замечательное подземное сооружение, о котором турки целый век ничего не знали.

Впоследствии о «Подземном дворце» снова забыли, и путешественники, осматривавшие город по описаниям Пьера Жилля, утверждали, что такой цистерны вовсе нет (или путали ее с другими). Наконец французский посланник Андреосси в начале XIX в. открыл и описал ее во второй раз. Однако и после этого таинственная цистерна вновь исчезла, словно зачарованный замок восточных сказок. Наконец один француз, живший в предместье Пера, занялся исследованием этой любопытной древности и после двухлетних поисков нашел ее в отдаленном и темном переулке под фундаментом одного ча-

стного дома. Однажды часть стены его обрушилась и открыла изумленному хозяину множество мраморных колонн, которые выходили из обширного бассейна с водой и поддерживали высокие своды крыши, на которой стоял его дом. Так был открыт «Подземный дворец», доступ к которому с тех пор сделался совершенно свободным, и турки стали смотреть на это «чудо» даже с каким-то благоговением.

Хозяин дома, через который устроен единственный вход в «Подземный дворец», может рассказать посетителям о страшных опасностях, которым подвергались смельчаки, хотевшие исследовать подземное озеро, и о том, как некоторые из них исчезали без вести... В цистерне и сейчас есть вода, но в настоящее время этот подземный дворец является музеем. В нем, например, снимались некоторые сцены из сериала о Джеймсе Бонде.

Константинопольские бани

Не менее красивыми и внушительными сооружениями Константинополя были общественные бани, размещавшиеся в каждом из четырнадцати районов города. Но сначала мы расскажем о «мовнице» царя Константина, сведения о которой дошли до нашего времени из описаний одного из современников.

«Мовница эта была устроена очень высоко. Потом царь Лев провел туда воду, которая наливалась в мраморные корыта (ванны); подавалась вода по мраморным желобам. В углу мовницы размещалась большая деревянная бочка, сбита железными обручами. В ней было семь кранов; кто какую воду хочет — такую и льет. Платы не брали ни с кого из моющихся. В углу был поставлен сторож-болван, как человек каменный, и держал он лук медный,

и стрелы тоже были медные. Если же кто-то захотел бы взять плату, то болван стреляет в бочку, и вода из нее вся вытекает. А возле бочки был устроен фонарь, огражденный стеклом латинским; он горит день и ночь непрестанно.

После царя Льва в этой мовнице мылись 300 лет, и вода не переставала течь из бочки этой. И фонарь горел все это время... Когда же крестоносцы (фряги) начали брать мзду, бочка развалилась и фонарь погас. Они же сорвали и голову болвану...

В одной из палат царского дворца хранилась чаша царицы Елены, полная воды. Из нее брали воду христиане и католики-фряги — кому сколько надобно. А воды в чаше не убывало, и она всегда стояла полной. Этой водой больные исцелялись».

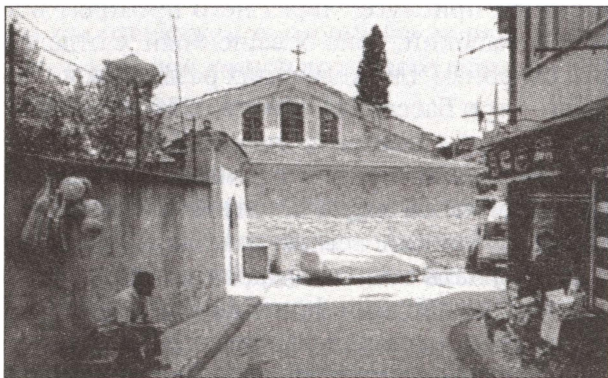
Общественные византийские бани мало чем отличались от греческих и римских, античный писатель Лукиан так описывал одну из греческих бань, по образцу которых строились и византийские.

«Входная часть высока, и в нее поднимаются по широкой лестнице; пройдя в дверь, входят в общий зал, предоставленный прислуге. Через него проходят в другой зал — очень высокий, ярко освещенный, с отделениями по обеим сторонам для желающих раздеваться. Посреди этого зала — три бассейна; там же находятся две статуи из белого камня — одна изображает Гигию, а другая — Асклепия. Затем переходят в зал, нагретый слегка во избежание неприятной жары. За этим залом имеется еще один, превосходящий все остальные по красоте; там можно сесть и дать себя массировать. Стены его до потолка обложены плитами фригийского мрамора. Через коридор проходят в самый отдаленный зал. В нем находятся три ванны с горячей водой. Все части бани гармоничны в своих пропорциях».

Один из кварталов нынешнего Стамбула называется Соматия — по чуду, которое совершилось здесь во время богословских споров, проходивших во времена Византийской империи. Рассказывают, что будто какой-то ребенок укорял священника в неправоте его взглядов. Тот отвечал, что будет тверд в своем мнении, пока чудо не разуверит его. И вдруг невидимая рука подняла ребенка и держала его в воздухе до тех пор, пока священник не покаялся в своих заблуждениях. Это чудо в Греческой Церкви называется ипсомафея («Святое вознесение»), от него произошло и название квартала, который был населен армянами. Здесь находилась одна из главных бань Константинополя.

Византийцы, подобно грекам, придавали большое значение архитектурной красоте своих бань, которые для народа были большим удовольствием. Зимой, например, в них ходили просто для развлечения. Своего рода чудом Константинополя были бани Зевскиппа; они располагались около «кафизмы» Ипподрома, соприкасаясь со стороны площади Августейон с одним из последних зданий императорского дворца.

Квартал Саматия

Эти бани были возведены императором Септимием Севером, а потом перестроены Константином Великим. Со всех сторон они были окружены великолепной колоннадой. Внутри здания располагались не только общественные бани, но и богатый музей, тоже устроенный императором Константином Великим. В нем размещались произведения искусства всех времен — из камня и мрамора, мозаики и бронзы... Прежде всего внимание посетителей привлекали статуи мудрецов, поэтов, ораторов и полководцев различных эпох, созданные в основном знаменитыми зодчими. Многочисленностью и разнообразием они представляли собой монументальную историю прошлого. Так, например, здесь стояла статуя задумчивого Гомера со скрещенными на груди руками, с закрытыми (как знак слепоты) глазами и с наморщенным лбом — признаком старости и сильной работы мысли. Здесь можно было видеть Сафо в момент поэтического вдохновения... Стояли тут также Демосфен, обдумывающий содержание одной из своих речей; Платон и Аристотель, Геродот и Фукидид, Юлий Цезарь, Перикл и многие другие... Число статуй приближалось к 75, и византийцы не без основания гордились своим знаменитым музеем.

Подробное описание этого музея дошло до нас и в прозе, и в стихах. А поэт Христодар (родом из Египта), живший около 500 г., написал даже эпиграммы на отдельные статуи и составил описание всего собрания в 416 стихах.

Исторические и культурные места Стамбула

Храм Святой Софии при турецком владычестве

Когда турки заняли все кварталы Константинополя и обезоружили последних сопротивлявшихся, султан Мехмед II через Харисийские ворота торжественно въехал в завоеванный город. В сопровождении свиты он проехал по главным площадям и улицам византийской столицы и направился к храму Святой Софии, в котором укрылись около 10 000 человек. О приближении турок христиан известили звуки их труб и бряцающего оружия. С грохотом упали двери, и толпа янычар ворвалась в храм, сокрушая все на своем пути...

В течение одного дня все мужчины были связаны веревками, а женщины — собственными покрывалами. Чтобы поскорее всех увести, хватали и связывали как попало: девушек — с рабами, священнослужителей — с привратниками, сенаторов — с монахами. Несчастных монахинь силой отрывали от алтарей и с растрепанными волосами гнали вон из храма. Кругом раздавались стоны, плач и предсмертные крики умирающих:

«Кто изобразит это бедствие? Кто опишет плач и крики детей, слезы матерей, рыдание отцов? Там один турок тащит из храма монахиню, а другой вырывает у него

добычу. В другом месте тащат женщину за косу, и грудь у нее обнажена. Госпожа и служанка, господин и раб связаны вместе. Молодые люди связаны вместе с девицами, которых до того не смел коснуться солнечный луч, и которых едва отец видел. Если кто оказывал сопротивление, того били беспощадно».

Так писал один из очевидцев о Святой Софии, которую русский паломник мечтал увидеть и благоговейно плакал и молился при появлении на горизонте ее купола. А теперь пленных вывели из храма и, как животных, погнали по улицам города. По дороге к ним приставали новые партии, и так было захвачено около 60 000 пленников.

А потом завоеватели стали грабить святыни. Все, что веками стекалось в храм Святой Софии, было похищено: золото, серебро и жемчуг, сосуды и украшения... А когда больше уже нечего было грабить, завоеватели изорвали картины и сломали статуи. А потом бросили все это на пол и попрали ногами. Историк Франтца, очевидец падения Константинополя и вместе с другими византийцами попавший в плен, впоследствии писал:

«Земли не было видно под трупами. Всюду слышались крики и стенания почтенных матрон и дев, посвятивших себя Богу. Кто опишет крик и плач детей, оскорбление святынь и прочие ужасы? Здесь представлялась взорам Божественная Кровь Спасителя, разлитая по полу, и Тело Его, разбросанное по углам. Переломанные священные сосуды валялись повсюду. Священные ризы, вытканные золотом и шелком, служили попонами лошадей или клались под ноги, как ковры. Многое и другое совершилось в этот день, что возмутило бы душу каждого и исторгло слезу...

В храме Премудрости Божией бражничали турки и предавались неистовым страстям, окруженные женщи-

нами, девами и юношами. Кто не оплакивал тебя, о священный храм! Везде плач и страдания, в домах — слезы, в храмах — стоны мужей, рыдания женщин, грабежи, плен, оскорбления... Господи, Христе, Царь! Спаси от такого бедствия всякую страну и всякий город, населенный христианами...»

В пятницу, на третий день после завоевания Константинополя, обычная в тот день мусульманская молитва происходила уже в Святой Софии, наскоро обращенной в мечеть. Султан взошел на минбар (кафедра для проповедей) с саблей в руке и прочел котбу. В некоторых хрониках сказано, что в этот день один греческий священник вышел из подвала церкви, где он прятался три дня, принял веру победителей и указал султану место, где были спрятаны церковные сокровища.

Впоследствии султан Мехмед II прибавил к Святой Софии два минарета и два контрфорса с юго-восточной стороны. При султани Баязиде II был построен еще минарет (удворцовых ворот). В 1569 г. султан Селим II возвел еще два минарета и несколько подпорных стен, а султан Мурад III поставил внутри храма мраморные трибуны и две большие алебастровые урны, взятые из Пергама и предназначавшиеся для омовения мусульман. Наверху собора, благодаря усилиям великого визиря Мехмет-паши, появился алем — бронзовый вызолоченный полумесяц.

Переделывая собор в мечеть, турки уничтожили многие мозаики и фрески со святыми образами, часть их покрыли надписями или затянули толстым закрашенным холстом, так как ислам запрещает иметь в мечетях изображения. Некоторые мозаики были разобраны и проданы иностранцам. И только четыре шестикрылых серафима, украшавшие паруса куполов, видны еще и теперь, но на их лицах нарисованы большие звезды.

Алтарь храма был заменен михрабом; около него вместо императорского места были устроены максура (заповедное место для султана), место для муфтия и беседка для придворных. Трибуна султана, поддерживаемая колоннами и окруженная золотой решеткой, была построена Ахмедом III, а до того времени максура была приделана к стене.

Ковры, покрывшие плиты пола, располагались так, чтобы лица верующих были обращены к Каабе. Минбар мечети состоял из кафедры под остроконечным навесом. На нее всходили по очень крутой лестнице с великолепными перилами.

Старинные серебряные люстры-канделябры храма Святой Софии были заменены железными. Тысячи лам-

Тугра с именем одного из почитаемых
имамов

пад помешаются на этих обручевидных люстрах, украшенных страусиными яйцами, цветами и букетами золотых листьев. По восточному преданию, лампы олицетворяют небесные звезды, которые освещают окружающие их страусиные яйца — символ их спутников, а пучки золотых листьев изображают кометы. Люстра, спускающаяся с центра купола, была повешена при султанине Ахмате III; к ней привешен большой золотой шар. Место, занимаемое этой люстрой, считалось святым, так как здесь можно было встретить Хадира — очень почитаемого мусульманского святого, который иногда приходит, чтобы помочь людям. В куполе, на месте прежнего изображения Предвечного Бога, написаны стихи из Корана.

При входе около дверей, предназначавшихся для султанов, проделано так называемое «Холодное окно», из которого всегда дует ледяной ветер. На верхней галерее с южной стороны устроены две двери с изваяниями: одна называется «Воротамирая», другая — «Воротами ада». В западной стороне верхнего этажа, около окна, верующие видят «Светящийся камень» — мраморную плиту, привезенную из Ирана. Она имеет свойство поглощать солнечные лучи днем и светиться ночью.

Если войти в Святую Софию из северных дверей нартекса, можно увидеть облицованную бронзой колонну, которая всегда влажная. Верующие и паломники приписывают «Влажной колонне» чудотворную силу. Страдающие какой-либо болезнью вставляют палец в отверстие и потом проводят им по больному месту.

Выше говорилось, что при возведении Святой Софии впервые применялся мрамор различных цветов и оттенков. Некоторые узоры явились поводом для рождения всевозможных легенд. На одной из мраморных плит, справа от амвона, есть рисунок, напоминающий кисть руки. В старых путеводителях говорилось, что это отпечаток руки султана Мехмеда II, который в день взятия Кон-

стантинополя въехал в храм верхом на коне по трупам павших христиан. Испугавшись, конь поднялся на дыбы, и, чтобы не упасть, султан вынужден был опереться на стену... Однако легенда эта не совсем верна, так как, по сведениям византийских писателей и турецких историков, султан вошел в храм пешком и остановился, изумленный красотой собора.

В середине XIX в., когда огромное здание собора вот-вот готово было обрушиться, султан Абдул-Меджид приказал основательно его отреставрировать — укрепить расхолодившиеся стены, стянуть купол и т.д. Для этого был приглашен знаменитый зодчий Фоссетти, который в первую очередь решил сломать все лишние контрфорсы и обновить наружные стены.

Когда с внутренних стен была отбита штукатурка, открывавшая фрески, их показали султану и спросили: «Заштукатурить ли их снова или только слегка позолотить?». Следует вспомнить, что в последнем случае фрески, естественно, будут просвечивать, что нарушило бы правила ислама, не допускавшие в мечетях изображений. Султан задумчиво посмотрел и сказал: «Нет, позолотите только слегка. Может быть, когда-нибудь придется их снова совсем открыть».

Внутренность храма после 400 лет вернула свои прежние краски, вновь выступила драгоценная мраморная облицовка Святой Софии и мозаики на золотом фоне. Правда, некоторые изображения погибли (полностью или частично), все изображения живых существ были покрыты слоем извести, но при работе были приняты все меры предосторожности: сначала турки закрыли все фигуры парусиной, на которую потом нанесли тонкий слой краски. Но все же некоторые лики и сегодня можно различить сквозь штукатурку, и в мечети до сих пор сохраняются мозаичные сокровища, насколько это допустимо с точки зрения ислама.

Перед главным входом в храм находится открытая, овальной формы паперть длиной 50 и шириной 3 м. В прежние времена она была ограждена аркадами, но теперь от этого сооружения остались только незначительная часть и мраморный бассейн с фонтаном. Далее следуют два крытых притвора: в прежние времена здесь в ожидании отпущения грехов стояли кающиеся и новообращенные; последние ждали крещения, которое должно было ввести их в лоно Церкви.

На верхних хорах в юго-восточной части храма мусульмане показывают глыбу красного мрамора и уверяют, что это осколок от колыбели Иисуса Христа. А чуть дальше — бассейн, который будто бы использовался для омовения Спасителя.

В 1935 г. по распоряжению президента Турции Кемаля Ататюрка храм Святой Софии был превращен в музей. Реставраторы вскрыли часть мозаик. Над дверями при входе в храм открылась хорошо сохранившаяся мозаика с четырьмя фигурами — Мария с Младенцем Христом, справа от нее — император Константин Великий с макетом города Константинополя, слева — Юстиниан держит план Святой Софии. Но вообще мозаичных картин сохранилось очень мало, хотя сейчас они постепенно освобождаются из-под краски и предстают в своем первоначальном виде (например, образ Пресвятой Богородицы в алтаре).

В правой части собора имеется небольшая ниша. Если приложить ухо к стене, можно услышать легкий шум. Христианские жители Стамбула сложили легенду, согласно которой в день штурма Константинополя, когда турки ворвались в храм, священник, продолжая читать молитву и держа в руках чашу со Святыми Дарами, направился к боковому нефу. Уже мечи готовы были поразить его, как неожиданно стена раскрылась, и он исчез в

ней. Легенда утверждает, что священник в своем укрытии продолжает читать молитву, и когда Святая София вновь станет христианской, он вернется к алтарю, чтобы продолжить службу...

В России это предсказание воспринималось не только как легенда. Многие русские поэты (Г.Р. Державин, А. Мей, А. Толстой, Ф.И. Тютчев и др.) так или иначе отразили в своих стихотворениях образ Царьграда — города, который, как они считали, должен принадлежать русским. У поэта А. Майкова есть стихотворение «Ай-София»:

И — как предсказано было — он выйдет опять с тою же чашей,
Прерванный чин литургии окончить, при возгласах славы,
Светлый воскресный канон воспевая... и известь исчезнет,
И — уже тонко сквозящийся ныне — Спасителя облик
Купно со всеми святыми опять просияет на злате
Вкруг загоревшейся снова мусии...

Зодчий Фоссетти не упустил случая и разыскал ту потаенную дверь: ее отперли, убедились, что она ведет в маленькую сводчатую часовню, и снова заперли.

Во дворе Святой Софии, справа от ворот, находятся тюрбе (закрытые гробницы) четырех султанов. Тюрбе султанов Мустафы I и Ибрагима — это древняя христианская крестильня. Тюрбе султана Селима II представляет собой шестиугольное здание; кроме самого султана здесь захоронены его жены, пять дочерей и семнадцать сыновей, задушенных по приказу султана Мурада III при восшествии на престол. Тюрбе самого султана Мурада III — это квадратное здание, облицованное майоликой. Вместе с султаном здесь похоронены его родственники и девятнадцать сыновей, задушенных по повелению султана Мехмеда III.

Столь кровавая традиция началась еще в правление султана Мурада I (1360—1389), когда был раскрыт

заговор, в котором участвовал и его сын. Все участники заговора (в том числе и сын султана) были казнены, а в 1478 г. братоубийство в династии Османов было узаконено. Однако установленный султаном Мехмедом II закон скорее способствовал усилению вражды между его сыновьями, чем ослаблению ее.

Здесь следует сделать небольшое отступление, чтобы рассказать, что юридические действия султанов как обладателей абсолютной власти не должны были противоречить Корану и шариату, фактически же власть их никакими законами не ограничивалась. Вместе с тем султаны сами часто становились жертвой недовольных ими групп сановников или собственных сыновей, покушавшихся на отцовский трон.

Так, султан Мехмед II, в молодости отличавшийся жизнерадостностью и общительностью, с годами превра-

Султан Мурад I

тился в скрытного и подозрительного человека. Он постоянно опасался за свой престол и даже за саму жизнь, и надо отметить, что имел для этого множество оснований. Когда в 1482 г. он отправился в далекий поход против Узуна Хасана (султана государства Ак Коюнлу), некоторые крупные сановники попытались свергнуть его и посадить на трон его сына Джема. Но в начавшейся борьбе за трон тот потерпел поражение и вынужден был бежать сначала в Египет, потом на остров Родос, оттуда — во Францию и, наконец, в Италию. Здесь он попал в руки папе римскому Александру VI (Борджиа), который через некоторое время направил послов к Баязиду II с предложением: великий понтифик обязывался содержать Джема за ежегодную выплату в 40 000 дукатов либо умертвить его за единовременную сумму в 300 000 дукатов. Султан выбрал второй вариант, и в 1494 г. Джем по приказу папы римского был отравлен в Неаполе...

Были и другие попытки подобного рода, например, султана Мехмеда II не раз пытались отравить венецианцы. После этого была введена тайная охрана султана, вооруженным людям запрещалось приближаться к нему. Вот тогда-то, желая избежать даже малейшей возможности борьбы между сыновьями за престол, он и издал едва ли не самый чудовищный в истории закон, гласивший: «Тот из моих сыновей, который вступит на престол, вправе убить своих братьев, чтобы был порядок на земле». И закон этот остался не только на бумаге: 60 принцев Османской династии в XVI—XVII вв. погибли насильственной смертью — некоторые из них в младенческом возрасте...

Сам Мехмед II, завоеватель Константинополя, был отравлен своим врачом по наущению собственного сына Баязида II. Отцеубийцу постигла та же участь — он тоже был отравлен по наущению сына Селима I.

Мечеть Эйюба

После завоевания Константинополя разрушения в городе были огромными, но столица бывшей Византийской империи недолго оставалась в развалинах. В интересах самих завоевателей было прекратить уничтожение выдающихся памятников культуры, тем более что Константинополь сразу же был превращен в столицу могущественной Османской (Османской) империи¹. Город переименовали в Исламбул. Со временем название это трансформировалось в Инстанбул, еще позднее — в Стамбул.

Падение Византии не означало конца славы Константинополя. Город, засиявший под новым названием, начал быстро приобретать восточный облик, все стало приспособляться к турецкому укладу жизни, причем каждый строил свой дом там, где ему нравилось. Улицы сужались, дома отгораживались от внешнего мира глухими заборами, балконы затеняли и без того темные уличные проходы.

Но город и украшался. Наряду с восстановлением разрушенных зданий особое внимание уделялось укреплению городских стен. Строились мечети, план которых турки взяли с плана Святой Софии без всякого изменения в главных основаниях, только прибавили некоторые части, как того требует ислам. Например, в мусульманских мечетях нет колоколов, как в православных храмах. Вместо колоколен при каждой мечети возведены минареты, с которых муэдзин призывает правоверных на молитву.

¹ Османская — так называли государство в Европе, в турецком же произношении название это звучит как «Османская», так как до XX в. турки называли себя османами. А само слово «турок» первоначально означало «мужик, простолюдин».

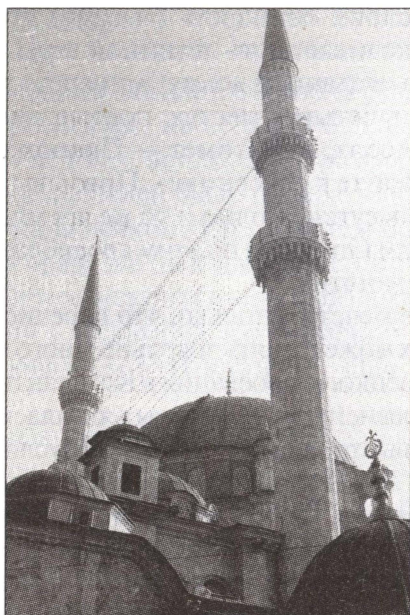

Арабское слово «минарет» («маяк») принято в том смысле, что указывает путь истинной веры. Муэдзин ходит кругом по сделанной вокруг минарета галерее и, останавливаясь в четырех местах, поет «езан» (приглашение): «Один Аллах, и Магомет — Пророк его! Придите молиться, придите к спасению!». Призывы эти повторяются пять раз в сутки, в одно и то же время, и в прежние времена жители Стамбула по этим своеобразным «часам» сверяли свои занятия.

В Стамбуле мечетей столько, что перечисление только главных из них может занять довольно много времени и места. Еще до турецкого завоевания в Константинополе было две мечети, древнейшей из которых являлась Араб-джами (в Галате). Ее выстроил в 97 г. хиджры Муслим-бин-Абдул Мелик. Когда арабы покинули мечеть, она превратилась в латинскую церковь. Мечеть эта сильно пострадала от войн, пожаров и землетрясений. После взятия Константинополя мать султана Мехмеда II вновь отстроила ее, после чего в мечети вновь стали отправлять мусульманский культ.

Мечеть Эйюба была первой, которую турки построили после завоевания Константинополя. Место, где она возведена, при византийских императорах называлось Космидион и соседствовало с храмом Влахернской Божией Матери. Через три дня после завоевания Константинополя великий шейх Акджемеддин, любимец султана Мехмеда II, увидел во сне ангела, который указал ему место, где покоились останки Эйюба Ансара — знаменосца и сподвижника Пророка Мухаммеда.

«Когда-то одни жители Медины, которых называли ансарами, избавили Пророка Мухаммеда от грозившей ему опасности, и один из них, по имени Эйюб, стал потом его сподвижником и знаменосцем. В 672 г. он вступил в сарацинское войско, которое отправлялось на завоевание Константинополя. Во время осады византийской столицы (царствование византийского императора

Мечеть Эйюба

Константина IV Поганата) Эйюб погиб и с большой пышностью был похоронен перед стенами Константинополя. Народ чтит его память, но со временем место его захоронения было забыто. И когда почти через 700 лет оно было обнаружено, султан Мехмед II торжественно подошел к указанному месту, и вскоре после того как начали рыть, отрыли гроб с именем Эйюба».

Над могилой знаменосца Эйюба Ансара по указу султана было возведено восьмиугольное мраморное тюрбе (закрытая гробница)¹, представляющее собой неболь-

¹ В тюрбе хоронили только святых, султанов и очень важных лиц. Большинство тюрбе представляют собой восьмиугольные здания, в которых каждый угол соответствует именам Аллаха, Пророка Мухаммеда и шести святых имамов.

шое здание, с трех сторон окруженное галереей. Внутри и снаружи стены тюрбе облицованы майоликовыми плитками; в центре зала расположено небольшое надгробие, украшенное темно-зелеными покрывалами, расшитыми золотом и серебром. Могила Эйюба окружена высокой серебряной оградой, в углах которой стоят массивные серебряные подсвечники. Ограда эта за прошедшие века зацелована так, что в медной доске у окошечка, через которое заглядывают в тюрбе, образовалось углубление.

В зале разложены древние рукописи Корана; во времена Османской империи у гроба Эйюба Ансара служители мечети днем и ночью читали суры из Корана. Мусульмане очень почитают эту мечеть еще и потому, что в

Мраморное тюрбе
над могилой знаменосца Эйюба Ансара

ней хранятся священные реликвии, и в их числе — камень «со следами ступни Пророка», на котором стоял Пророк Мухаммед, наблюдая за строительством Каабы. Камень был перевезен в Стамбул, но об этом долго никто не знал. Когда же его случайно обнаружили в Серале, то вделали потом в стену с правой стороны мечети (на высоте человеческого роста) и окружили серебряной рамой.

Неподалеку от мавзолея Эйюба есть священный колодец, вода которого, по преданию, наделяет бессмертием всех, кто из него напьется. Но теперь он сокрыт от смертных и откроется только тогда, когда человек, очистившись от грехов, будет достоин напиться этой воды. Сейчас же только малая часть дивных свойств ее перетекает в находящийся поблизости фонтан. Целебную воду из него черпают серебряными ведрами и подают мусульманам в серебряных стаканах. Исцелившиеся оставляют здесь части своей одежды, которые висят на мраморе и дорогой позолоте. В 1459 г. из обломков греческих храмов, разрушенных временем и войнами, была построена мечеть, которая считается самой священной в Стамбуле, и для турецких мусульман-суннитов она стоит в одном ряду с такими святынями, как Мекка, Медина и Иерусалим. Возведение ее началось в 1458 г. — через пять лет после завоевания города. Мечеть утопает в зелени деревьев, среди настоящего сада кипарисов и тюльпанов, окутанного спокойствием и тишиной, навевающей мысли о вечном. В ней глаза любуются изящной хрупкостью орнаментов и пастельно-зелеными коврами, которыми устлан каждый уголок мечети.

В царствование султана Мурада III мечеть была перестроена, а при султанине Ахмеди III (1703—1730) повторно достроена. Мечеть Эйюба сложена из белого мрамора, не имеет колонн и украшений. Купол ее покоится на четырех столбах, вделанных в стены. Около мечети возвыша-

Император Константин. Голова колосса

Видение Креста Константину

Храм Святой Софии (Мечеть Айя-София)

Современный интерьер храма Святой Софии

Осада Константинополя русами во главе с Аскольдом
и Диром

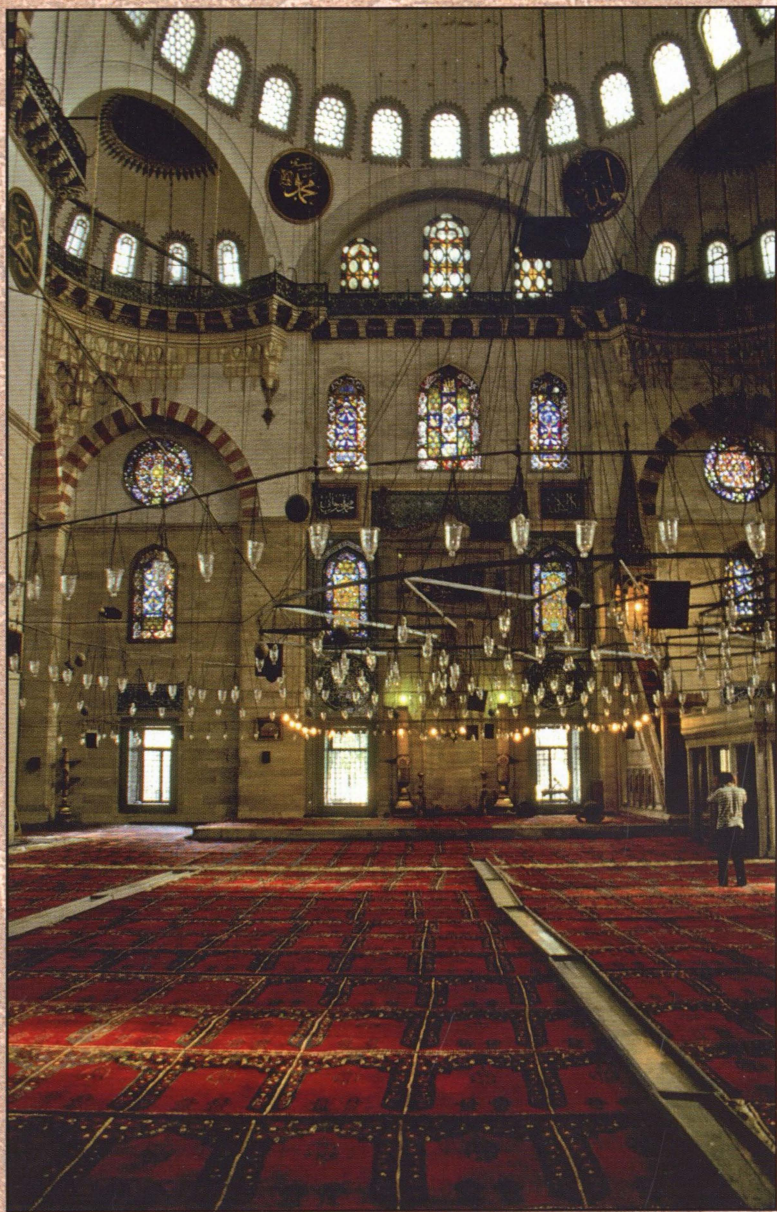
Поход Олега на Константинополь в 907 г.

Осада Константинополя султаном Мехмедом II Завоевателем
29 мая 1453 г.

Внутренний двор мечети Завоевателя

Интерьер мечети Сулеймание-джами

Вид Леандровой башни в Константинополе

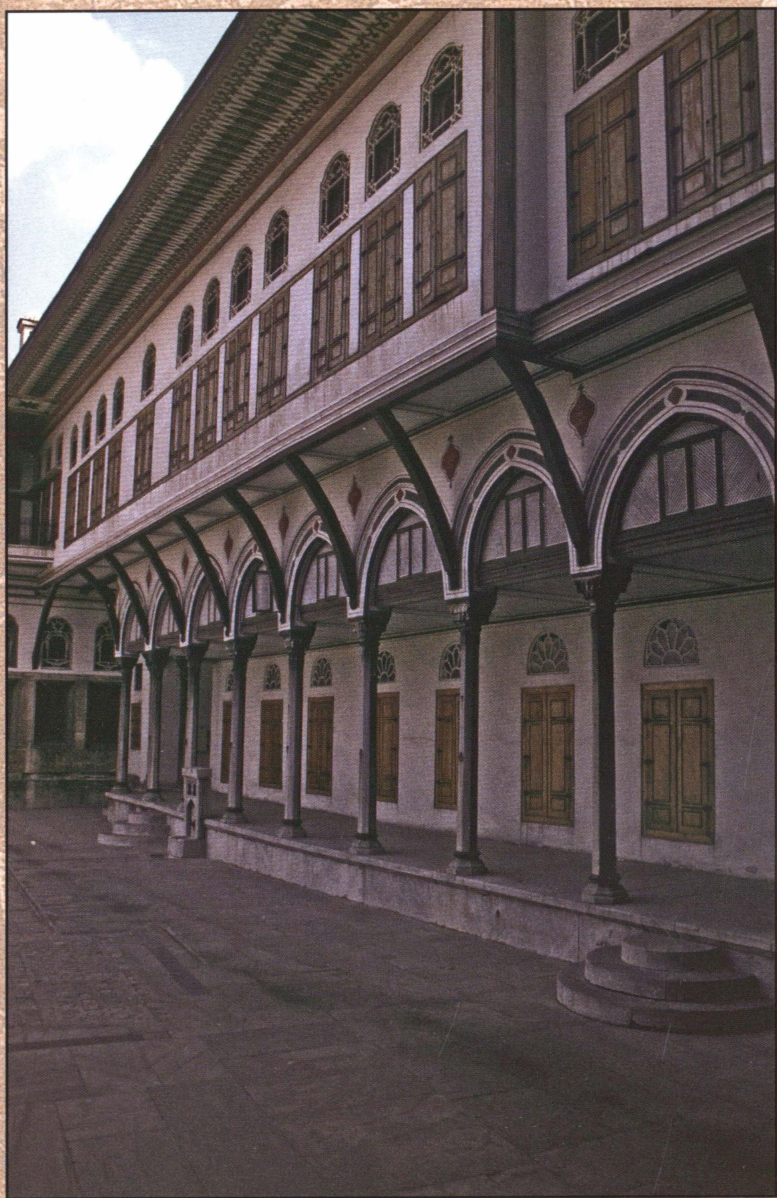
Голубая мечеть

Интерьер дворца Топкапы

Зал аудиенций во дворце Топкапы

Терраса фавориток. Дворец Топкапы

Священные христианские реликвии из дворца Топкапы

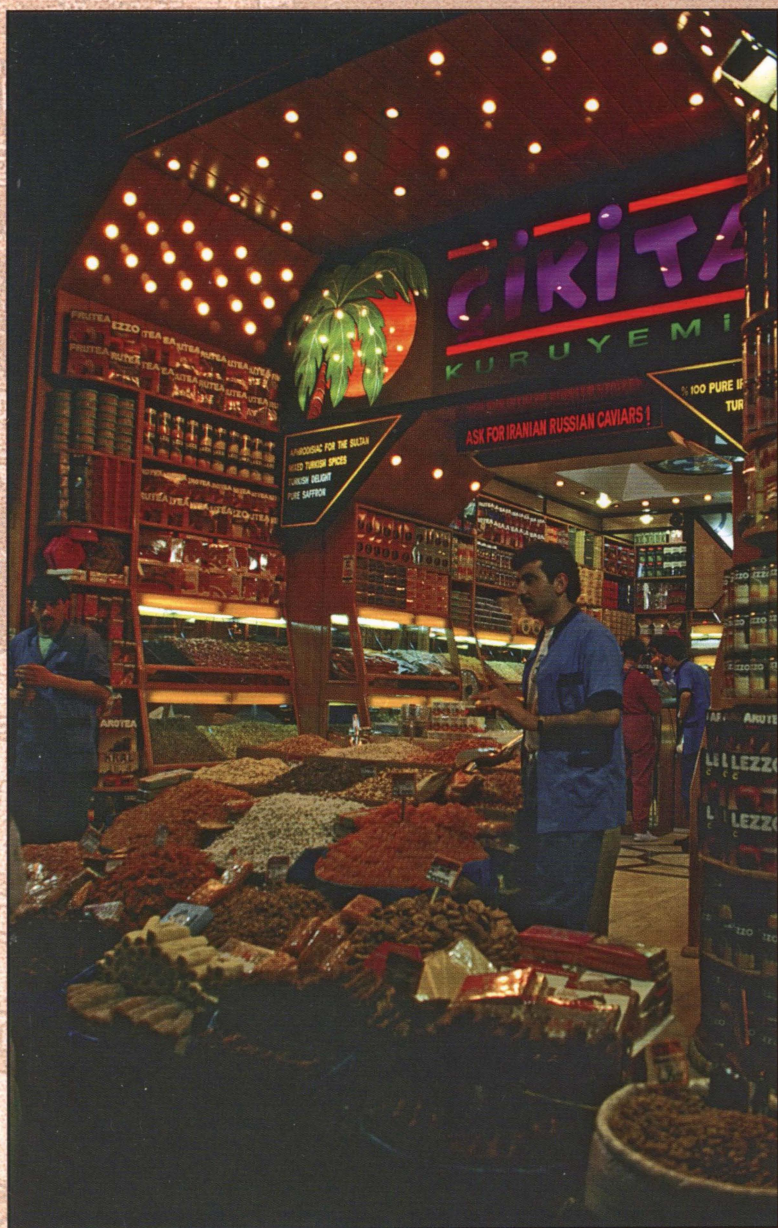
Золотая шкатулка, в которой хранится зуб пророка Мухаммеда

Кухни в Топкапы

Рыбный рынок

Специи на Египетском базаре

К. П. Брюллов. Сладкие воды близ
Константинополя. 1849

Ворота парка Йылдыз

ются два стройных минарета — «как две руки, возносящиеся утром и вечером молитвы народа к небу».

«Со временем мечеть Эйюба стала местом коронации турецких султанов. Но при вступлении на престол султанам не возлагали на голову короны, как европейским государям, а опоясывали их мечом Османа. Перед этим муфтии, визирь и другие сановники собирались во дворце, а оттуда вместе с султаном, верхом на конях, отправлялись к мечети Эйюба. Прибыв туда, один из почтенных имамов произносил речь, в которой призывал султана к ревностному распространению ислама и истреблению неверных. Султан присягал в том перед Кораном, а потом восходил на мраморное возвышение, где муфтий опоясывал его мечом, которым бы тот мог исполнить обет свой».

Рядом с каждой мечетью, как правило, находятся могилы ее основателя, его жен и детей. Гробница основателя всегда располагается против двери мечети, а могилы его жен и детей — в симметричном порядке вокруг тюрбе, величина которого зависит от положения усопшего. В тюрбе стоит гроб с прямоугольным основанием и с крышкой в форме призмы. Гробницы обычно покрываются богато вышитыми золотом и серебром бархатными покрывалами, а иногда дорогими шальями, побывавшими в Медине, где они лежали на гробнице Пророка, или в Мекке.

После смерти многие хотели быть похороненными поближе к мечети Эйюба, поэтому вскоре здесь возникло богатейшее кладбище, которое со временем растянулось до самой вершины холма. На нем хоронили самых знатных особ. Под сенью платанов и кипарисов здесь упокоились жены султанов, вельможи, военачальники, евнухи, шейхи и многие выдающиеся люди турецкой

истории, над могилами которых поставлены великолепные надгробные памятники.

Еще около 100 лет назад под кудрявую зелень мечети Эйюба не смела ступить нога иноверца. Лишь правоверный мусульманин после нескольких омовений и молитв удостоивался чести приблизиться к священным реликвиям мечети; «неверные» не имели права даже взглянуть на них. В настоящее время двери мечети Эйюба и тюрбе открыты для всех туристов независимо от их вероисповедания, поэтому теперь здесь всегда многолюдно. Во дворе среди верующих, пристроившихся на бортиках фонтана, на камнях или просто сидящих на корточках и неторопливо ведущих беседу, можно увидеть важно прохаживающегося аиста. Здесь же копошатся сотни голубей, которых паломники кормят зерном; его продают специальные продавцы, которые сидят во дворах почти всех мечетей.

Султанский дворец Topkapı

Возведение первого османского дворца началось при султане Мехмеде II Завоевателе в 1466 г. на месте древнего форума Тавра¹. В этой резиденции, охранявшейся 500 бестаджи², султан жил до возведения Топкапы-серая, который он повелел возвести на старом акрополе Византия, построенном еще императором Септимием Севером. В древности на этом акрополе устраивались общественные игры, а потом высился дворец императрицы Плакиды. В последние годы существования Византийской империи здесь располагалось здание, в котором размещалось духовенство храма Святой Софии.

¹ Ныне площадь Баязида.

² Слово «бестаджи» буквально означает «садовник», но постепенно так стали называться служители внутренней стражи дворца.

Дворец Топкапы («Дворец у пушечных ворот») строился на мысе, отделяющем бухту Золотой Рог от Мраморного моря. На протяжении двух километров он был окружен древними византийскими стенами, а от города его отделяла высокая стена длиной 1400 м, возведенная турками. Территория дворцового комплекса равняется площади Московского Кремля и Китай-города вместе взятым. Топкапы состоит из нескольких великолепных зданий, киосков (павильонов), мечетей, фонтанов и других сооружений, возводившихся в разное время, так как каждый султан что-то убавлял или прибавлял по своему усмотрению. На территории дворца размещались также бани, сады, кипарисовые рощицы и арсенал, в котором хранилось разное оружие (в том числе и принадлежавшее крестоносцам). Все строения соединялись между собой мабейнами (род коридоров).

Главные ворота, ведущие в Топкапы, находились на вершине холма и назывались **Баб Хумаюн** («Высочайшие»). Отсюда и пошло выражение «Высокая Porta», так как в прежние времена все политические дела в Турции решались на мощеном дворе и в залах у этих ворот — «у султанского порога» (то есть перед входом в покои султана). Никто, кроме визирей и иностранных послов, не имел права въезжать в эти ворота верхом. Около главных ворот всегда стояли 50 стражников, которые назывались «капичи».

«Высочайшие» ворота были воздвигнуты в 1478 г. при султанине Мехмеде II, впоследствии они перестраивались при султанах Махмуде II и Абдул-Азизе. Из документов XV в. известно, что прежде над воротами был устроен павильон с башней, но вот уже 100 лет как его там нет. В стене, по сторонам ворот, были сделаны углубления, в которых выставлялись головы незнатных преступников.

За воротами Баб Хумаюн размещался большой мощный двор, посреди которого был вырыт высокий мрамор-

ный столб¹. На этом столбе выставлялись головы пашей и других знатных преступников. Каждую голову клали на большое серебряное блюдо, а стоявший рядом «бестаджи» указывал на нее палкой и перечислял все преступления казненного. На наклеенной на ближайшем столбе «яфте» указывалось имя, звание, должность и прочие подробности, относившиеся к преступнику. Головы сановников меньшего ранга укладывались на деревянную тарелку, а рядовых чиновников — просто на землю. Каждое утро шли сюда жители средневекового Стамбула, чтобы посмотреть на головы казненных.

Напоказ народу здесь выставлялись также уши и носы неприятеля как трофеи победы. В 1822 г. победитель Патраса прислал несколько мешков с такими «трофеями», которые были высыпаны перед главными воротами, где из них образовались две огромные кучи. Султан и его сановники ежедневно проезжали мимо, и эти лоскутья человеческие валялись здесь до тех пор, пока распространившееся зловоние не заставило убрать их.

В первом дворе возвышался и печально знаменитый придворными мятежами «платан янычар», вокруг которого собиралось с требованием головы какого-нибудь ненавистного ему паши войско. И янычары не уступали до тех пор, пока не исполнялось их желание и голова военачальника не появлялась на острие пики. Несмотря на то что на первом дворе всегда толпилось много чиновников и служителей, здесь царила глубокая тишина. Нарушивший ее подвергался телесному наказанию.

В пределах первого двора Топкапы размещается Парадный дворец, построенный султаном Махмудом II (1803—1833) и выдержанный в двух стилях — барокко и ампир. Возведен он был для того, чтобы султан мог наблюдать из

¹ В настоящее время этот двор используется как стоянка для туристических автобусов.

него парадные шествия. На сводах окон, выходящих теперь на проспект, каллиграф Иззет-эфенди в свое время сделал на черном каменном фоне стихотворную надпись металлическими буквами, покрытыми позолотой.

В конце первого двора располагаются вторые ворота, более массивные — они называются **«Ворота приветствия»** (их тоже охраняли 50 стражников). По обе стороны от них возведены две восьмиугольные башни с остроконечными крышами и стрельчатыми окнами, что придает всему сооружению вид средневекового замка Западной Европы. Башни были построены в XVI в. при султane Сулеймане I. «Ворота приветствия» были двойными, и запирались они как со стороны первого, так и со стороны второго двора. Впоследствии эти ворота не раз подвергались реконструкции. Верхнюю часть и боковые стороны их украшают многочисленные религиозные надписи и тугры (монограммы султанов).

Ворота приветствия

Беликим визирям, высоким чиновникам и иностранным послам верхом разрешалось доезжать только до этих ворот, а потом они должны были спешиться у священного камня и дальше следовать пешком. За «Воротами приветствия» размещался второй двор Топкапы — дипломатический. Здесь отмечались важнейшие события Османской империи, в частности, вступление на трон нового султана, религиозные праздники, на которых два раза в год раздавали сладости, и т.д. Здесь же каждые три месяца янычары получали плату за свою службу.

От «Ворот приветствия» шесть дорожек ведут к разным уголкам второго двора (к султанской конюшне, гарему, залу заседаний Тайного совета, дворцовым кухням и т.д.). На втором же дворе Топкапы для палачей и их помощников было устроено особое помещение, на стенах которого висели орудия пыток. Стояла в ней и мортира, в которой безжалостно раздроблялись головы вельмож, впавших в немилость. Здесь же не один паша, визирь или государственный министр почувствовал, как медленно и туго стягивается вокруг его шеи упругая веревка.

Во втором дворе послам иностранных государств приходилось ждать, сидя на долго сохранявшейся и потом деревянной скамье. Это были очень неприятные и тревожные часы ожидания, так как на этой же скамье сидели и предательски захватывались неугодные визири. Не имея возможности избежать приготовленной им засады, они тут же попадали в руки поджидавших их палачей.

В другом месте второго двора располагалась так называемая «комната воздыханий», в которой исчезали становившиеся в тягость родственники султана. Еще дальше было устроено окно, которое открывалось только по ночам; из него выбрасывали в море трупы удушенных преступников. Здесь же зашивали в мешки впавших в немилость красавиц-султанш, потом их относили на берег Босфора, и они погибали в его волнах.

Неподалеку от дворца располагались казармы; в них обычно размещалось 8—10 тысяч отборных воинов, так что султан постоянно имел возле себя войско, готовое в любой момент навести порядок в столице. В настоящее время неподалеку от бывших казарм янычар стоит красивая порфировая колонна с коринфским карнизом. Турки называют эту колонну «Кыз-таш», и о ней сложена красивая легенда:

«Был в Стамбуле знаменитый пехливан (борец), о котором прослышал пехливан из Анатолии. Желая померяться силой, он пришел в город и после долгих расспросов нашел дом силача. На стук вышла сестра стамбульского пехливана и, узнав о причине прихода гостя, сказала: “Здесь есть камень; если ты положишь его вон на тот столб, тогда можешь бороться с моим братом”. Но как ни старался пехливан из Анатолии выполнить испытание, ничего у него не получалось. И тогда девушка сказала: “Ну разве тебе бороться с моим братом, если ты и камня на столб положить не можешь”. А потом легко подняла камень, словно это было перышко, и положила на вершину столба. С тех пор эта башня с камнем и зовется “Кыз-таш” (“Девичья”)).»

Называют этот памятник и «Колонной девственности», и о ней рассказывается, что когда-то она стояла в так называемом Зевгме — на холме, где император Константин устроил публичный дом...

«Витая каменная колонна поддерживала статую Афродиты, которая обладала замечательным свойством распознавать честных женщин и обличать нескромных девиц, потерявших невинность. Тем, которые не хотели признаваться в грехе, родители и друзья говорили: “Пойдем к статуе Афродиты, и если ты непорочна, статуя это

покажет”. Когда они подходили к колонне, то целомудренная девушка не испытывала ничего дурного; а потерявшая честь, приближаясь к статуе против своего желания... подвергалась позору — вдруг сами собой поднимались ее одежды. Так статуя обличила в прелюбодеянии жену (по другим сведениям невестку. — *Н. И.*) императора Юстина Курополата, когда та проезжала верхом мимо статуи, возвращаясь из купальни Влахернской, не имея возможности воспользоваться царскими судами по причине поднявшейся бури.

На втором дворе Топкапы, направо от стены, располагались кухни, которых было три. В главной дворцовой кухне готовили еду примерно для 4000 человек: для начальника стражи, для знатных вельмож, присутствовавших на заседаниях «Дивана», для наложниц гарема и т.д. Кухня, в которой готовили еду для султана и его семьи, называлась «куш-хане». Рассказывают, что на кухни ежедневно доставлялись мясо 40 свежих и соленых быков, 200 баранов, 100 ягнят, 10 телят, 200 куриц, 200 пар цыплят, 100 пар голубей, 50 гусей и 50 индеек.

В 1574 г. в Топкапы случился большой пожар, во время которого главная кухня сгорела, но впоследствии ее восстановил придворный архитектор Синан. Теперь она представляет собой длинное здание с куполами и дымоходами, состоящее из десяти комнат. В настоящее время в этих помещениях выставлена богатая коллекция китайского и японского фарфора — 10 700 редких и ценных предметов. После пекинской и дрезденской коллекция фарфора дворца Топкапы по ценности является третьей в мире.

Самыми старыми и самыми ценными в китайской коллекции являются предметы «Селадоновой серии», которые ученые относят к временам правления династий Мин, Юань и Сун (X—XIV вв.). Большая часть китайс-

кого фарфора использовалась в качестве посуды, но в силу своих замечательных качеств эта посуда до сих пор выглядит как новая, хотя султаны пользовались ею постоянно. Считалось, что если в сосуд из селадона¹ попадет отравленная пища, то он изменит свою окраску, а эмаль потрескается.

Самая большая часть коллекции китайского фарфора относится ко времени правления династии Мин — это так называемая «Бело-голубая серия» (XIV—XIX вв.). Синим кобальтом на белом фоне нарисованы пейзажи, драконы, животные, цветочные узоры, а часто и монограммы правящей династии. На предметах, изготовленных специально для султана, можно увидеть стихи из Корана и арабские надписи. Особенно замечательна в этой серии ваза из Аннама², датированная 1450 г.

Третьей из дворцовых кухонь была «хелван-хане» (кондитерская), представлявшая собой небольшое здание с четырьмя куполами. Оно было построено рядом с главной кухней знаменитым архитектором Синаном во время правления султана Сулеймана Великолепного. Свой современный облик постройки приобрели после реставрации 1945 г. В настоящее время в первой комнате «хелван-хане», выходящей во двор, выставлена бронзовая и медная кухонная утварь, которая использовалась для приготовления различных десертов. Рядом с гигантскими котлами и горшками здесь представлены великолепные кувшины, чашки и другая посуда с золотым и серебряным покрытием.

Из «кондитерской» через небольшой проход, расположенный у очага, можно попасть в «речел-хане», где готовились в основном варенье и мармелад. Теперь здесь

¹ Селадон представляет собой смесь жадеита и каолина.

² Так в свое время китайцы называли Вьетнам.

разместилась коллекция стеклянных и фарфоровых изделий, изготовленных в Стамбуле в XVIII—XIX вв. (продукция фабрик «Бейкоз», «Топхане», «Йылдыз»).

А коллекция европейского фарфора и серебра разместилась в здании напротив дворцовой кухни и с 1984 г. занимает два этажа. В небольшой комнате на первом этаже представлены 3000 предметов из серебра, но это только часть коллекции. Среди них — великолепные произведения придворных мастеров, дары от подданных из разных концов Османской империи, а также подарки из других государств (в основном из Европы). На втором этаже музея размещается интересная коллекция европейского фарфора XVIII—XIX вв., изготовленного в Лиможе, Севре, Мейсене, Санкт-Петербурге и др. Почти все экспонаты этой коллекции были в свое время подарены султанам представителями разных стран Европы.

Слева в конце второго двора находится здание бывшего «Дивана» (Зала заседаний), в котором Тайный совет собирался один раз в неделю — по вторникам после утренней молитвы. Здание «Дивана» было построено в византийском стиле, с квадратной башней. Этот зал, по размерам своим довольно большой, но низкий, состоит из нескольких соединенных между собой комнат (Палаты совета, Кабинета для составления судебных протоколов¹ и Кабинета великого визиря). Стены его облицованы расписным фаянсом, а потолок украшен золотыми арабесками.

При желании султан мог присутствовать на заседаниях «Дивана» невидимо и незаметно для всех, так как в стене напротив было зарешеченное окошечко, через которые султан мог видеть и слышать все, о чем спорили в Совете. И только сверкание бриллиантового пера на чал-

¹ В этом Кабинете размещался и архив, в котором хранились все документы, составлявшиеся на заседаниях.

ме могло выдать присутствие невидимого в полутемной отгороженной ложе, но грозного для всех повелителя.

В настоящее время неподалеку от «Дивана» располагалась Оружейная палата (бывшая сокровищница), в которой собрана богатейшая коллекция турецкого оружия, начиная с луков и стрел. Оружейная палата, представляющая собой длинное здание с окнами, является одной из старейших построек дворцового комплекса Топкапы. Она увенчана восемью одинаковыми куполами, покоящимися на трех массивных колоннах. Долгие века здесь хранилась казна необъятной Османской империи, которая включала в себя личное имущество султана, а также подарки из разных стран Европы, Африки и Дальнего Востока.

Коллекция оружия впервые была выставлена в этом здании в 1928 г. Сегодня здесь можно увидеть около четырехсот экспонатов VII—XIX вв. из разных стран: турецкие, арабские и персидские мечи; кинжалы, скипетры, кольчуги, щиты, стрелы, пистолеты и ружья. Здесь, в частности, выставлено и массивное золотое ружье — подарок английской королевы. Особый интерес у многочисленных посетителей вызывают индийский щит XVI в., инкрустированный перламутром, и японские кольчуга и меч, которые в 1891 г. были подарены султану Абдул-Меджиду.

Из второго двора ворота **Баб Саадет** («Ворота счастья») вели в третий двор — «Эндерун», украшенный цветами и фонтанами. Над этими воротами, которые располагались в конце кипарисовой аллеи, устроена островерхая кровля, покоящаяся на четырех мраморных колоннах. Раньше «Ворота счастья», потолок и стены которых покрывала искусная роспись, охранялись черными и белыми евнухами. На фоне этих ворот происходили важные в истории Османской империи события и великие торжества: вступление султанов на престол, принятие почес-

тей во время религиозных праздников, посвящение военачальников в новый чин.

За «Воротами счастья» сразу же размещался **«Залаудинций»** («Тронный»), возведенный в правление султана Мехмеда II и полностью перестроенный в 1723 г. при султани Ахмеди III. Современный же свой облик здание приобрело в результате реконструкции после пожара 1856 г. Внутренние стены и потолок Тронного зала были расписаны фресками и украшены затейливым орнаментом, а золотой трон султана выполнен в виде дивана с балдахином. Трон возвышался на колоннах, которые раньше были осыпаны драгоценными камнями. Поверх подушек на нем лежит покрывало, расшитое золотом и серебром и украшенное самоцветами и жемчугом. До XIX в. султан принимал в этом роскошном Зале великих визирей и высокопоставленных иностранных чиновников. Фонтан у входа позволял обсуждать дела государственной важности, не опасаясь подслушивания, так как

Терраса Зала аудиенций

журчание воды заглушало звуки речи. А все слуги, охранявшие павильон, были глухонемыми...

Неподалеку от «Зала аудиенций» размещался **Кутбей-алты** — небольшой, но весьма изящный павильон с прекрасной галереей, выходившей на берег Босфора. В нем готовили (умывали и одевали) иностранных посланников, прежде чем представить их султану. Для пущей важности их держали здесь по несколько часов, а потом порой брали за ворот и тащили в приемную султана — небольшую и темную комнату, которая освещалась одним оконцем. Эта комната была пределом того, что иностранцы могли видеть во дворце Топкапы. Дальше нога иностранца не ступала никогда.

Из окон соседних домов можно было видеть сады Серая, в которые иностранцы тоже не имели права входить. Но не в силах противиться своему любопытству они любыми способами старались проникнуть в эти дома, чтобы хоть краешком глаза посмотреть за дворцовые стены и узнать, что там делается. Так, приятель одного американского купца, имевшего неподалеку от дворца дом, взял однажды подзорную трубу, чтобы рассмотреть какой-то отдаленный предмет по ту сторону Мраморного моря. Но, к несчастью, труба была направлена в сторону серальского сада, где в ту пору прогуливался султан. Он тотчас послал своих чаушей расправиться с любопытным гяуром. Те тихо вошли в дом, подкрались сзади к бедному франку¹, и не успел тот даже отнять от глаз трубу, как в одно мгновение на его шее затянулась веревка...

Рядом с Тронным залом располагалась библиотека султана Ахмеда III, в которой насчитывалось 24 000 книг, манускриптов и редчайших пергаментных свитков, которые были собраны из библиотек Константинополя. В ней хранится много списков Корана, из которых наиболее за-

¹ В те времена франками турки называли всех иностранцев.

мечательными являются написанные султанами Османом и Омаром... Много здесь было и книг, почти каждая строка которых украшена узорами из киновари и золота. Среди малых и больших манускриптов — пророческое завещание султана Сулеймана Великолепного, которое он написал перед своей смертью и вручил его на хранение визирю¹. Современная библиотека дворца расположена в «Мечети белых евнухов»; построенная в XV в., она является одной из самых больших и старых мечетей Топкапы.

На дворе «Эндерун» находились и внутренние покои султана, где он занимался повседневными делами вдалеке от гарема. Этот двор был окружен постройками, в которых жили пажи. Их забирали из семей в раннем детстве, воспитывали в специальных школах, а потом отправляли прислуживать султану.

В одном из помещений в восточной части третьего двора сейчас размещается коллекция одежды турецких султанов и принцев. После смерти султана его одежды помечали специальным ярлыком и аккуратно складывали в сокровищницу. Каждую весну их проветривали на свежем воздухе, чтобы защитить от сырости, благодаря чему весь гардероб султанов прекрасно сохранился. В первой комнате длинного здания с колоннадой выставлены халаты всех султанов, когда-либо живших в Стамбуле. В дальней комнате заслуживают внимания одежды принцев, образцы ценных турецких тканей (чаще всего расшитые цветами), меха для зимних халатов султанов и шелковые молитвенные коврики. В отдельном зале экспонируются парадная одежда султанов из тонко расшитой парчи, тюрбаны с султанами из драгоценных камней, а также представляющая большой интерес коллекция

¹ Содержание этого завещания представлено в главе «Пророчества о Константинополе».

орденов и медалей почти всех стран мира, которыми награждались турецкие монархи.

Четвертый двор Топкапы был местом отдыха султанов. Он представлял собой небольшой сад с фонтанами, и на одной из террас этого сада находятся остатки «Колонны готов», сооруженной императором Феодосием I в честь победы над ними. Колонна была высечена из одной глыбы гранита, и когда-то ее венчала статуя Византа — легендарного основателя Константинополя. На стороне, обращенной к Босфору, сохранилась древняя надпись: «Fortunae reduce ob devictos Gothos».

На четвертом дворе расположена самая поздняя в Топкапы постройка — дворец султана Абдул-Меджида I (Малый декоративный павильон). Возведен он был в 1840 г. — через год после того, как султан переехал во дворец Долма-бахче. С террасы этого павильона открывается великолепный вид на Босфор, азиатскую часть Стамбула и Мраморное море.

Посреди четвертого двора размещалась «**Палата главного придворного лекаря**», которая представляет собой квадратное здание — одно из старейших в Топкапы. Ученые считают, что раньше оно было в два раза выше, чем теперь. Здесь находилась аптека, где под надзором главного лекаря готовили лекарства для всех, кто жил во дворце.

За «Палатой главного придворного лекаря» разместился «**Диван-дворец**», который еще называется «Павильоном с террасой». Это единственное деревянное здание в Топкапы (не считая построек гарема). Павильон, построенный в 1703 г. в правление султана Ахмеда III, состоит из двух больших комнат. Сначала он, вероятно, служил местом отдыха, а позже стал домом для гостей. Ежегодно в апреле в саду у Диван-дворца проводились знаменитые праздники тюльпанов.

На той же площадке разместился и **Багдадский киоск**, получивший свое название в память о походе турецкого султана на Багдад. Павильон находится на террасе, которая поднимается над садом на высоту 7 м. Изнутри и снаружи стены Багдадского киоска облицованы плиткой из Изника; двери и ставни его искусно отделаны перламутром, черепаховым панцирем и слоновой костью. Некоторое время в этом павильоне размещалась библиотека; сейчас, справа от входа, устроен камин, покрытый золотом и бронзой, а в центре — изящная серебряная жаровня, подаренная французским королем Людовиком XIV.

Позади Багдадского киоска стоит маленький домик, в котором по мусульманскому обычаю принцам в раннем детстве делали обрезание, а на террасе между ними устроен балкон с бронзовым позолоченным балдахином. Называется он «**Ифтар**» («Балкон разговения»), потому что в месяц Рамадан, когда в дневное время есть запрещено, султан разговлялся здесь после захода солнца. С балкона, построенного султаном Ибрагимом в 1640-е гг., открывается незабываемая панорама Старого и Нового города и бухты Золотой Рог.

Когда султаны не были на войне, они всегда жили во дворце. Но часто выезжали в город на празднества и прогулки, а также показаться народу, чтобы подданные знали об их присутствии и не учиняли в городе беспорядков. Если султан хотел выехать тихо и незаметно, то выходил в той одежде, в какой ходил во дворце, ничего в ней не переменяя. Сопровождали его в таких прогулках только любимые слуги и евнухи, а перед ними шли малые слуги и лакеи. Впереди всех шествовал «капитан справедливости», которого турки называли «сеит-паша», а с ним 50 воинов, которые расчищали дорогу и смотрели за тем, чтобы все кланялись до земли, когда мимо них проезжал султан.

Турки благоговейно почитали своего повелителя и даже целовали след его коня, считая это для себя особой милостью. Многие даже рассекали себе руки, показывая, что готовы пролить кровь за своего повелителя. И не останавливали кровь до тех пор, пока султан не проедет. А некоторые, обнажившись по пояс, били себя по бокам и груди раскаленным железом...

Резиденция турецких правителей находилась в Топкапы до 1839 г. На содержание дворца тратились баснословные суммы, так как дворцовая челядь исчислялась тысячами человек. В XVIII в. в дворцовом комплексе Топкапы жило и кормилось более 12 000 человек — придворные, султанские жены и наложницы, евнухи, слуги, дворцовая стража, стольники и ключники, постельничие и сокольничие, стремянные и егеря, начальники белых и черных евнухов, главный придворный астролог, хранитель парадной шубы и чалмы султана... Были даже стражи султанского соловья и попугая!

Впоследствии резиденция правителей Османской империи была перенесена на острый мыс, располагавшийся между Мраморным морем и бухтой Золотой Рог. Адворец Топкапы стал местом жительства овдовевших султанш, для услужения которым было назначено 55 поваров и кондитеров. Сами же султаны бывали здесь только один раз в году, чтобы приложиться к плащу Пророка Мухаммеда и, омочив край плаща в воде, отдать освященную таким образом воду придворным сановникам.

Гарем

Слово «гарем» имеет арабское происхождение, сами же турки называли его «darussade» («дом блаженства»). До

принятия ислама турки не знали многоженства, и только в X в. они переняли от арабов эту традицию¹.

До XVI в. султанский гарем располагался в старом дворце, на месте которого теперь расположен Стамбульский университет. Топкапы же был официальным дворцом-учреждением, в котором решались государственные дела. Однако Роксолана (русская жена султана Сулеймана Великолепного) уговорила мужа разрешить ей поселиться в Топкапы вместе со своими рабынями. Позднее, во времена правления султанов Селима II и Мурада III, были построены новые помещения, и гарем превратился в большой комплекс, состоявший из 400 комнат.

В XVI в. в гареме было еще не особенно многолюдно, так как наследники султана (будучи более или менее независимы) забирали своих матерей и прислугу в те места, где правили. Однако в XVII в. система престолонаследия в Османской империи изменилась, и с того времени наследники со своей свитой должны были оставаться в гареме. Вследствие этого число его обитателей значительно возросло и не снижалось до XIX в.

За все время (вплоть до XIX в.) в гареме дворца Топкапы побывало около трехсот красавиц, которые родом были из разных стран и племен. Вначале турки-османы, участвовавшие во многих войнах, привозили 5—6-летних девочек из завоеванных стран. Когда же время войн прошло, они покупали их у работорговцев.

Вновь прибывавших девочек называли «аджеми» («новенькие»), затем они становились наложницами. После специального обучения двенадцать самых юных и прекрасных наложниц отправляли в услужение султану. По нравившиеся девушки впоследствии могли стать его же-

¹ Многоженство впервые появилось у ассирийцев; потом оно было принято мусульманами, которым разрешалось иметь четырех жен.

нами. После смерти султана его жены (в том числе и любимые), имевшие только дочерей, должны были выйти замуж за высокопоставленных чиновников или переехать вместе с матерью умершего султана в старый дворец. Любимые жены, родившие наследников, оставались в гареме навсегда. Если же султан лишался трона при жизни, все его женщины отправлялись в старый дворец.

Мужскую прислугу гарема кастрировали, чтобы они не могли вступить в интимную связь с гаремными женщинами. И тем не менее между наложницами и высшими чинами охраны нередко завязывались тесные отношения, так что гарем был многоярусным миром, в котором уживались как добродетели, так и пороки (в том числе гомосексуализм и лесбиянство).

Очень часто решение многих вопросов в Османской империи зависело от прихоти самого влиятельного придворного — «кызлар-агасы» (начальника черных евнухов), который руководил внутренним двором султана (женской половиной). Черных евнухов детьми похищали в Эфиопии и Судане, потом особым способом кастрировали, чтобы сделать охранниками в гареме. Они отвечали за сношения гарема с внешним миром, а кызлар-агасы следил еще и за порядком продвижения женщин по ступенькам гаремной иерархии. К тому же на нем лежала и другая важная обязанность — отбирать в гарем новых девочек-рабынь с прекрасными фигурами.

Имя кызлар-агасы с опаской произносили даже высшие сановники Османской империи, прекрасно сознававшие, что достаточно даже легкого неудовольствия с его стороны — и любой из них может лишиться не только должности, но и жизни. Так, в XVIII в. кызлар-агасы Бешир в течение почти тридцати лет пользовался практически неограниченной властью. После его смерти выяснилось, что в личной казне этого бывшего раба, купленного когда-то в Абиссинии за тридцать пиастров, хра-

В гареме

нится около 3 000 000 пиастров, 160 роскошных доспехов и 800 часов, украшенных драгоценными камнями.

В настоящее время в Топкапы для посетителей открыта лишь небольшая часть гарема, вход в который находится во втором дворе. Вход этот называется «Воротами экипажей», так как именно здесь женщины рассаживались в коляски перед выездом в город. Через «Ворота экипажей» посетители попадают в караульную комнату для чернокожих евнухов, стены которой выложены красивыми изразцами. Слева находится мечеть чернокожих евнухов, стены которой тоже облицованы плиткой.

Непосредственно в гарем ведут «Главные ворота», расположенные в конце двора. За ними находится караульная комната, а слева начинается длинный, узкий коридор, вдоль которого тянется выступ, подогревавший-

ся снизу. На него ставили принесенную из кухни еду, чтобы она не остывала.

Коридор выходит во двор Джарийелер — двор для рабынь, которые жили в окружающем его двухэтажном доме. Направо от этого двора располагались покои султанши-матери, которая была самой значительной фигурой в гареме. Для осмотра открыты лишь столовая и гостиная, хотя покои султанши-матери состояли из сорока комнат. И не раз бывало, что государственные дела вершились именно в этих покоях — в кругу лиц из придворной администрации, близких султанше-матери. Так в гареме формировалась внешняя и внутренняя политика Блистательной Порты; здесь решали, кому из повелителей продлить жизнь, а кто должен был тихо и бескровно умереть.

Короткий коридор выводит посетителей в бани: первая из них принадлежала султанше-матери, а вторая — султану. Решетки, которые здесь установлены, должны были защитить султана от возможных нападений.

Напротив бань расположены спальные покои султана Абдул-Гамида I, построенные в XVIII в. В главной комнате, украшенной золотой и бронзовой росписью, внимание посетителей привлекают фонтан, выложенный венской плиткой, и кровать с балдахином. Если пройти дальше по коридору, ведущему в бани, можно попасть в Тронный зал — самый большой и самый величественный во всем гареме. Во времена правления султана Османа II он был оформлен в стиле рококо. Сюда султан приглашал своих близких друзей; кроме них, в Тронный зал могли заходить только султанша-мать, первая жена, наложницы и дети.

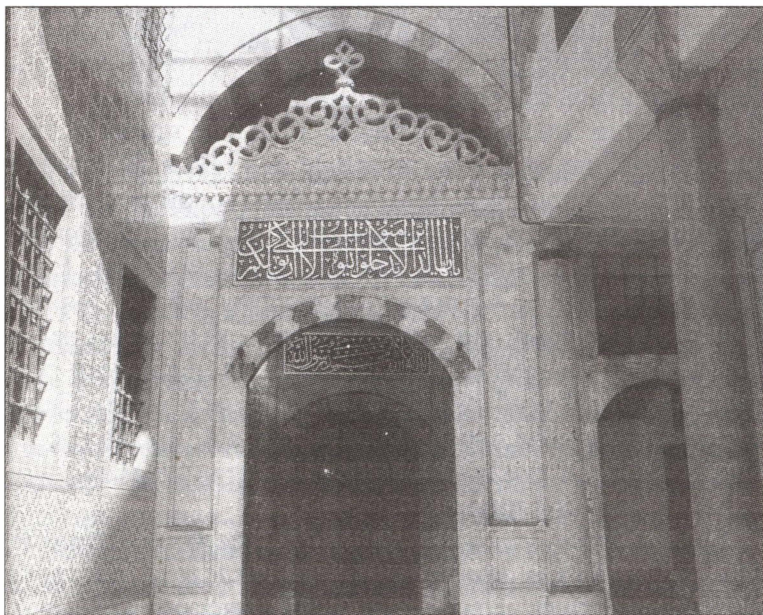
Стены этого зала украшены бело-голубой плиткой, которую в XIX в. привезли из голландского местечка Дельфт. Зеркала сделаны из венецианского хрусталя, кресла с позолотой присланы немецким императором

Вильгельмом II, а высокие часы подарила английская королева Виктория. За одним из зеркал устроена потайная дверь, через которую султан в случае опасности мог укрыться в соседней комнате.

Дальнейший маршрут проходит через «Комнату с фонтаном» и «Комнату с очагом»; в одну из изразцовых стен последней был встроен бронзовый камин, откуда брали угли для гарема.

В соседней комнате (чуть большего размера) размещалась красивая спальня султана Мурада III, до нашего времени сохранившая свой первоначальный облик. Стены ее покрыты голубыми и коралловыми изразцами, а потолок сделан в виде купола. Напротив камина устроен замысловатый фонтан, высеченный из многоцветного мрамора. Но излюбленным местом султана Мурада III,

Главные ворота гарема

где он проводил минуты наслаждений, были диванная и бассейн в подвале гарема. Архитектура и орнаментальное украшение этих павильонов, возведенных по приказу султана, были просто необыкновенны. Веселье начиналось в диванной, где музыканты играли с полудня до полуночи. Распалившись от танца полуобнаженных рабынь, султан выбирал одну из них и уводил ее в спальню или бассейн. Иногда, сидя на троне у бассейна, он позволял девушкам развлекать себя играми и плесканиями в воде. Но самая любимая для него игра начиналась, когда кызлар-агасы устраивал над поверхностью воды что-то вроде деревянного насеста. Одалиски с одними только кусочками полупрозрачной ткани, обернутыми вокруг бедер, взбирались на насест, а султан окатывал их холодной водой. Тогда девушки бросались в бассейн и, играя, роняли ткань. Позже одна из них могла стать гостей султана на весь вечер или на всю ночь...

В гареме располагались и комнаты, в которых в уединении жили наследные принцы; помещения эти назывались «Kafes» («Клетка»). Принцы никогда не встречались друг с другом, и у каждого из них были свои наложницы и слуги. Наследникам трона позволялось вступать в интимную близость со своими наложницами, но иметь от них детей запрещалось. Поэтому забеременевшая наложница любыми средствами старалась избавиться от будущего ребенка, а если он все-таки рождался, младенца выносили за пределы дворца и оставляли там.

Следует упомянуть еще о знаменитой Золотой дороге, которая представляет собой темный коридор длиной 46 м. По праздникам и во время вступления на престол султаны разбрасывали здесь золотые монеты. Налево в конце Золотой дороги выход из гарема проходит через ворота «Птичья клетка», через которые сюда когда-то вносили яства.

У выхода из садов гарема к Мраморному морю было устроено несколько павильонов. Один из них, «Яли-ки-оск», предназначался для содержания под стражей визирей и других знатных сановников, заподозренных в каком-нибудь проступке. И когда чауш отворял дверь, тот не знал, что он несет ему — шнурок или почетную шубу...

Сокровища дворца Топкапы

После захвата Константинополя турками богатства султана Мехмеда II в течение нескольких лет хранились в крепости Едикуле. В 1478 г. их перенесли во дворец Топкапы — в здание, где сейчас расположилась Оружейная палата. Во время правления султана Селима I для хранения казны был выделен бывший летний дворец султана Мехмеда II, в котором сокровищница находилась и поныне.

Следует отметить, что на территории дворца Топкапы находилось две казны — государственная и султанская, и это было законом жизни Османской империи. Личные средства султана только в самых исключительных случаях тратились на государственные нужды, да и то в заимообразном порядке, оформлявшемся долговым обязательством дефтердара (министра финансов). Личная казна султана, в отличие от государственной, обычно не испытывала нехватки средств, так как постоянно пополнялась самыми различными способами — данью от вассалов, доходами от некоторых вакуфных учреждений, множеством подношений и подарков. А.Ф. Миллер в своей книге отмечал, что «применялись и другие, поистине виртуозные способы пополнения султанской казны. Так, султаны выдавали своих дочерей замуж в самом раннем детстве, а иногда и в младенческом возрасте за

богатых сановников, которые должны были присылать во дворец крупные суммы на содержание «супруги».

Сокровища Османской империи имеют различное происхождение: это были подарки зарубежных послов; драгоценности, изготовленные в Топкапы специально для султанов, военные трофеи из покоренных стран и ценные вещи, которые переходили в казну после смерти государственных деятелей. Самым большим состоянием обладал султан Селим I, правивший в XVI в.

Во времена Османской империи сокровищницу султанов открывали и закрывали в торжественной обстановке, и в церемонии этой участвовали сорок человек. В настоящее время в нескольких залах выставлены неисчислимые богатства правителей Османской империи, и среди них — трон иранского шаха Исмаила, захваченный в 1541 г. султаном Селимом I во время его похода в Иран. Трон этот, сделанный из кованого золота, выложен рубинами, изумрудами и жемчугом, которые своим сиянием создают причудливый мозаичный узор.

В султанской сокровищнице хранится и трон Селима III, изготовленный из эбенового и сандалового дерева и инкрустированный золотом, серебром и перламутром. Над троном массивная золотая цепь поддерживает укрепленный в золотую оправу неправильной формы изумруд длиной 10 и шириной 4 см. Здесь же выставлены украшенный бриллиантами меч и кольчуга, принадлежавшие султану Мураду IV, расшитая настоящим жемчугом (величиной с горошину) конская попона, а также несметное количество рубинов.

В стеклянных витринах в центре **первой** комнаты сокровищницы выставлены золотые украшения, оружие, хрустальные кальяны с резными янтарными мундштуками, кофейные наборы и золотые кубки. В одной из витрин можно увидеть великолепные доспехи султана Мустафы III, украшенные драгоценными камнями (по-

золоченную стальную кольчугу, щит, меч и пару серебряных стремян, покрытых позолотой). Рядом выставлены расшитые жемчугом чехлы для Корана, принадлежавшие семьям султанов, дорогие сосуды для воды, кувшины и золотые подсвечники.

Во **второй** комнате можно увидеть висячие орнаменты из золота и самоцветов, золотые подвески султанов Абдул-Гамида I и Ахмеда I, тюбан с драгоценными камнями, украшения с бриллиантами и рубинами, которые крепились к тюбану султана. В других витринах выставлены изделия из нефрита и горного хрусталя, которые во множестве изготавливались в мастерских дворца. Одним из интереснейших экспонатов является нефритовый сосуд в виде корабля — подарок русского императора Николая II. Слева от входа в третью комнату за стеклом выставлена позолоченная колыбель для новорожденных принцев. По сложившейся в Топкапы традиции для матери-султанши было делом чести преподнести внуку золотую колыбель с постелью и покрывалом.

Главным экспонатом этой комнаты является известный во всем мире кинжал. Он висит на тонкой цепочке в стеклянной витрине позади трона султана Ахмеда I. Рукоять кинжала украшают три больших изумруда, в эфес встроены золотые часы, крышка которых тоже сделана из изумруда. Золотые ножны покрыты эмалью и драгоценными камнями. Этот кинжал был изготовлен придворными мастерами по приказу султана Махмуда I для персидского шаха Надира и среди прочих подарков отправлен в Персию. Однако по пути туда посланники султана узнали, что шах скончался, и со всеми подарками вернулись во дворец. С тех пор этот самый дорогой в мире кинжал хранится в сокровищнице дворца Топкапы.

В **третьей** комнате хранится «Алмаз ложечника». Весит он 86 карат, оправлен серебром и окружен 49-ю более мелкими бриллиантами. О происхождении этого

бриллианта существуют две версии. Согласно одной, алмаз нашел бедный рыбак, когда разгружал мусор, и потом обменял свою находку на базаре. Хитрый ювелир дал ему за сокровище три ложки, откуда и произошло название алмаза, к тому же и форма его напоминает ложку. Но более достоверной считается вторая версия: французский офицер Пиго приобрел алмаз у махараджи Мадраса и привез его во Францию. После многочисленной смены владельцев алмаз приобрела на аукционе мать Наполеона, однако позже ей пришлось продать бриллиант, чтобы выволить сына из ссылки. Со временем бриллиант приобрел великий визирь Тепеделенли Али-паша, который купил его за 150 000 золотых монет и поместил в свою личную сокровищницу. Обвинив визиря в измене, султан Махмуд II навсегда поместил бриллиант в султанскую сокровищницу. Доказательством подлинности этой истории служит портрет Али-паши с очень похожим бриллиантом на тюбуне.

В этой же комнате выставлены два золотых подсвечника, каждый из которых весит 48 кг и украшен 6666-ю бриллиантами — по одному на каждый стих Корана. Подсвечники изготовлены в XIX в. по повелению султана Абдул-Меджида I для отправки в Мекку к священному камню Кааба и украшены его монограммами.

Слева от подсвечников за стеклом выставлен золотой трон «Байрам» («Праздничный»), весящий 250 кг и украшенный турмалинами. Этот трон устанавливали перед «Воротами белых евнухов» при вступлении султана на престол и во время других праздничных церемоний.

Собрание священных реликвий Османской империи хранится в здании, которое благодаря своему внутреннему убранству считается самым красивым в Топкапы. Большая часть этих реликвий была привезена в 1517 г. султаном Селимом I из египетского похода. До этого они принадлежали халифу Эль Мутаевкиль; другие релик-

вии были переданы султану Селиму I эмиром Мекки Сеидом Берекатом после провозглашения того халифом¹.

Драгоценной реликвией султанской Сокровищницы является «Знамя Пророка» (**«Санджак-Шериф»**). Во время священных войн Пророк Мухаммед выступал под двумя знаменами — черным и белым. Черное знамя «Укап» («Орел») было привезено из Египта и с тех пор хранится в золотом ковчеге. Поскольку полотно сильно пострадало от времени, позднее его подшили к священному знамени из шерстяной материи зеленого цвета. Развертывалось и выставлялось оно в самое критическое для Османской империи время.

«Знамя Пророка» использовалось уже первыми халифами, от которых перешло в Дамаск к династии Омейядов (661—705), а потом к Аббасидам в Багдад и Каир. Когда в 1607 г. султан Селим I завоевал Египет и сокрушил халифат, «Знамя Пророка» перешло к Османскому дому. Вначале оно хранилось у паши Дамаска, который ежегодно сопровождал с этой святыней караван паломников, направлявшихся в Мекку.

В царствование султана Мурада III, по требованию великого визиря Синана-паши, «Знамя Пророка» впервые было привезено в Европу — в находившуюся тогда в Венгрии турецкую армию для воодушевления войска и восстановления упавшей дисциплины. Султан Магомет III (1596—1603) определил к Знамени стражу в 300 человек под началом главного эмира Накибола-Этрафа. Впоследствии из служителей Серая было назначено 40 знаменосцев; кроме них все военные люди и всадники обязаны были защищать святыню.

¹ Халиф как высшее духовное лицо считается в исламе преемником Пророка Мухаммеда.

«Санджак-Шериф» хранится в 40 чехлах из тафты и в зеленном суконном ковчеге. Длина «Знамени Пророка» равняется примерно 3,7 метра. В золотой наконечник его древка положен Коран, собственноручно переписанный султаном Османом — основателем Османской империи. Кроме «Знамени Пророка» в этом же ковчеге лежат небольшого размера Коран, руки халифа Омара и серебряные ключи от Каабы, которые султан Селим I получил от правителя Мекки.

В мирное время «Знамя Пророка» хранится в Зале благородной одежды (черный камлотовый плащ Пророка Мухаммеда). Здесь же находились другие государственные святыни: борода, священный след ноги, жезл и лук Пророка и несколько мечей первых халифов. Во время войны для Знамени сооружался шатер, в котором оно серебряными кольцами прикреплялось к специальному устройству из черного дерева».

Неверные не могут видеть священное «Знамя Пророка», и кто решался на такую дерзость — сурово наказывался. Так, 27 марта 1769 г., во время Русско-турецкой войны, австрийский интернунций Броньяр, нанял у одного муллы комнату, чтобы со своей семьей и некоторыми европейцами скрытно посмотреть процессию выноса «Знамени Пророка». Потом он нашел комнату подешевле и отказал мулле, за что тот предал его. В нанятую Броньяром комнату ворвались янычары, оскорбили его супругу и дочерей, а на улицах убили нескольких христиан. Австрия срочно отозвала Броньяра...

К персональным реликвиям Пророка Мухаммеда относится и его священная мантия (хырка), которую Пророк подарил арабскому поэту Каабу бин Зюхеру, принявшему ислам. После его смерти мантию за 20 000 дирхам приобрел халиф Моавидже. От него она перешла к Омейядам, затем — во владение Аббасидов, а в XVI в. попала

к турецкому султану Селиму I. Святая мантия Пророка Мухаммеда, возраст которой насчитывает 1400 лет, представляет собой одеяние длиной 124 см, с широкими рукавами; сшита она из черной шерстяной материи. С момента своего появления в Топкапы (с XVI в.) она бережно хранилась в золотом ковчеге, который сейчас выставлен на обозрение на серебряном пьедестале, изготовленном во дворце при султани Мураде IV. Ежегодно в 15-й день месяца Рамадан священную мантию Пророка Мухаммеда торжественно навешали султан, визири и обитательницы гарема.

Сегодня во дворце Топкапы находятся и два меча Пророка Мухаммеда. Первый из них (меч Зюльфикар) Мухаммед подарил своему зятю — четвертому халифу Али, а второй был фамильной ценностью, полученной им от отца. Оба меча инкрустированы золотом и драгоценными камнями. Рядом с ними выставлен бамбуковый лук Пророка Мухаммеда в золотом чехле.

В собрании священных реликвий хранится и письмо Мухаммеда, в котором Пророк призывает правителя Мукаваса принять ислам. Послание это, случайно найденное в Египте, написано на лоскуте темной кожи (16—19 см), состоит из двенадцати строк и отмечено печатью Пророка. Считается, что печать эта перешла от халифа Абубакара к халифу Омару, а от него — к халифу Осману, который однажды уронил ее в фонтан. Через почти 150 лет янтарная печать была обнаружена в Багдаде и привезена во дворец Топкапы.

В золотой шкатулке, украшенной драгоценными камнями, хранится осколок зуба Пророка Мухаммеда, сломанный во время Ухудского сражения. Во дворце Топкапы хранится около 60 волос из бороды Пророка, но на всеобщее обозрение выставлен только один. Он тоже лежит в золотой шкатулке.

В собрании реликвий находится и один из шести известных отпечатков ноги Мухаммеда. Считается, что след на этом камне Пророк оставил при вознесении на небо. Камень с отпечатком ноги помещен в золотой футляр с крышкой.

Среди **реликвий из Каабы**, которые хранятся во дворце Топкапы, следует отметить позолоченную защитную оправу для священного Черного камня, которая весит 14 кг; два золотых водосточных желоба, подвешенные на цепях к потолку; фрагмент «Ворот покаяния» и серебряные позолоченные ключи...

В сокровищнице султанского дворца хранятся и **христианские реликвии**, собранные в церквах Константинополя: десница Иоанна Крестителя в золотой оправе, часть черепа святого апостола Петра, оловянная кастрюля Авраама, серебряный ковчежец с мощами святых.

Тайны Сералья

Итальянский писатель де Амичес писал о дворце Топкапы как о «единственном в своем роде историческом памятнике, комментирующем и освещающем почти всю жизнь Османской династии. На его колоннах и стенах, на стволах его деревьев записана самая интимная, самая тайная летопись империи; 25 султанов жили здесь, здесь утвердилась династия. Здесь она достигла апогея своего величия, здесь же началось ее падение. Это была крепость, дворец, святилище. Там была голова империи и сердце исламизма; это был город в городе, величественная цитадель с многочисленным населением под защитой целой армии. Эти старинные стены заключали бесконечное разнообразие зданий, уголков, полных наслаждений, и уголков, полных ужаса.

Султаны здесь рождались, вступали на трон, здесь их низвергали, бросали в темницы или зверски убивали.

Здесь сходились нити почти всех политических заговоров и раздавались крики мятежей; сюда стекалось золото и здесь текла самая чистая кровь империи; здесь потрясали в воздухе огромным мечом, сверкавшим над головами ста народов; сюда в продолжение трех веков встревоженная Европа, недоверчивая Азия и испуганная Африка обращали свои взоры, как на дымящийся вулкан, угрожающий всему миру».

В начале XVIII в. француз Турнефор предлагал разрушить все дворцовые здания, и на их месте возвести один дворец — нечто вроде Лувра или Версаля. Однако, не говоря уже о том, что весь комплекс Топкапы — все эти дворы, киоски, ворота, павильоны как нельзя лучше гармонируют с местностью, — все здесь освящено и памятными событиями Османской империи. За стенами дворца разворачивались истории великих султанов и коварных султанш, одной из которых была 15-летняя поповская дочь Анастасия Гавриловна Лисовская.

Она жила в небольшом городке Рогатине, находившемся под Львовом на древней земле Галицкого княжества, и судьба ее могла бы сложиться так же, как судьбы тысяч ее сверстниц. Но из беззаботного детства она была угнана в плен крымчаками после набега на ее родной городок, где произошла недолгая, но «злая сеча». Анастасия в числе других стала военной добычей и попала на пыльный стамбульский базар, где целомудренную рыжеволосую славянку охотно демонстрировал Рустем-паша — визирь султана Сулеймана Великолепного. Он верно рассудил, что жизнерадостная и образованная Роксолана (так назвал ее новый хозяин) не останется незамеченной среди обитательниц султанского гарема, благодаря чему и он не будет обойден милостями владыки. В гареме Роксолану за бойкий язычок и раскатистый смех прозвали «Хюррем», что значит «Смеющаяся».

Турецкий писатель и путешественник Эвлия Челеби писал, что Роксолана никогда не считалась купленной, потому и смогла, в отличие от сотен рабынь, возвыситься. Рабыня, даже принявшая ислам, не могла стать «кадын» — одной из четырех супруг султана. Рабыни могли подняться только до ранга любимых наложниц, но до жены — никогда. Только свободные женщины (согласно законам шариата) могли стать законными женами султанов и матерями наследников престола.

Юная славянка в 16 лет добровольно приняла ислам, и вскоре султана Сулеймана и Хюррем связала романтическая страсть. Через несколько лет она стала женой 25-летнего султана, который заключил с ней официальный брак по мусульманскому обычаю и назвал ее Хасеки — «Милая сердцу». Хюррем идеально вписалась в идею султана об укреплении традиционных начал государственного устройства. Всю свою жизнь она подчинилась борьбе за место рядом с султаном и выработке строжайших правил и ритуалов не только гарема, но и всего дворца в целом.

Хюррем оказалась не только желанной наложницей, но и умной собеседницей, так как была грамотной и начитанной для своих 16 лет, сведущей не только в искусствах, но и в государственных делах. Одна из образованнейших женщин своего времени, она принимала иностранных послов, отвечала на послания иноземных государей, влиятельных вельмож и художников.

В привычках и устройстве своего быта Анастасия-Хюррем быстро «османизировалась» и уже через 3—4 года пребывания в Стамбуле не отличалась от восточных женщин. Авторитетом супруга и силой собственного влияния она возвела в норму физическое устранение всех принцев крови, кроме официального наследника престола — своего сына, который стал султаном Селимом II Сары (или Рыжим). Но в памяти турецкого наро-

да он остался как незадачливый и нерадивый преемник своего великого отца, а за привязанность к горячительным напиткам его презрительно называли «Селим-пьяница». Однако ради него Роксолана пожертвовала жизнью двух других своих сыновей и благополучием двух дочерей. Безвинно и тихо умирали в опытных и беспощадных руках дильсизов¹ десятки мальчиков, юношей и взрослых мужчин, вся вина которых заключалась только в том, что они были сыновьями султана и могли претендовать на престол.

Ближайшей и наиболее серьезной соперницей Роксоланы была официальная супруга Сулеймана Великолепного — черкешенка Гюльбехар (Весенняя роза), известная в истории и под именем Босфор-султан. Имя это она получила за особое пристрастие к лодочным прогулкам по Босфору и за особую любовь к его водам, поглотившим не один мешок с одалисками, их детьми и всеми, кто не угодил «Весенней розе». Сама она подарила султану троих крепеньких сыновей, так что было из кого выбрать наследника престола. Старший ее сын Мустафа удачно правил в Амасье, опираясь на дружбу и дельные советы визиря Рустем-паши — того самого, который когда-то разглядел скрытую прелесть в худенькой, большеглазой и смешливой пленнице Анастасии.

Придя к власти, Роксолана не забыла благодетеля и отдала ему в жены свою 12-летнюю дочь, но разница в 40 лет не смущала юную жену Рустем-паши. Да и чего было смущаться, если ее тщательно подготовили к сексуальным утехам особыми тренировками с евнухами! И старый паша забылся в объятиях юной прелестницы... Не прошло и года, как Роксолана с помощью дочери собрала «достоверные» сведения и представила их Сулей-

¹ Дильсизы — палачи с вырванными языками, чтобы не могли осквернить случайным словом благостную тишину Серая.

ману как заговор принца Мустафы и Рустем-паши с целью свержения султана. Долго умирал визирь в холодных, умелых руках палача, хотя султан в свое время поклялся ему, что, пока он жив, будет жив и паша... Рассказывали, что султан повелел убить своего любимого визиря во время сна, так как считается, что в это время душа покидает тело, и потому спящий человек не может считаться живым. Но в кофейнях Стамбула долго еще шептались о том, как отрубленную голову Рустем-паши поставили обрубком на раскаленный песок, а она все бормотала вываливающимся языком: «Хюр-р-рем»...

Но со временем содрогнувшиеся были базары затихли, и только вопли из-за стен дворца Топкапы продолжали леденить души. Это вторично кастрировали евнухов из окружения принца Мустафы и уже погибшего Рустем-паши. А вскоре шелковый шнурок затянули и на шее самого принца... Султан Сулейман мрачно наблюдал за казнью, а из-за занавески слышалось прерывистое дыхание Роксоланы. Вскоре с мучениями ушли из жизни и двое других сыновей черкешенки — Мехмед и Мурад. Пощады не было и двум другим сыновьям Роксоланы, так что Селиму уже никто не мог помешать.

Хамсе-султан, мать султана Сулеймана, сама ко всему привычная и бесстрастно убивавшая рабынь ударом стилета, бросилась к сыну: «Останови Хюррем!». Рассказывают, что султан спокойно выслушал мать и только повторил свою любимую фразу, вошедшую в историю: «В Топкапы приказы не отменяют». После этого мать Сулеймана Великолепного прожила только месяц, но долго еще замирал от ужаса древний город...

Получив личные распоряжения Роксоланы, которые та произносила мелодичным и от того еще более пугающим голосом, охрана дворца ловила на улицах и базарах Стамбула даже тех, кто осмеливался только заикнуться о творившихся во дворце кошмарах. Их давили на мес-

те, как котят, и бросали без погребения, как бездомных псов.

С тех пор прошло почти 500 лет, и образ Хюррем покрылся такой плотной паутиной всевозможных легенд и домыслов, что трудно разглядеть подлинный облик этой женщины — с судьбой, необыкновенной даже для своего времени. Но «смешливая» повелительница Сералья прославилась не только жестокостью. Она активно содействовала созданию особого торгового клана — так называемых «купцов дворца», которые специализировались на поставках западных товаров (от часов и фарфора до мебели) для нужд османской знати. Ее стараниями были расширены причалы в традиционном торговом квартале Галата; в бухту Золотой Рог стали входить крупные суда водоизмещением до 500 тонн.

Из османских хроник и записок западных дипломатов достоверно известно, что любимыми собеседниками Роксоланы (разумеется, с согласия султана!) были великий зодчий Коджа Синан и блистательные поэты Хыяли и Зати. Она собирала и хранила стихи женщины-поэтессы Михри-хатун; и уж совершенно мистическим выглядит ее огромный интерес к географическим и картографическим трудам Пири Реиса — замечательного турецкого мореплавателя, показавшего на своих картах Антарктиду, которую русские моряки открыли только через 200 лет.

Прекрасная, умная и жестокая Роксолана умерла раньше своего мужа и владыки, и тоскующий султан Сулейман приказал архитектору Кодже Синану соорудить в саду у мечети усыпальницу. В восьмигранной гробнице, похожей на резную шкатулку, навеки упокоилась хрупкая женщина, которую при крещении нарекли христианским именем Анастасия, а похоронили по мусульманскому закону под именем Хюррем...

Дворцы Бешикташ и Долма-бахче

В прежние времена путешественник, подплывавший к Стамбулу по Черному морю, прежде всего замечал дворец Бешикташ. В старину в этом районе был небольшой залив, в котором в первый период завоевания Константинополя бросила свой якорь морская флотилия османов. Вскоре здесь были построены причалы, к которым пришвартовывались корабли турецких пашей, а также по древней традиции отсюда отправлялись в плавание. Со временем залив превратился в болото, но в царствование Ахмеда I оно было осушено и засыпано песком, после чего султан повелел начать здесь в 1611 г. строительство большого деревянного дворцового комплекса с садом под названием «Бешикташ». В правление султана Ахмеда III (1703—1730) во дворце провели ремонтные работы и обновили внутреннее убранство. Бешикташ-серай был любимым местопребыванием султана Селима III (1789—1807).

Султан Махмуд II, стремившийся во всем ввести новый порядок, придал совершенно другой вид строениям, которые были возведены во время его правления, хотя первоначально дворец имел восточный вид. Он представлял собой высокое здание, окруженное другими — пониже, в подражание, как говорят турки, ратному стану их предков. В них большая палатка хана ставилась посередине, а вокруг нее размещались шатры военачальников.

Бешикташский дворец был связан и с рыболовством — одним из любимых занятий всех сословий, начиная от султанов до последнего бедняка. Так, султан Мустафа занимался рыбной ловлей, когда ему сообщили о возмущении в пользу родственника Селима. Он

бросил забаву и поспешил удавить родственника... Султан Махмуд II тоже был страстным любителем рыбалки. В одной из его комнат во дворце Бешикташ была устроена подъемная дверь прямо над самой водой, и здесь он удил рыбу.

В 16-летнем возрасте султан Абдул-Меджид I продолжил модернизацию дворца, начатую его отцом, и решил окончательно покинуть Топкапы, восточная архитектура которого его не устраивала. Из-за частых пожаров дворец Бешикташ к тому времени пришел в полуразрушенное состояние, а так как он находился в прекрасном месте, к тому же располагавшемся близко к центру города, султан Абдул-Меджид I задумал объединить разрозненные здания дворцового комплекса воедино. Строительство нового, более современного дворца, который должен был затмить роскошью резиденции европейских монархов, он поручил архитектору армянского происхождения Карапету Бальяну.

Возведение нового дворцового комплекса было завершено к 1845 г., и 7 июня султан Абдул-Меджид I переехал в Долма-бахче¹ из дворца Топкапы. В 1861 г. в Долма-бахче поселился султан Абдул-Азиз, но через 15 лет он был свергнут с престола, и его сменил сын Мурад V, владычество которого длилось всего три месяца. После него на турецкий престол вступил султан Абдул-Гамид II, правивший целых 33 года, однако во дворце Долма-бахче он жил всего несколько месяцев, а потом переселился во дворец «Йылдыз», считая его более безопасным.

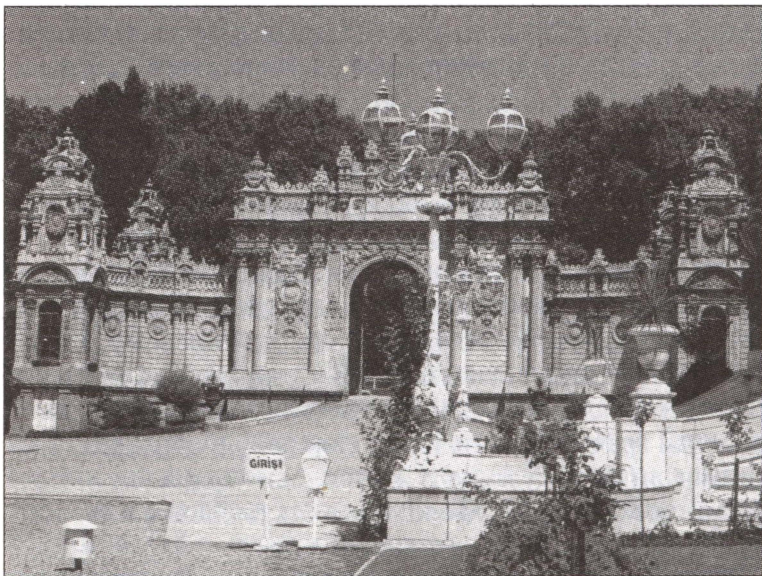
В 1877 г. султан Абдул-Гамид II учредил во дворце Долма-бахче первый в истории Турции парламент, ко-

¹ Просторная территория, после того как было осушено болото, стала называться «долма-бахче» («насыпной сад»), откуда и пошло название дворца.

торый, однако, через два месяца прекратил свое существование. В 1909 г. дворец Долма-бахче был основательно отремонтирован, после чего в нем возобновилась постоянная и активная жизнь, но после смерти султана Мехмеда V следующий султан (Мехмед VI) прожил здесь очень недолго и тоже перебрался в «Йылдыз». В 1922 г. власть султанов была низвергнута, и Мехмед VI переехал во дворец Долма-бахче уже как халиф. После низвержения халифата в 1924 г. все дворцы Стамбула перешли в собственность народа.

Дворец Долма-бахче, расположившийся на самом берегу Босфора и весь построенный из белого мрамора, в архитектурном отношении очень изящен, хотя некоторым он кажется помпезным и лишенным гармонии и благородных форм. Дворец, возведенный в стиле турецкого Ренессанса, состоит из четырех больших зданий,

Дворцовый сад

соединенных друг с другом крытыми галереями. Роскошная металлическая ограда дворца, украшенная растительными орнаментами, протянулась вдоль берега более чем на 600 м. Сквозь ажурную решетку видны великолепный парк и белый мраморный фасад; широкие беломраморные ступени идут вдоль всего дворца и спускаются почти до самой воды. Со стороны суши дворец обнесен высокой стеной с входным порталом.

В возведении дворца Долма-бахче принимало участие множество местных и иностранных мастеров. Строительство его было поручено, как говорилось выше, Карапету Бальяну-эфенди, а помощником у него работал армянский архитектор Николас Бальян, получивший образование в Европе. Наибольшее участие последний принял в строительстве «Праздничного салона», сокровищницы, султанских дверей и «Ворот султана».

Площадь этого огромного дворца составляет 14 595 кв. м; состоит оно из 285 комнат (отделка каждой из них отлична от другой), 43 салонов, шести бань и шести балконов. Если встать спиной к Босфору, то слева от нас будет официальная часть здания, в центре — Тронный зал, а справа — гарем. Тронный зал поражает не только своими размерами, но и великолепной хрустальной люстрой весом около четырех тонн, подаренной русским царем.

Во внутреннем и внешнем (несколько эклектичном) убранстве дворца были использованы разные архитектурные стили (барокко, рококо, ампи́р), поэтому Долма-бахче напоминает отчасти театр, отчасти храм. Восток и Запад смешали здесь свои мотивы и создали новый стиль, полный грации. Стены и потолок дворцовых залов расписывали французские и итальянские художники. Среди множества ворот только одни открываются в сторону моря, все остальные — в сады.

Великолепной архитектуре дворца соответствует и декоративное убранство его внутренних покоев. Так, неко-

торая мебель была привезена в него из Европы и стран Дальнего Востока, большая же часть ее была заказана специально. По этой причине мебель, расставленная в разных залах дворца, как и его архитектура, тоже отличается смешением стилей. А вот ткани, портьеры, ковры, занавеси, использовавшиеся для драпировки и декора дворца, изготовлены в самой Турции. На возведение и украшение дворца султаны не жалели никаких средств. Для мебелировки и украшения залов Долма-бахче было использовано 14 тонн золота и 40 тонн серебра.

Среди декоративного убранства дворца особое внимание привлекают вазы европейского производства, стран Дальнего Востока и фаянсовой фабрики «Йылдыз». Стены дворца украшают 600 прекраснейших картин, на 120 из которых обнаружены авторские подписи. Среди картин есть двадцать полотен русского художника И.К. Айвазовского, посетившего Стамбул в правление султана Абдул-Меджида. В коллекцию картин входят также девятнадцать табло Зонара, получившего почетный титул придворного художника.

Вокруг Долма-бахче раскинулись цветущие сады, в зелени которых утопают другие дворцовые сооружения. Так, на территории дворца был устроен «Персидский киоск», выстроенный из камня, но снаружи, начиная со второго этажа, выложенный фаянсом. Посреди этого павильона был устроен бассейн с фонтаном.

На площади перед дворцом в правление султана Абдул-Гамида II (1876—1909) была построена башня с часами, но имя возводившего их архитектора осталось неизвестным, хотя фамилия его известна точно — Бальян. Башня, сделанная из глыбы необработанного камня, состоит из четырех этажей, сужающихся кверху. Такие башни, в XIX в. сооружавшиеся во многих городах Турции, предназначались для оповещения времени намаза. Кроме того, на них устанавливались барометр, термо-

метр и другие метеорологические приборы. Башенные часы были сооружены позднее, чем Долма-бахче, однако они гармонично вписались в дворцовый комплекс.

Во дворце Долма-бахче проходили многие важные исторические события: так, в 1877 г. в одном из его залов заседала первая Палата депутатов, а в 1932 г. проходил первый исторический конгресс Турции. Несколько комнат Долма-бахче представляют собой особо почитаемый уголок дворца. Это личные покои Кемаля Ататюрка — первого президента Турецкой республики, в которых он жил, когда приезжал в Стамбул. На фоне восточной роскоши дворца весьма скромно выглядит комната, в которой часы остановились на времени 9. 05... В ней 10 ноября 1938 г. скончался Ататюрк: у кровати, на которой он умер, всегда стоят живые цветы.

За дворцом в тени деревьев стоит памятник знаменитому корсару Барбароссе, который под именем «Хайреддин-паша» служил адмиралом турецкого флота при султанах Сулеймане I. При жизни Хайреддин наводил ужас на все Средиземноморье и руководил двумя походами (из Алжира и Туниса), направленными против императора Карла V. Памятник изображает самого адмирала, его знаменосца и матроса стоящими на носу корабля. Рядом расположилось тюремное помещение Барбароссы, которое видно далеко с моря. Отличающееся простотой, опутанное мхом и зеленью, оно возвышается над тем самым местом, где Барбаросса собирал свои флотилии. И теперь волны лижут подножие могилы того, кто когда-то властвовал над ними...

Дворец Бейлербей

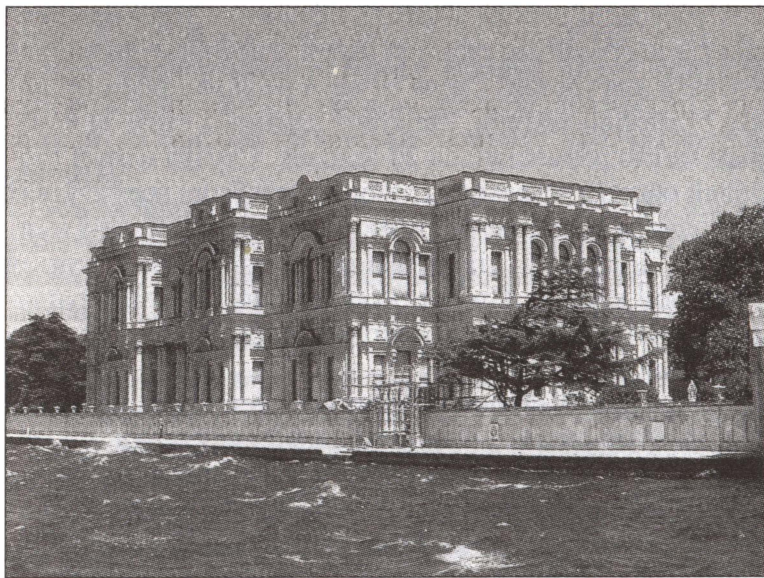
С азиатского берега в голубые воды Босфора смотрит белый, как снег, летний дворец Бейлербей. Название его в переводе с турецкого означает «высокий титул»,

«король королей» или «лорд лордов». В 1861—1865 гг. по повелению султана Абдул-Азиза на месте разрушенного пожаром деревянного дворца, принадлежавшего султану Махмуду II, архитектор Саркис Бальян возвел новую резиденцию в европейском стиле. Она представляет собой вытянутое двухэтажное здание, состоящее из двух мраморных строений, которые окружены прекрасными садами, расположенными террасами.

Украшенный классическими орнаментами в стиле восточного барокко, Бейлербей напоминает европейские дворцы для развлечений конца XVIII в. В дворцовом парке были разбросаны беседки и бронзовые и мраморные статуи, в прудах плавали золотые рыбки... И когда-то были в парке построены оранжереи и зверинец для леопардов...

Великолепный фасад дворца исполнен самых благородных линий, внутренние апартаменты отделаны в

Летний дворец Бейлербей

мавританском стиле, а прекрасная мраморная лестница и главный верхний зал являются шедевром восточной архитектуры. Главный вход во дворец расположен в северном саду — в той стороне, которая расположена к морю. Через него посетители попадают в прекрасный вестибюль с люстрой из богемского хрусталя; в центре вестибюля стоит великолепная ваза из севрского фарфора. Лестница напротив входа ведет на второй этаж; по сторонам ее стоят две большие японские вазы.

Из приемной на втором этаже посетитель попадает в прекрасный зал; в центре его расположен мраморный бассейн, по углам которого стоят большие китайские вазы. Слева от этого зала размещалась гостиная султана; спинки стульев в ней сделаны под прямым углом, поскольку в присутствии султана все должны были сидеть прямо.

Сразу же за гостиной находился гарем. Здесь бросается в глаза огромный стенной шкаф, в котором хранились кровати для гостей. Слева от него располагалась столовая султанши-матери, где стоит длинный стол, за которым могло разместиться 20 человек. Стулья в этой столовой обиты шкурами антилоп, а резьба на всех стульях выполнена собственноручно султаном Абдул-Гамидом II. Подпись султана выложена на спинках стульев слоновой костью. Столовую султанши-матери украшали еще четыре буфета и несколько картин на историческую тему.

Повернув от столовой направо, посетитель попадает в прихожую гарема, а через главный вход слева — в сам гарем. По лестнице, расположенной в прихожей, можно подняться в «Перламутровый зал» (общий для женщин), названный так по богато инкрустированной перламутром мебели. В центре его стоит большой стол с вазой, сделанной из фарфора на фабрике «Йылдыз».

Самой прекрасной во дворце является «Голубая зала», оформленная в стиле немецкого барокко и окруженная большими аркадами. Стены и колонны залы сделаны под синий мрамор; потолок ее был вызолочен, вдоль стены стояли обитые дорогими тканями диваны. На лакированном столе в центре зала стоят 60-килограммовые часы, подаренные русским императором Николаем II, а над столом висит большая хрустальная люстра, сделанная в Стамбуле. Остальные четыре люстры этого зала были сделаны в Богемии.

Посреди «Голубого зала» лежит ковер из шелка «херек» площадью 150 кв. м. В стеклянных шкафчиках, стоящих у западной стены, выставлены первые изделия фабрики «Йылдыз», в числе которых графин и кофейная чашка Кемаля Ататюрка.

В каждом углу зала устроен вход в одну из комнат. Та, которая окнами выходит на море, была кабинетом султана. В другой комнате, одной из самых красивых во дворце, размещалась гостиная султана Абдул-Азиза, в которой сейчас можно увидеть его парадное кресло с отделкой из бронзы. В третьей комнате праздновались свадьбы.

Когда французская императрица Евгения во время своего пребывания в Стамбуле останавливалась во дворце Бейлербей, для нее специально было отделано несколько залов. Дворец произвел на супругу Наполеона III такое сильное впечатление, что она приказала сделать в парижском Тюильри точно такие же окна. Дворец Тюильри сгорел в 1871 г., и по странной прихоти судьбы во дворце Бейлербей тогда же случился пожар, который потушили чудом.

До наших дней весь комплекс дворца сохранился в первоначальном виде, и теперь здесь устроен музей. А в верхней части дворца, на одной из самых высоких точек Стамбула, расположен холм Чамлыджа, возвышающийся-

ся над уровнем моря на 263 м. В прошлом это было одно из излюбленных мест отдыха и гуляний горожан, потому что с вершины холма открывается живописная панорама, с одной стороны, — на Мраморное море и Принцевы острова, а с другой — на Босфор.

Другие дворцы Стамбула

На европейском берегу Босфора, между Бешикташ и Ортакей, разместился дворец **Чераган**. На его месте прежде располагался деревянный павильон, в котором весной жил султан Махмуд II, после того как стал переводить свой двор из Топкапы.

Мраморный дворец Чераган был построен султаном Абдул-Азизом в стиле османского Возрождения. Внутренние покои его были украшены с такой изумительной роскошью, что во много раз превосходили убранство Долма-бахче. И в наиболее отдаленной части прекрасного дворца Чераган однажды нашли с перерезанными жилами султана Абдул-Азиза, низложенного с трона в 1876 г. Впоследствии этот феерический дворец целых 27 лет был местом заключения низложенного султана Мурада V, заточенного сюда по приказанию Абдул-Гамида II.

Чераган считался самым огромным и самым красивым из султанских дворцов, но в 1910 г. он полностью сгорел.

На холме против дворца Чераган, откуда открывается прекрасный вид, находится парк, который называется **Йылдыз**, что в переводе с турецкого означает «звезда». В византийский период здесь густо росли лавровые деревья, при османах это было место развлечений и отдыха дворцовой знати, а в период правления султана Абдул-Гамида II в

парке начали сооружаться дворцы и виллы. В начале XVIII в. парк прославился благодаря султану Ахмету III, которого называли «королем тюльпанов». Его зять Ибрагим-паша, получивший парк в подарок, устраивал тут приемы в честь султана, которые начинались в первое полнолуние апреля.

Дворец берет свое начало от особняка Йылдыз, построенного в правление султана Махмуда II. В XIX в. в этих местах было построено много дворцов и особняков, в результате чего образовался большой дворцовый комплекс. В Старом дворце, считавшемся (после Топкапы и Долма-бахче) третьим по величине, размещалось руководство Османской империи. Кроме того, здесь располагались жилища персонала гаремов, конюшни и казармы, так как в окрестностях на всякий случай была расквартирована целая дивизия.

Мраморный дворец Чераган

Султан Абдул-Гамид II, любивший этот дворец больше других и предпочитавший жить именно в нем, повелел пристроить к нему несколько павильонов и беседок, которые были разбросаны в огромном парке с рощами, садами и большим озером. В дворцовый комплекс входили также богатейшая библиотека, фабрика по производству фаянса, ателье по изготовлению мебели и другие учреждения.

Когда Османская империя стала республикой, дворец Йылдыз использовали в других целях, отчего его павильоны пришли в запустение и долгое время оставались без внимания. В последние годы каждый из павильонов дворца был капитально отремонтирован, и сегодня в обновленном Мальтийском дворце, Зеленем и Розовом павильонах и во дворце Чадир расположены первоклассные кафе, в которых воссоздана атмосфера Османской империи XIX в.

Самым большим и одним из интереснейших во дворце Йылдыз является киоск «Шале»; название которого происходит от слова «chalet» из-за его внешнего сходства с горными домиками Швейцарии. Киоск, имеющий и второе название — «Церемониальный салон», состоит из двух частей, причем обе половины его были построены в честь приездов в Стамбул немецкого кайзера Вильгельма II (в 1889 и 1898 гг.) и служили его резиденциями.

В настоящее время павильон, в строительстве которого были использованы дерево и кирпич, состоит из трех этажей (вместе с подвальным помещением). По традиции османских дворцов в нем имелись салемилик (мужская половина) и гаремная часть. С первого на второй этаж ведет лестница, выстроенная из высококачественных строительных материалов. Во дворце имеется более пятидесяти комнат и салонов, убранство которых выполнено в европейских стилях барокко и рококо, а также под воздействием исламского искусства. Пол «Церемониаль-

ного салона» покрыт ковром херекейской работы, а потолок украшен различными панно, покрытыми позолотой.

После падения Османской империи этот салон использовался как игорный дом для представителей высшего класса. Позже в нем останавливались государственные особы высокого ранга. Среди высокопоставленных гостей здесь побывали иранский шах Реза Пехлеви, король Иордании Хусейн, президент Индонезии Сукарно, король Эфиопии Хайле Селасийе, Шарль де Голль (президент Франции). В настоящее время дворец «Шале» используется только для официальных государственных приемов.

Дворец **Кючуксу** смотрится в голубые воды Босфора с азиатского берега, где в пролив впадает ручей с одноименным названием, известный как «Азиатские сладкие воды». Султан Абдул-Меджид построил дворец в 1856 г. как летний — с двумя этажами: в центре его находится зал, а по бокам — четыре со вкусом обставленные комнаты. В свое время в одной из комнат первого этажа недолго жил Кемаль Ататюрк.

Фатих-джами

(мечеть султана Мехмеда-Завоевателя)

Фатих-джами, видная издалека, расположилась на вершине Фанарского холма — чуть севернее того места, где некогда стояла церковь Святых Апостолов. При владычестве латинян храм этот пережил много разрушений, грабежей и кошунств над могилами императоров и патриархов. После завоевания Константинополя султан Мехмед II в течение десяти лет не трогал церковь, а в 1463 г. приказал разрушить ее вместе с храмом Цибис и повелел греческому архитектору Христулосу возвести

на освободившемся месте мечеть¹. Постройка ее продолжалась несколько лет, в течение которых прах и кости смешались со щебнем, шедшим на фундамент.

Фатих-джами представляет собой купольное здание, а весь комплекс мечети является одним из самых выдающихся и чрезвычайно интересных по своей архитектуре. Но, к сожалению, большая часть зданий этого комплекса до нас не дошла, так как в 1768 г. многие из них были разрушены землетрясением. Это стихийное бедствие разразилось через час после восхода солнца в третий день Курбан Байрам (праздника жертвоприношений). Совершенно разрушенный купол впоследствии восстановили, но, к сожалению, от первоначального здания Фатих-джами осталось очень мало. В книге «Сад мечетей» Х. Джевами о ней сказано только следующее: «Так как две большие ноги слона и две большие порфировые колонны были опрокинуты и разрушены, то купол воздвигли на четырех столбах; колонны же были зарыты в землю».

В настоящее время Фатих-джами занимает огромное пространство, и по обе стороны ее высятся два минарета, каждый с двумя балконами. Перед мечетью расположена паперть с галереями, стрельчатые арки которых поддерживают маленькие купола, покрытые свинцовыми пластинками. С двух сторон главного портала к окнам приделаны балконы, с которых муэдзины могут слышать молитвы и повторять их тем, кто молится во дворе.

¹ Греки-христиане были очень огорчены тем, что их единоверец возводит хоть и прекрасную, но мусульманскую святыню, и потому сложили легенду, что турки посадили Христодулоса на кол. Однако на самом деле в награду за возведение мечети Мехмед II подарил зодчему поместье по соседству, и Христодулос пользовался милостями султана до смерти.

Внутри Фатих-джами поражает своими размерами, но следует отметить, что в ней нет той роскоши, которыми отличаются культовые здания Стамбула более поздних эпох. Почти с самого начала ей был придан строгий, почти пуританский характер. Стены мечети украшены только черным орнаментом на белом фоне. Свет в нее проникает через множество окон, расположенных в шесть рядов — один над другим. Внутри, на правой стороне от входа, прибита небольшая мраморная дощечка, на которой золотыми арабскими буквами по зеленому фону каллиграф Тимурджи Челеби вырезал слова, якобы произнесенные Пророком Мухаммедом: «Константинополь будет взят! Какая честь для армии, которая его завоеует, и какая слава для ее вождя!».

В прежние времена вокруг мечети размещались больницы для умалишенных, госпиталь, бани, дом для приезжих лиц духовного звания и другие постройки. Среди них выделялись высшая и начальная школы, возведением которых султан Мехмед II словно хотел напомнить завет ислама: «Наиболее священной является война, которую ведут не против неверных, а против невежества». Рядом с молитвенными домами размещались кухни, которые ежедневно кормили городских бедняков хлебом и обедом из двух горячих блюд.

В саду около мечети и был похоронен султан Мехмед Завоеватель, над могилой которого возвышается самая высокая гробница Стамбула. Внутри стены ее украшены изречениями из Корана; надгробие окружено красивой деревянной балюстрадой, по углам которой стоят четыре огромных свечи, и покрыто расшитыми золотом тканями. Поверх них лежит большой тюрбан. В других мавзолеях похоронены любимая жена султана Гюльбахор (мать султана Баязида II) и разные государственные сановники.

Мечеть султана Баязида II

Все мечети, строившиеся в Османской империи до XVI в., по своей планировке и внешнему облику были схожи с более ранними — возводившимися в городах Бурса и Изник. И лишь в мечети султана Баязида II получил свое выражение новый тип культовых сооружений, ставший впоследствии «классическим». За основу его был взят план храма Святой Софии, о чем сразу же напоминают внушительные размеры и формы мечети, а также молитвенный зал ее.

Мечеть султана Баязида II, сына и наследника султана Мехмеда Завоевателя, начали строить на месте древнего форума императора Феодосия. В народе эта мечеть известна под названием Голубиной, так как не успеют еще на мраморном полу двора раскидать корм, как взбивается многочисленная стая голубей... По одной из легенд, султан купил однажды у охотника пару лесных голубей, и от них развелось целое потомство. По другой версии, голуби расплодились от голубки, которая что-то важное проворковала на ухо Пророку Мухаммеду, когда ему пришлось бежать из Мекки в Медину. Голубей в мечети содержат в течение вот уже нескольких столетий. Точно так же здесь каждую пятницу раздают порции хлеба уличным собакам.

Большую султанскую мечеть в течение пяти лет возводил зодчий Хайреддин. По одним сведениям, сооружение ее было завершено в 1501 г., по другим — в 1498 г. Молитвенный зал в мечети Баязида II, как и в храме Святой Софии, размещается под большим куполом и двумя полукуполами, которые расположились по продольной оси на полукруглых осях. Это придает мечети султана Баязида II оригинальный вид. Внутри мечети купол и арки расписаны цветным орнаментом по белому фону.

Справа от михраба расположилась максура из резного мрамора, опирающаяся на мраморные колонны. На этой же стороне находится и минбар.

Справа и слева от главного входа открываются два крыла, выходящие за пределы боковых частей центрального зала и образующие род притвора, украшенного острыми сводчатыми аркадами.

Перед мечетью раскинулся двор с колоннадой, крытый куполами; колонны держатся на стрельчатых арках из розового и белого мрамора (вперемежку). В центре двора разместился фонтан для омовений, устроенный в XVII в. Во двор ведут три входа: один — с фасада, два других расположились по бокам. На дворе растут несколько кипарисов, которые придают ему очень живописный вид.

В прежнее время значительная часть двора этой мечети была занята Сахавлар-чарши (Книжным базаром) — одним из самых древних в мире. Он располагался на том месте, где еще во времена Византийской империи торговали книгами и бумагой. После завоевания Константинополя его захватили тюрбанщики и гравировщики по металлу, но в начале XVII в. из «Крытого рынка» сюда вновь стали переселяться книготорговцы. Во второй половине XVIII в., когда в Османской империи было разрешено книгопечатание, торговцы книгами заняли почти всю территорию двора.

Перед мечетью раскинулась площадь Баязида, окруженная новыми зданиями. Сюда по пятницам приходили толпы стамбульцев, усаживались на корточки возле пышного фонтана, грызли засахаренные орешки и в приятном ничегонеделании проводили долгий праздничный досуг. А в уютном мраморном дворике мечети, в будках из тонкой дранки, пропахших снадобьями и ароматическими маслами, колдовали фалджи — мастера толкований и знахарства.

В этих гадательных лавочках на дворе мечети родились гениальнейшие турецкие поэты XVI в., да и сама поэзия выросла, можно сказать, из искусства толкования снов и раскладывания пасьянсов на рассыпанном песке. Первым критиком, лириком и отцом романтической поэмы был Эйваз Зати, которого по праву можно назвать «Карамзиным турецкой литературы». Родился он в небольшом малоазийском городке Балыккиссире в семье сапожника. Сначала, как и отец, он тачал чувяки, а потом ушел за счастьем в Стамбул. Здесь он поднес панегирик султану Баязиду II и быстро получил его благосклонность. Был Зати некрасив и глух, к тому же любил выпить, поэтому придворным поэтом он не стал. И тогда открыл он во дворе мечети гадательную лавочку, которая быстро сделалась своего рода литературным клубом. Сюда стали приходить начинающие авторы, чтобы представить на суд Зати свои стихи. Тот делал замечания и даже, по просьбе самих молодых поэтов, поправлял их произведения. А потом, ничуть не стесняясь, пускал их в ход как свои собственные. Случалось, что молодые поэты протестовали, но, к чести Зати, следует сказать, что своих лучших учеников он все же выводил в люди. В их числе были Маххамед Фезли, Хыяли (будущий придворный поэт) и сын муэдзина Баки — автор бессмертных касид и газелей.

При мечети есть основанная султаном Баязидом II библиотека, которая раньше считалась самой большой в Стамбуле. В настоящее время это богатейшее собрание бесценных рукописей по всем отраслям знаний размещено в отдельном современном здании.

В саду позади мечети находится гробница султана Баязида II, скончавшегося в 1512 г., но строилась она уже при султани Селиме I.

Мечеть султана Селима I

На дверях мечети, отделанных искусной резьбой, позолоченными буквами сделана следующая надпись:

«Почитаемая мечеть эта была возведена по приказанию султана султанов арабов и аджемов¹, владыки земель и морей, служителя Мекки и Медины, султана, сына султанов, султана Селим-хана, сына султана Мехмеда Завоевателя. Да хранит Аллах его страну, его трон и святое это здание, воздвигнутое в месяце мухаррем 929 года хиджры».

Возведение этой мечети, соорудившейся в память султана Селима I по повелению Сулеймана Великолепного, было закончено в 1525 г. Разместившаяся на вершине пятого холма Стамбула и своими размерами господствующая теперь над окружающими постройками, она особенно хорошо видна со стороны бухты Золотой Рог.

Мечеть эта является одной из первых построек архитектора Синана (ученика Хайреддина) и потому имеет некоторое сходство с мечетью Баязида II.

«Архитектор Каджа Синан по происхождению был албанцем, у султана служил в янычарском войске инженером, но большей известности добился как строитель мостов. Оценив по достоинству его таланты, Сулейман Великолепный поручил ему и строительство дворцов и мечетей. В архитектуре этих сооружений Синан применил и свой талант военного инженера, причем каждая его новая мечеть была великолепней и совершенней прежней.

¹ Так турки называли другие народы.

За свою долгую жизнь зодчий построил 131 мечеть, 19 мавзолеев, 33 дворца, 62 медресе и пр. Все возведенные им сооружения продуманы с математической точностью, безошибочны в своих пропорциях, исполнены благородством линий».

Водвор мечети, окруженный крытой галереей с 18-ю колоннами, ведут три двери. В центре двора расположен фонтан для омовений и растут несколько кипарисов.

В плане мечеть султана Селима I представляет собой квадрат; большой купол ее покоится на арках, образующих боковые стены. Внутренняя отделка мечети проста и оттого очень трогательна — в ней нет ни колонн, ни аркад, ни редких камней. Только двери, михраб¹ и минбар (трибуна для проповедника) отделаны с большим мастерством и богато украшены да стрельчатые окна украшены цветными витражами.

Около мечети стоят несколько тюрбе с куполами, покрытыми свинцовыми пластинками. К тюрбе султана Селима I ведет крытая колоннада, внутри стены его украшены майоликовым панно.

По свидетельствам историков, султан Селим I был человеком жестоким, и вместе с тем — поэтом и живописцем. Вопреки запрету Пророка Мухаммеда изображать живые существа, он рисовал человеческие фигуры и изображал на картинах свои сражения. Как поэт он сочинил эпитафию, которая до сих пор уцелела на его гробнице: «Здесь покоится Селим, гроза живых и мертвых. При жизни я завоевал землю, и по смерти стремлюсь еще на сражения. Но гроб содержит только тело мое, покрытое ранами; дух мой парит, ища новых битв». Султан вполне заслуживает такой эпитафии. За годы своего правле-

¹ Михраб — молитвенная ниша, обращенная в сторону Мекки.

ния (1512—1520) он успел завоевать Сирию, Палестину, Аравию и Египет.

Селим был младшим сыном султана Баязида II, а из-за своего задиристого нрава еще и самым нелюбимым. После смерти отца власть должна была перейти к его брату Ахмету, самого же Селима ждала удавка. Но его жена Хафса (дочь крымского хана Менгли-Гирея) выпросила у отца помощь для мужа. Татарские всадники, поддерживаемые янычарами, ударили по Стамбулу и вынудили Ахмета к бегству. Старый султан Баязид II, изнуренный недугами, должен был уступить власть своему младшему сыну. Через месяц, по приказу Селима I, он был отравлен.

Новый султан повелел привести племянников (сыновей своих хранее умерших братьев) и задушить их во дворце у себя на глазах. Брат Ахмет, захваченный в плен вместе со своими сыновьями, тоже был задушен. Придворный астролог предрек султану, что, когда тот умрет, на его теле будет столько кровавых знаков, сколько своих братьев и племянников он убил. «Зато приятнее властвовать, не имея соперников», — ответил Селим и повелел задушить астролога. За восемь лет своего царствования он казнил семь своих великих визирей. В народе даже сложилась поговорка: «Чтоб тебе быть визирем у султана Селима».

Мечеть

Сулеймана Великолепного

Архитектурными шедеврами Османской империи стали тринадцать великих мечетей, и среди них — Сулеймание-джамии, построенная по повелению Сулеймана Великолепного. С именем этого султана связан период величия и расцвета Османской империи. Свои походы он

распространил на всю Венгрию, осадил Вену, удачно воевал с Персией; турецкий флот господствовал при султанах Сулеймане на морях вплоть до Испании и Индийского океана. Он покровительствовал архитектору Каджи Синану, который прославил свое искусство и правление Сулеймана множеством мечетей, возведенных во всех концах империи, сотней часовен, дворцов и мостов. Для султана Сулеймана Великолепного архитектор Синан и возвел мечеть, считающуюся одной из красивейших в Стамбуле. Возводилась она из материалов храма Святой Евфимии Халкидонской на территории самого древнего султанского дворца, который до наших дней не сохранился.

Сооружение мечети (размеры ее составляют 69×63 м) продолжалось целых семь лет и закончилось только в 1557 г. Султан хотел, чтобы возводимая мечеть стала своеобразным памятником его великолепного правления, поэтому был очень недоволен сильно затянувшимся строительством. Есть сведения, что он не раз давал понять архитектору Синану, что тот рискует закончить свои дни, как зодчий Аяз, которого султан Мехмед II казнил за слишком медленное возведение одного из зданий. Был даже момент, когда султан Сулейман решил вообще прервать возведение мечети, но тут на помощь пришел, как это нередко бывает, «его величество случай». У известного турецкого историка и писателя Э. Челеби об этом рассказано так:

«Иранский шах Тахмасп прислал султану богатые подарки, среди которых был и ларец с драгоценными камнями. “Я слышал, что тебе не хватает сил завершить мечеть и поэтому ты решил ее более не строить, — писал шах. — Основываясь на нашей дружбе, я посылаю тебе эти дары и камни. Употребляй их, как тебе захочется, но постарайся все же закончить начатое, а я таким образом внесу свою долю в твое благочестивое дело”».

Султан Сулейман пришел в бешенство, расценив эти дары и письмо как насмешку. В присутствии послов иранского шаха он раздал подарки столичным торговцам, а ларец с драгоценностями вручил архитектору и сказал: “Эти сияющие камни, которые будто бы считаются дорогими, не имеют никакой цены рядом с простыми камнями моей мечети”.

Дары иранского шаха украсили грани и розетки одного из соорудившихся минаретов, который стали называть «Драгоценный». Однако, по сведениям историков на строительство мечети были истрачены такие колоссальные суммы, что ее всю можно назвать «драгоценной».

Сулеймание-джами расположена на вершине холма, господствующего над бухтой Золотой Рог, и потому лучше всего смотреть на эту мечеть с Галатского моста. Тогда видно, как вдоль фасада бежит длинная галерея из колонн с арками. Мечеть состоит из внутреннего и внешнего дворов и молитвенного зала под куполом. Монументальные двери ее представляют собой искусно выделанные панели с геометрическими узорами, которые в некоторых местах выложены перламутром. Полностью эти двери никогда не открываются, но в них имеется вход поменьше, закрытый кожаным занавесом.

В центре мечети поднимается большой купол высотой 71 м (на 6 м больше купола храма Святой Софии).

Под центральным куполом висят черные шары — это страусиные яйца. Никакого религиозного значения они не имеют, а использовались для защиты от пауков, которых отпугивал их запах. Чтобы в огромном зале мечети не было паутины, яйца меняли каждый год (после того как они высыхали).

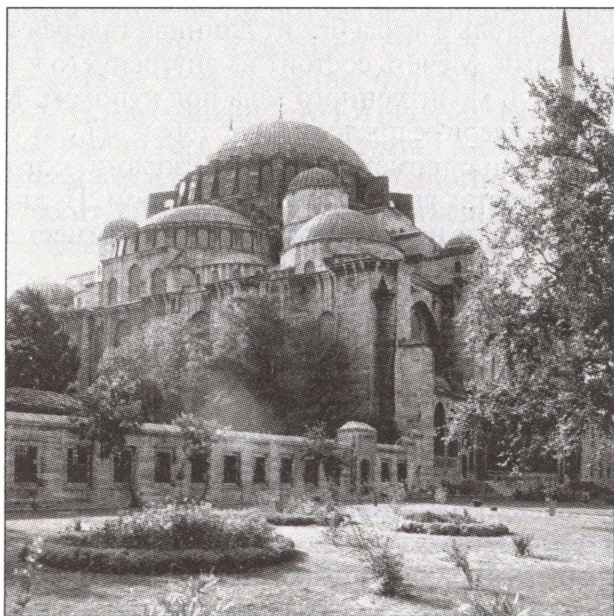
Так как в XVI в. электричества еще не было, мечеть освещалась сотнями масляных ламп. Горящее масло сильно коптило, и под куполом скапливалось много копоти.

В нише над дверью архитектор Синан сделал небольшие оконца, через которые хлопья сажи вытягивало в соседнюю комнату. В настоящее время огромная люстра, сделанная из дерева и кованого железа, состоит из множества светильников, в которые вставлены электрические лампочки.

Стены внутри мечети украшены письмом знаменитого каллиграфа Хасана (из Кара-хиссари). Поскольку во время молитв в мечети собиралось до 5000 человек, влажность от их дыхания была очень высокой. От сырости стены постоянно покрывались налетом, из которого в те времена изготовлялись лучшие чернила.

Четыре огромных квадратных мраморных столба поддерживают главный купол над гигантским кораблем-нефом. Когда-то одна из этих колонн стояла возле церкви

Сулеймание-джами

Святых Апостолов, а на ней возвышалась аллегорическая статуя «Девственность». С большим трудом перевезли потом эту колонну в возводившуюся мечеть, но она оказалась выше других столбов, и ее пришлось укоротить. Между столбами с каждой стороны расположены боковые галереи, предназначавшиеся для высоких особ и поддерживающиеся мраморными столбами. Две лестницы, построенные у входной двери, ведут на первую галерею, а наверх можно пройти по деревянным лестницам, которые приставлены к окнам, выходящим на крышу.

Каждое окно мечети увенчано стрельчатым тимпаном, украшенным прекрасными изразцами, на которые нанесены стихи из Корана на арабском языке.

Михраб в Сулеймание-джами сделан из мрамора, изящного великолепными сталактитами с позолотой. С обеих сторон михраб украшен большими фаянсовыми розетками, на которых белой вязью по синему фону вырезаны стихи Корана. Над михрабом расположены цветные витражи; они украшают также и восточную стену мечети. Кусочки стекла, из которых они состоят, скреплены нитями из козлиной шерсти и яичным белком, а для изготовления рам был использован гипс. Создал эти шедевры мастер Ибрагим по прозвищу Серхаш («Пьяница»).

Минбар, расположенный направо от михраба, тоже составлен из больших кусков мрамора, как и трибуна для султана, сделанная из белого мрамора. Ее поддерживают порфиновые колонны с мраморными капителями. Дверь этой трибуны, как и многие другие двери мечети, сделана из орехового дерева и украшена геометрическими розетками. Кафедра, помещавшаяся около трибуны императора, тоже сделана из орехового дерева, очень искусно вырезанного и обработанного.

Перед главной дверью внутри мечети положена цельная круглая порфировая плита диаметром около двух

метров. Легенда рассказывает, что работавший на возведении мечети грек-каменщик тайно вырезал на этом камне, который предназначался для михраба, небольшой крест. Султан страшно разгневался и повелел казнить мастера, а порфиновую колонну, как уже непригодную для михраба, положить перед входом в главный неф, повернув сторону с крестом к земле¹.

Внешний двор Сулеймание-джами (190 × 130 м) усажен гигантскими платанами и кипарисами. По углам внутреннего двора возвышаются четыре минарета; на двух из них, примыкающих к мечети, устроено по три балкона; на двух других (они несколько ниже) — по два. К каждому балкону ведет отдельная лестница, внутри минарета они не пересекаются друг с другом, так что три человека могут одновременно подниматься или спускаться, не опасаясь встретиться. Как гласит предание, четыре минарета были возведены в честь того, что Сулейман Великолепный был четвертым султаном после завоевания Константинополя турками, а десять балконов на минаретах — в честь того, что он был десятым султаном с момента образования Османской империи.

Во внутренний двор мечети ведут три больших деревянных двери, покрытые резьбой с перламутровыми инкрустациями. Двор выложен мраморными плитами и окружен галереей с 24 порфировыми колоннами, которые оканчиваются изящными капителями из резного мрамора со сталактитами и стрельчатыми арками из белого и розового мрамора. Над каждой аркой возвышается небольшой купол. В центре двора устроен красивый фонтан для омовений.

¹ Справедливости ради следует отметить, что некоторые исследователи считают эту легенду чистым вымыслом. Они основываются на том факте, что у дверей других мечетей, где проходит много народа, тоже положены круглые плиты, как более прочные.

Вокруг мечети ранее стояли многочисленные постройки — медресе, медицинская школа, больница, столовая для нищих. Здесь же была устроена первая академия Востока, в которой студенты получали высшие научные степени Османской империи¹ и в которую приходили экзаменоваться 70-летние законоведы.

В саду за мечетью расположилось небольшое кладбище, на котором похоронены многие выдающиеся особы. К востоку находится гробница султана Сулеймана Великолепного, представляющая собой восьмиугольное купольное здание, окруженное снаружи крытой галереей с 29 тонкими изящными колоннами из мрамора, на которых держатся островерхие арки. Тюрбе султана и его сыновей украшает балюстрада резного орехового дерева, инкрустированная перламутром. Наружные стены тюрбе по обе стороны украшены майоликовыми плитами с красивыми рисунками и изречениями из Корана; над дверью указана дата смерти султана Сулеймана Великолепного 944 г. хиджры (1566 г.).

Под окнами внутри тюрбе рельефно выделяются аркады из цветного камня. Великолепный купол мавзолея изнутри поддерживается четырьмя мраморными и четырьмя порфировыми колоннами, и устроенная таким образом галерея извне освещается аркообразными нишами, снабженными шестью парными окнами. По обеим сторонам от саркофагов стоят большие подсвечники. Гробницы покрыты богатыми тканями, на которых золотом вытканы стихи из Корана, а в головах на гробницы положены белые тюрбаны с султанами из перьев цапли. Вокруг монумента султана Сулеймана Великолепного на особых аналоях лежат великолепные свитки Корана и рельефная карта святых мест Мекки.

¹ Турки называют своих студентов «софты» («существо обгорелое»), что в иносказательном смысле означает мученика, страдальца, посвятившего свою жизнь учению и науке.

Рядом с гробницей султана Сулеймана Великолепно-го расположилось тюрье меньшего размера, на котором висит табличка: «Гробница султанши Хюррем». Неподалеку от мечети разместилась скромная усыпальница великого зодчего Синана, являющаяся шедевром архитектурного зодчества. По выражению одного писателя, она выглядит как подпись художника-творца, поставленная под величественной мечетью.

Шах-заде (Мечеть принцев)

Читатель помнит, что в главе «Тайны Серая» мы рассказали о смерти принца Мустафы, который был уже объявлен наследником престола. Заподозрив его (по доносу) в измене, султан во время одной из военных кампаний вдруг потребовал сына в свой шатер. И когда тот входил, немые невольники кинулись на него, чтобы задушить. Молодой человек начал сопротивляться, но отец грозно взглянул за парусиновую перегородку шатра, и невольники быстро закончили свое дело.

Через некоторое время такая же участь постигла его брата Джихангира — прекрасного мальчика, которого мать любила до безумия. Не имея других детей, она берегла сына в своей комнате. Кызлар-агасы пришлось употребить всю свою хитрость, чтобы разлучить их. Он уверил султаншу, что Сулейман Великолепный чувствует угрызения совести за умерщвление старшего сына и хочет загладить это преступление особой любовью к младшему сыну. Лукавый старик говорил, что султан опасается за здоровье юного принца и хочет поместить его с матерью в особом павильоне, где бы тот мог дышать свежим воздухом и упражнять свои силы. Несчастная женщина поверила, посадила мальчика на великолепно

убранного коня, сама села с невольницами в богатую повозку, и все отправились в путь.

Кызлар-агасы ехал с принцем впереди, султанша — позади, так что они были у нее перед глазами. Но когда они выехали на плохую дорогу, повозка султанши «вдруг» сломалась и отстала. Только тут в голове у нее промелькнула страшная мысль, потому что сын ее уже добрался до павильона и входил в него. Когда бедная сама доехала до павильона, стала стучать в запертую дверь, а потом сумела открыть ее — все уже было кончено. Она увидела тело своего сына, которое еще дрожало предсмертными судорогами. А с шеи мальчика свисал роковой шнурок...

Когда к султану Сулейману Великолепному пришло запоздалое раскаяние, он очень страдал. И повелел построить на высотах Фундуклу в память о погибших принцах мечеть и назвать ее «Шах-заде» (что по-турецки означает «принц», «наследник престола»). Старинная же легенда рассказывает, что сначала мечеть возводилась не для наследников престола, и когда она была построена, визири сказали султану: «Эта мечеть недостойна носить твое имя. Она отделана не так роскошно, как, например, мечеть Рустем-паши. Нам кажется, лучше всего посвятить ее имени наследника». Султан согласился и послал гонца в Адрианополь, где его сын занимал должность «велия», чтобы известить его о своем решении. Узнав от гонца о причине его прихода, принц выразил свое недовольство: «А я-то думал, что отец хочет уступить мне престол». Когда султану передали ответ сына, он страшно разгневался и приказал умертвить его. В султанском шатре палачи быстро и незаметно окружили ничего не подозревавшего юношу и задушили юного принца тетивой от лука, так как членов царствующей фамилии можно было умерщвлять только бескровным способом».

В 1545—1548 гг. архитектор Синан возвел изящную мечеть, с которой начинается «золотой век» османской

архитектуры. При разработке ее интерьера он более стремился к монументальности, и с этой целью, при помощи боковых помещений, было увеличено пространство центрального зала, а в нем поставлены мощные восьмиугольные опоры, которые поддерживают арки. Квадратное здание мечети покрыто центральным куполом, который высоко вздымается над четырьмя другими полукуполом, так что верхняя часть всего сооружения производит впечатление необыкновенной легкости. Эти четыре полукуполом опираются на низкие стены и внутри поддерживаются четырьмя большими арками.

Гладкие внешние стены мечети лишь кое-где украшены узором¹; маленькие колонны, прислоненные к углам портала, тоже не так богато украшены (как и в мечети султана Селима I), зато внутренний вид мечети Шах-заде просто великолепен. Интерьеры ее нарядны и праздничны: мраморные и гранитные колонны, многоцветные витражи, деревянные резные двери — все это сразу же вводило входящего в мир прекрасного. И можно лишь пожалеть, что впечатление портит ужасная живопись, затемняющая характер османского искусства.

Паперть мечети образуется галереей с аркадами, которые держатся на гранитных и мраморных колоннах. По сторонам паперти поднимаются два изящных минарета, украшенные стрелками и рельефным орнаментом. Наверху каждого минарета устроен балкон с изваянными выступами.

Останки принцев Мустафы и Джихангира покоятся в прекрасном мавзолее восьмиугольной формы, который расположился к востоку от мечети. Восемь его внешних фасадов заканчиваются галереей, украшенной большими сквозными трилистниками. В гробницу входят через перистиль, образованный четырьмя колоннами — двумя

¹ Исключение составляют минареты, украшенные великолепным рельефным узором.

из красного мрамора и двумя — из зеленого. Внутренность мавзолея прекрасно оформлена и отличается законченностью своей отделки. Стены облицованы персидским фаянсом, который придает залу вид печального величия. Свет проникает сюда из двух рядов окон с разноцветными стеклами: в мечети устроено 32 окна — по четыре на каждой стороне восьмиугольника. Над гробницами устроен своеобразный балдахин высотой 4 м, сделанный из орехового дерева и украшенный геометрическими розетками с перламутровой инкрустацией.

Ежегодно с 27 числа месяца Рамадан в течение трех дней одежды принца Мустафы кладут на его гробницу. На ней построен макет османского трона, на который ему так и не пришлось взойти...

Гёк-гжаму (Голубая мечеть)

Самой знаменитой в Стамбуле считается мечеть султана Ахмеда I, построенная в 1609—1616 гг. архитектором Седефкаром Мехмедом-ага (учеником Синана) на месте бывшего дворца византийского императора — напротив храма Святой Софии. Строительство мечети началось по распоряжению султана, которому было тогда 19 лет. Это был человек с изысканным вкусом, но, по преданию, возведением мечети он хотел из-за некоторых грехов юности умиловить Аллаха. К тому же он подписал с одним из правителей династии Габсбургов договор, в котором признавал того равным себе. Это, видимо, и было решающим моментом: султан счел себя обязанным публично проявить свою веру и особую приверженность исламу.

Султан Ахмед не жалел никаких средств, чтобы сделать громадное здание мечети выдающимся, и каждую

пятницу сам являлся на строительство. Архитектор Мехмед-ага¹ завершил этот шедевр зодчества за семь лет. В плане мечеть султана Ахмеда представляет собой прямоугольник со сторонами 72 × 64 метра. Огромная и вместе с тем грациозная, она кажется легкой и считается одной из красивейших и изящнейших в Стамбуле.

Большой внутренний двор, по площади равный самой мечети, окружен купольными портиками на 26 колоннах с капителями в форме сталактитов. Портики соединяются с боковыми внешними галереями и каменной оградой с прямоугольными окнами. Боковые галереи образуются мраморными колоннами и стрельчатыми арками, которые увеличивают и без того огромный молитвенный зал, отчего внутри мечети создается впечатление необъятного пространства.

В центре двора располагается шестиугольный фонтан для омовений, опоясанный шестью колоннами со стрельчатыми арками. С западной стороны мечети (со стороны площади Ат-Мейданы) имеется въезд, через который султан, не слезая с коня, мог попасть в свои покои в мечети. Но на расположенных в этой части воротах висела металлическая цепь, и каждый раз, проезжая под ней, султан должен был наклоняться в знак покорности и уважения к Аллаху.

¹ Зодчий Мехмед-ага (1540—1620) был привезен в Стамбул в 1562 (или 1563) г. из Румелии. Сначала он состоял в почетной охране мавзолея султана Сулеймана Великолепного, затем обучался различным ремеслам в дворцовых мастерских. Здесь Мехмеда-ага заметил архитектор Синан и, оценив его способности, посоветовал ему изготовить особый подарок, чтобы обратить на себя внимание султана. Мехмед-ага изготовил рахле — подставку для рукописей, украсив ее тончайшей перламутровой инкрустацией. Рахле так понравилась султану, что он дал талантливому юноше одну из придворных должностей, а потом послал учиться в Египет, Аравию и Македонию, поручив особенно внимательно изучать строительное дело.

Очень интересно в мечети расположение куполов. Большой центральный купол (его диаметр у основания равняется 33, 6 м) окружен четырьмя полукуполоми, а под ними находятся еще четыре купола. Но полностью эта структура раскрывается только внутри мечети. Все это сооружение поддерживается четырьмя мраморными столбами, диаметр каждого из которых равен 5 м.

Все стены почти от пола до верхнего ряда окон покрыты цветной майоликой, среди которой преобладают плитки голубого цвета. Это дало мечети султана Ахмеда I второе название — Голубая, и только при ближайшем рассмотрении можно увидеть не только всевозможные оттенки голубого и синего, но и множество других цветов. Эти керамические плитки были изготовлены на фабриках Изника. В XVI в. они пользовались исключительным успехом и экспортировались по всему миру. Но султан Ахмед I настаивал, чтобы в мечеть поступало только все самое красивое, поэтому он запретил керамических дел мастерам поставлять плитки для других зданий.

По числу использованных в ее декоре изразцов (свыше 200 000 штук) Голубая мечеть уступает только дворцу Топкапы. Почти ослепляющий эффект многих тысяч плиток мог бы стать навязчивым, если бы внутреннее пространство не было таким объемным, а свет не струился бы из 260 окон, которые когда-то были закрыты витражами. Особенно изумительно мечеть султана Ахмеда I выглядит в солнечный день, когда свет отражается на голубых фаянсовых плитках и еще больше подчеркивает великолепие ковров огромного зала, которые в основном тоже выдержаны в голубых тонах.

Повсюду — на стенах и на столбах внутри мечети — изречения из Корана, написанные искусным каллиграфом Касимом Губари. Как сообщают исторические хроники, ранее по стенам было развешено двести золотых пластин, каждая из которых была украшена 61 брилли-

антом. На пластинах были выгравированы имена Пророка Мухаммеда, первых халифов и изречения из Корана.

Михраб и минбар, сделанные из белого проконессского мрамора, покрыты такой тончайшей резьбой, что трудно поверить, как из камня можно «соткать» столь дивный узор. В изразцовое обрамление михраба вставлен священный кусок Черного камня из Каабы, представляющий собой тонкую плитку с красивым узором. По обе стороны от михраба стоят два огромных подсвечника с такими же громадными свечами.

Драгоценные камни в Голубой мечети рассеяны повсюду. Своим примером султан Ахмед I поощрил щедрость вельмож, и правитель Абиссинии, например, прислал в дар шесть осыпанных изумрудами лампад на золотых цепях. А великолепные свитки Корана лежат в мечети на раззолоченных рахле, украшенных перламутровой инкрустацией.

Сохранив в общих чертах планировку и внешний вид мечетей «классического типа», зодчий внес в сложившуюся схему и новые элементы. Так, Голубую мечеть окружают шесть прекрасных минаретов, украшенных браслетами балконов, покрытых тонкой резьбой. Об истории появления этих минаретов сложено много легенд. По одной версии шесть минаретов появились из-за ошибки архитектора, который неверно понял повеление Ахмеда I. Султан будто бы приказал возвести «золотые минареты» (алтын минаре), а глуховатому архитектору слышалось, что повелитель приказывает возвести «алты минаре» (шесть минаретов).

Другое предание повествует, что султан Ахмед I действительно приказал возвести шесть минаретов, пожелав, чтобы возводимая в его честь мечеть во всем превосходила стоявший напротив храм Святой Софии. Но в свое время имам Мекки назвал сооружение шести мина-

ретов святотатством, так как ни одна мечеть не должна была сравниться Заповедной мечетью Мекки, имеющей шесть минаретов. И тогда султан Ахмед, чтобы прекратить спор, приказал построить в мечети в Мекке седьмой минарет.

Султан Ахмед умер от тифа в 27-летнем возрасте. Его прах покоится в великолепном саркофаге — в саду этой одной из красивейших мечетей мусульманского Востока, о которой сложено много прекрасных стихов.

Ахмедие воздушна,
Как мираж необозримой пустыни;
Она весела,
Как яркие цветники восточных садов,
Светла, как летнее утро Стамбула...

До XIX в. со двора Голубой мечети 12 числа месяца Реджеб, который по турецкому лунному календарю выпадал на разное время, выступал караван паломников, следовавший в Мекку со священными дарами.

«На шестнадцатом году своей проповеди Пророк Мухаммед установил паломничество в Мекку, чтобы каждый правоверный мусульманин посетил Каабу, являющуюся образом святого дома Авраама, оставшимся на земле после того, как настоящий дом его после потопа был взят на небо. Женщины тоже могут посещать Мекку: если она не имеет мужа, который бы сопровождал ее в пути, то для такого случая она нарочно должна выйти замуж. Только султан был уволен от выполнения этой обязанности, и то только потому, что паломничество в Мекку удалило бы его на такое время от столицы, на какое по закону он не мог покидать ее. Вместо себя султан посылал посредника, который назывался «сур-эмини»; он присоединялся к каравану и представлял правителя.

Самым главным в караване был священный верблюд, на котором везли «махфил» — трон, с которого в свое время Пророк Мухаммед поучал народ и производил суд. В серальских конюшнях эту породу верблюдов тщательно оберегали. До сих пор сохранилось предание, что верблюд, перевозивший «махфил» — тот же самый, на котором странствовал Пророк Мухаммед. Потому что этот верблюд чудесно остается живым специально для того, чтобы ежегодно совершать паломничество в Мекку».

В прежние времена на улицах Стамбула можно было видеть множество слепых, которые ходили вереницей по 10—15 человек, держась один за другого. Впереди шел «вожак», который водил их от дома к дому за милостыней, но и сам он мало видел, потому что был слеп на один глаз. Никто не отказывал слепцам в подавании, считая их за святых людей, потому что они совершили хадж (паломничество). И ослепли они оттого, что увидели святую Мекку, после чего уже не хотели ни на что смотреть. И по своей воле ослепили себя сами. Для этого они брали раскаленное железо и, посыпав какой-то порошок, держали над ним глаз, пока тот не вытечет. Они очень верили, что за свое ослепление будут у Пророка Мухаммеда в великой милости и через то другим могут доставить милости.

На дворе Голубой мечети с необыкновенным торжеством и пышностью праздновались также Курбан Байрам и Мевлуд (день рождения Пророка).

Ени-гжами

(Новая мечеть султанши-матери)

Новая мечеть расположена на берегу бухты Золотой Рог недалеко от Галатского моста. Разместилась она у Садовых ворот на террасе близ Рыбного рынка, а возве-

дение ее началось в 1614 г. по распоряжению Кёзем Махпейкер (одной из жен султана Ахмеда I) на месте старинной церкви итальянских францисканцев. Впоследствии архитектору Касиму-ага пришлось приостановить работы, так как султанша Кёзем из-за придворных интриг была задушена евнухами.

Известно, что фундамент незавершенного здания мечети долгое время оставался заброшенным. В 1660 г. Туркан Хатидже (мать султана Мехмеда IV), осматривавшая окрестности после большого пожара, заметила этот фундамент и повелела достроить мечеть. Строилась она из вдовьих средств султанши, которые турецкие мужья оставляют своим женам, но не «на булавки» (как принято в Европе), а «на башмаки». И потому это культовое здание еще называется «Мечетью башмаков».

Возведение мечети было поручено архитектору Мустафе-ага, который и закончил строительство к 1663 г.

Ени-джами (Новая мечеть султанши-матери)

Зодчий повторил кубообразное основание с гладкими стенами, которые постепенно переходят в поднимающиеся друг над другом купола, башенки и т.д. В Новой мечети нет той легкости и воздушности, которыми отличаются Сулеймание-джами и Голубая мечеть. Тяжеловесность Ени-джами подчеркивается также несколькими куполами и четырьмя контрфорсами, которые поддерживают главный купол (высота его равняется 36, а диаметр — 17,5 м). Некоторую изящность Новой мечети придают два стройных минарета с балконами и три башенки, установленные одна над другой на каждом контрфорсе.

Стены Ени-джами выложены прекрасными изразцами; на двух минаретах устроено по три балкончика, а к довольно высокому фундаменту была пристроена лестница. Перед фасадом мечети и позади нее проходит важнейшая магистраль Стамбула, из-за чего мечеть осталась без двора. Перед ней находится только паперть с тремя монументальными дверями, увенчанными фронтонами, над которыми по-арабски написано священное изречение. В высоких стенах паперти пробиты прямоугольные окна, в которые вставлены тяжелые решетки. Над каждым окном устроен ряд стрельчатых ниш.

Внутри стены Ени-джами украшены майоликовыми плитками синих тонов; ниша, образующая михраб, отделана великолепными позолоченными сталактитами. Минбар мечети сложен из художественно изваянных кусков мрамора с искусно сплетенными геометрическими розетками.

Трибуну султанов, которая находится прямо против минбара, поддерживают порфиновые колонны. Мансура была соединена с богато отделанными покоем султана; дверь, ведущая в них, изготовлена из тонких плит резного мрамора и украшена сквозным геометрическим орнаментом. В настоящее время здесь устроен Музей де-

коративного искусства Турции. Изразцы каминов и стен в нем украшены великолепными рисунками; прекрасно расписаны стекла окон, а двери являются истинным чудом резьбы по дереву.

По боковым сторонам Ени-джами расположились двухэтажные галереи, украшенные майоликовыми плитками и резьбой по дереву. Под этими галереями вдоль наружных стен устроены фонтанчики для омовений.

В большом погребальном зале мечети, сплошь облицованном фаянсом, кроме праха султанши-матери покоятся останки еще нескольких монархов Османской империи.

Когда-то около Новой мечети (от городских стен и до моря) простиралась низменная лощина, образовавшаяся из песка и грязи, нанесенных ручьями с возвышенных мест, а также из выбрасывавшихся там золы и углей. Улицы, прорезавшие эту долину, были узкими и грязными, однако это была самая населенная часть города, так как именно здесь выгружались все товары, которые привозили европейские корабли. Поэтому тут всегда располагалось множество магазинов для хранения и продажи табака, масла, леса, муки, овощей, фруктов и других товаров. Здесь же располагались и пороховые магазины, в которых хранились лес, уголь, масло и другие горючие вещества. Магазины были деревянными, а вокруг толпилось множество народа с трубками, и малейшая неосторожность приводила к ужасным пожарам, которые часто опустошали город.

Построенная во второй половине XVII в., Ени-джами мало изменилась, хотя на ее стенах, минаретах и куполах остались следы почти четырех столетий. С мечетью связано старинное предание, героем которого является энергичный султан Махмуд II. Народ, изнывавший под гнетом янычар, воплотил в нем свои идеалы и мечты о праведном правителе, поэтому личность этого султана-

реформатора породила не одну легенду. Одна из них повествует, что при имарате «Новой мечети» — богоугодном заведении (нечто вроде общежития с общественной столовой, которое содержалось на частные пожертвования) — был повар, нередко обделявший бедняков при раздаче пищи. Узнав об этом, султан повелел живым сварить его в кухонном котле. Говорят, что султанский гнев обрушился и на котел, который с тех пор хранился в отдельной комнате — как бы в заключении...

Другие мечети Стамбула

В самом конце XI в. (по другим сведениям, в начале XII в.) в Константинополе был построен храм Спаса Всевидящего, относившийся, по-видимому, к старинному монастырю. Благодаря своему возвышенному местоположению храм был виден отовсюду. В нем были устроены световой купол и довольно обширные хоры, которые открывались в храм широкой тройной аркадой, разделенной тонкими столбиками. На хорах, занимавших почти всю стену западной ветви креста, были устроены миниатюрные угловые молельни.

Церковь эта была основана Анной Дука (матерью императора Алексея I Комнина), которая в этом же монастыре и окончила свою земную жизнь.

По преданию, в церкви Спаса Всевидящего некогда хранился один из гвоздей, которыми прибивали пречистое тело Спасителя во время распятия, и Его терновый венец. Во время завоевания Константинополя крестоносцами эти священные реликвии были вывезены в Европу, и теперь терновый венец Иисуса Христа хранится в Париже.

После турецкого завоевания храм Спаса Всевидящего был обращен в имарат, который сначала предназна-

чался для воспитанников, обучавшихся в мечети султана Мехмеда Завоевателя; потом он был превращен в мечеть **Эски-имарат**.

Недалеко от бывшего Ипподрома возвышается мечеть **Мехмед-паши** (раньше это была церковь Святой Анастасии). В ней во времена господства арианцев Григорий Назианзин собирал свою немногочисленную паству и произносил перед ней свои знаменитые проповеди.

Севернее расположился молитвенный дом **Хаджи Мустафа-паши**; раньше это был храм Святого Андрея, основанный Аркадией (сестрой императора Феодосия Младшего) и реставрированный потом императором Василием Македонянином. До сих пор здесь находится почитаемый источник, оскверненный однажды греческим пашой, который раньше был цирюльником в Неаполе. Здесь его увидел, взял к себе на службу и сделал пашой принц Джем. По приказанию папы римского (о чем рассказывалось выше) этот паша постепенно уморил своего хозяина, брея его отравленной бритвой, но впоследствии сам был убит во время возмущения янычар.

Из вышесказанного видно, что большая часть византийских церквей после турецкого завоевания Константинополя была обращена в мечети, но не надо видеть в этом преследования по религиозным мотивам. Византийцы сами покинули свои храмы, когда удалились в предместья, поэтому турки и обратили их в свои священные здания, так как ислам допускает творить молитву во всех святых местах. К тому же турки и сами строили много мечетей. Так, среди множества сооружений, возведенных в Стамбуле архитектором Синаном, выделяется мечеть **Пири-паши**, напоминающая о любимце султана Сулеймана Великолепного, на которого были возложено завоевание Родоса.

Мечеть **Килих-Али-паши** посвящена памяти отважного адмирала, который восстановил славу своей родины,

поколебленную разгромом при Лепанто. Когда Килих-Али-паша попросил у султана необходимый для возведения мечети участок земли, тот указал ему на море. И тогда адмирал повелел возвести плотину, отвести воду, и на отвоеванном месте возвели мечеть, которая внутри украшена прекрасным персидским фаянсом.

А большая и красивая мечеть, живописно расположенная у самого входа в долину под Атмейданом, своим происхождением обязана другому адмиралу — завоевателю острова Хиос, хорвату по происхождению. Зодчий Синан возвел эту мечеть в 1565 г.: внутренность ее хоть и отличается простотой, но исполнена тщательно и носит отпечаток величия и значительности. Михраб мечети украшен фаянсом, тонко расписанным синей и белой краской, а минбар — изваяниями; стекла окон вставлены в бронзовые (а не в железные) рамы. Основатель мечети построил скромный склеп для себя, где и покоятся останки его и детей.

Из всего вышесказанного читатель может убедиться, что на Востоке кладбища часто устраиваются вокруг мечетей прямо в городе. А вот тюрбе султана Махмуда II стоит одиноко — и этим отличается от других. Попутно расскажем об истории возведения этой гробницы:

«Как-то раз султан проезжал мимо этого места, тогда пустынного, как вдруг подувший с Босфора сильный ветер сорвал с его головы чалму. Тогда султан грустно задумался, а потом сказал паше, подносившему ему поднятую чалму: “Наверное, здесь и надо похоронить меня”».

Абдул-Меджид, сын султана Махмуда II, вспомнил слова отца и похоронил его на месте, где теперь располагается новая часть Стамбула и бегают трамвай. Внутри тюрбе султана царит тишина, на середине стоят два надгробных камня — султана и злосчастного Абдул-Азиза,

а вокруг них — несколько женских памятников. На саркофагах султанов лежат черные бархатные покрывала, богато расшитые серебром.

Кроме тюрбе вокруг мечетей Стамбула находятся небольшие кладбища с множеством надгробных памятников. Арабской вязью на них вырезается надпись, начинающаяся стихом из Корана, а потом идет краткое изложение жизни покойного. Украшают могильные камни геометрические и цветочные орнаменты, а надписи сделаны очень сердечные или даже с юмором: «Бедный добрый Исмаил-эфенди, смерть которого вызвала глубокую печаль среди его друзей. Он заболел любовью в возрасте 70 лет, закусил удила и поскакал в рай». На одной из стел, например, изображены три дерева (кипарис, миндаль и персик) и сделана такая надпись: «Я посадил эти деревья, чтобы люди могли знать мою судьбу. Я любил девушку с миндалевидными глазами, стройную, как кипарис, и я прощаюсь с этим прекрасным миром, так и не отдав персиков».

Егикюле (Семибашенный замок)

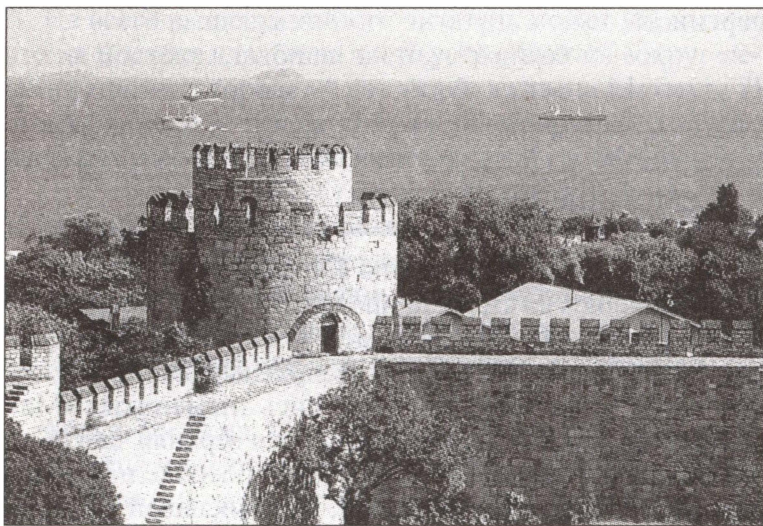
Там, где сухопутные стены Константинополя когда-то соединялись со стенами, шедшими вдоль Мраморного моря, до сих пор стоит Мармер-куле (Мраморная башня). Чуть далее — массивные квадратные башни, между которыми в прошлом располагались знаменитые «Малые ворота города». За ними виднеется верхняя часть Семибашенного замка, который стоял обособленно и был отгорожен специальной стеной, примыкавшей к городской стене. При византийцах здесь находилась древняя крепость, на территории которой был устроен монетный

двор. Из-за своих пяти башен крепость называли еще Пентапиргией. Гражданские ворота замка тоже назывались Пентапиргия; над ними был виден византийский орел, изваянный на доске и вделанный в стену. В 1350 г., в царствование императора Иоанна VI Кантакузена, к замку прибавили еще две башни, тогда он и стал называться Гептапиргия (Семибашенный).

Центральный ансамбль замка составляют две монументальные квадратные башни, сложенные из огромных монолитных плит белого мрамора. Во время осады и штурма Константинополя крестоносцами Семибашенный замок был разрушен, но потом турки вновь отстроили крепость, оставив, правда, только четыре башни (высота самой большой равняется 65 м). Название же за крепостью сохранилось прежнее — Семибашенный замок.

Сначала он использовался в качестве сокровищницы, потом был превращен в государственную тюрьму, и его

Едикуле (Семибашенный замок)

смело можно было назвать «стамбульской Бастилией». Это была одна из самых страшных тюрем города, которую охраняли 250 стражников, живших со своими семьями здесь же в крепости — в специальных жилищах. Командовал ими начальник стражи, которому не разрешалось выходить из замка ни по какому случаю; только два раза в год, по особому повелению визиря, он выходил в город на святые праздники.

Через мрачные камеры Семибашенного замка прошло много опальных придворных, министров и других лиц, не угодных султанам. Здесь же томились в заключении семь султанов, свергнутых с престола. Так, в 1622 г. на верхнем этаже башни янычарами был задушен султан Осман II (Юный Осман).

А сколько людей погибало здесь медленной смертью — без света, воздуха и пищи! Сколько страданий видели камни этих мрачных подземелий! Например, башня, которая стоит ближе к Золотым воротам, служила местом пыток и казней; головы казненных бросали в глубокий «Колодец смерти»¹. Русский паломник В.Г. Барский писал, что в замке «находились по 2—3 тысячи пар христиан, скованных в железные цепи без различия пола и достоинства. А какие им от турок мучения и насилия были, то и описать трудно».

Справа от входа в Семибашенный замок возвышается Посольская башня, в которую заключали послов тех держав, с которыми Турция прерывала дипломатические отношения, собираясь воевать. В ней, в частности, содержались русские послы П.А. Толстой (1710—1712), А.М. Обрезков (1768—1771), Я.И. Булгаков (1787—1789). Варварский обычай заключать в тюрьмы посланников других государства существовал очень долго, и европей-

¹ В «Колодец смерти» было брошено и множество голов янычар после того, как султан Махмуд Преобразователь уничтожил эту гвардию.

ские державы безропотно покорялись ему, утешая себя тем, что все они унижены в равной степени. Первой возвысила своей повелительный голос российская императрица Екатерина II, которая после побед П.А. Румянцева объявила, что готова принять мирные предложения Высокой Порты, но прежде всего должен быть освобожден А.М. Обрезков.

Русский посланник А.М. Обрезков в тюрьме заболел, после чего другие посланники добились от султана разрешения, чтобы все узники могли жить в одном из домов, находившихся в ограде крепости¹. Впоследствии французский посол генерал Себастиани убедил султана разрешить А.М. Обрезкову вернуться на родину.

Всякая попытка бегства из Семибашенного замка была невозможна, так как железные ворота его ощети-нивались такими же железными остриями. Как легенду, рассказывают о французском посланнике Бофе, которому каким-то образом все же удалось бежать. Французский министр Шуазель-Гуфье предлагал средства к спасению и русскому посланнику Я.И. Булгакову, но тот отвечал, что «представитель Екатерины II... не будет ничем обязан стороннему посредничеству и не пожертвует ради своей личной безопасности честью престола и Отечества».

В Едикуле тюрьмы располагались наверху и внизу, они были с окнами и без них. В одну из таких тюрем был заключен последний французский посланник Руфэн, когда в 1798 г. между Францией и Турцией была объявлена война. Маленькая камера его слабо освещалась одним только решетчатым окном, которое располагалось так высоко, что посмотреть в него мог бы только очень высокий человек.

¹ Десять домов и мечеть, находившиеся на территории крепости, предназначались для гарнизона.

Справедливости ради следует отметить, что некоторым знатым узникам разрешалось свободно ходить по крепости, только им не дозволялось иметь ни ножа, ни какого другого оружия. Например, в XIX в. в Едикуле сидел алжирский король Гсемени, который имел при себе четырех слуг и особое жилище...

В Семибашенном замке с давних пор хранилась казна турецких султанов: в одной башне — золотые монеты и слитки, в другой — серебряные деньги и другие предметы из серебра, в третьей — дорогая посуда, конская упряжь и дорогое оружие, обложенное золотом и серебром; в четвертой — изделия из золота, серебра, хрусталя, янтаря и других драгоценных материалов; в остальных помещениях хранились изделия из слоновой кости и всевозможные украшения. Все это богатство было свезено в Едикуле после того, как султан Селим I захватил персидский город Тавриз.

Впоследствии на огромной территории крепости одно время размещалась школа, а позднее ее развалины с большим двором, воротами и валами сделались жилищем сапожника-армянина. Потом ветер нанес на черепичные крыши башен много песка и пыли, так что здесь разрослись кустарники и деревца. И теперь по этому висячему саду бродят привидения казненных сановников, головы которых в прежние времена выставлялись на краю вала...

Монастырь вертящихся дервишей

Путешественники прежних веков яркими красками расписывали дервишей Стамбула; их было две категории — вертящиеся и ревушие. Те и другие процветали чуть

ли не с первых дней существования Османской империи. Орден дервишей был организован приехавшим из Хорасана шейхом по имени Хаджи Бекташ Вели, который прославился как святой муж и пользовался большим уважением. Бекташи (последователи Хаджи Бекташа) были тесно связаны с янычарским войском, толпами сопровождали янычар, воодушевляя их на подвиги. Они описывали им рай и читали суры из Корана, в которых говорилось, что на павшего в сражении изольется особая милость Аллаха. Нередко бекташи сами принимали участие в сражениях.

Текке (монастырь вертящихся дервишей) в прежние времена находился довольно далеко от храма Святой Софии, и туда приходилось добираться 6—7 верст в экипаже — по пыльной дороге и под палящим солнцем. Двор монастыря был вымощен булыжником; справа ко двору примыкал каменный дом с кельями дервишей, слева — зал с ареной для представлений. На дворе в тени деревьев обычно их начала ждали любители подобных зрелищ.

В настоящее время среди дервишей выделяется мистический исламский Орден суфиев — последователей Джелаладдина Руми. Не будучи профессиональным философом, Руми тем не менее принадлежал к славной плеяде «любителей мудрости» и прославился еще и как величайший поэт. Получив образование в крупнейших медресе Халеба и Дамаска, он еще в юношеские годы выучил греческий язык, в оригинале читал сочинения Платона, подолгу беседовал с настоятелем православного монастыря в Конье.

В религиозно-философском отношении Руми был активным сторонником суфизма — мистико-аскетического течения в исламе, возникшего в VIII—IX вв. и окончательно оформившегося в XI—XII вв. Само слово «суфизм» произошло от арабского слово «суф» — шерсть,

шерстяной плащ, власяница. Таким образом, суфий — это тот, кто носит шерстяной плащ.

Суфизм возник в низших слоях мусульманского духовенства как движение, направленное против социального неравенства, корыстолюбия, обжорства и разврата, царивших в среде феодалов, богатых горожан и т.д. Естественно, что представители раннего суфизма пользовались большой популярностью у простых людей. Для суфизма характерны отрицание мусульманской обрядности, отсутствие духовенства, проповедь аскетизма и отказ от активной общественной жизни.

Но не видя вокруг силы, способной изменить суровую действительность по законам справедливости, мусульманские подвижники надевали власяницы, уходили в пустыни, уединялись в кельи и углублялись в размышления о природе человека и бога. Суфии считали, что посредством аскезы, самоуглубления и молитвы можно не только приблизиться к богу, но и слиться с ним. Причем бога они отождествляли с высшей истиной и считали его некоей силой, разлитой в природе. Из понятия о «хараме» (запретном) и «халале» (дозволенном) они вывели свое этическое учение о «тарикоте» — пути нравственного совершенствования для слияния с абсолютом.

Всякое материальное благо, исходящее от властителя, считалось запретным, ибо оно было добыто насилием. Самые суровые аскеты считали запретным и подаяние, так как в нем заключались частицы чужого труда. Иное

Джалаледдин Руми

дело — колючки в пустыне и вода из источника: они — ничьи, никому не принадлежат, тут нет присвоения чужого насилием и неправдой.

Суфии выступали и против подчинения духовной жизни человека правилам казенной обрядности, провозглашая отношения с богом частным делом человека. Ясно, что их взгляды противоречили догматам официального ислама, и суфизм подвергался преследованиям.

Не избежал этой участи и Джалаледдин Руми, не раз подвергавшийся нападкам, и лишь широкая известность спасла его от физической расправы. Да и как было не признать в нем еретика, если в эпоху бесправия и рабства он проповедовал равенство всех людей независимо от их богатства, происхождения, религии и чина?! Люди для него различались между собой только тем, насколько приблизились они к совершенству, а это зависело от труда и способностей самого человека. Совершенным может быть каждый, и потому каждый человек священен. Даже лежащий на улице нищий, или тачающий сапоги мастеровой, или даже раб с клеймом на лбу...

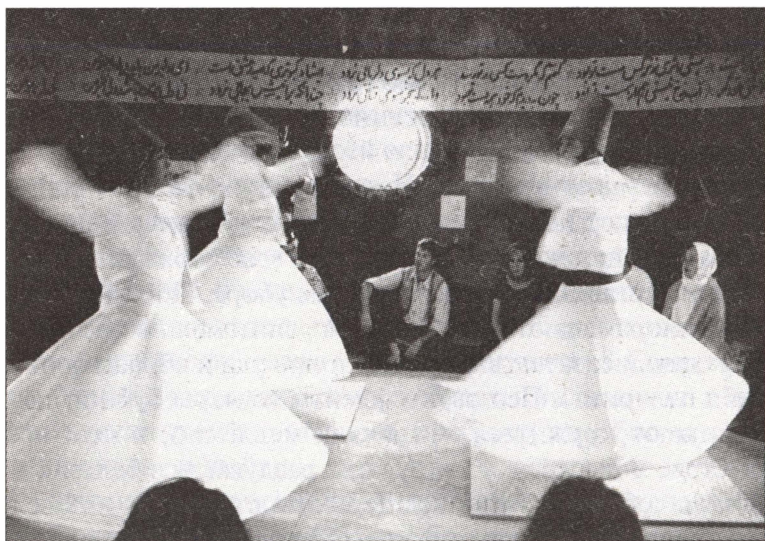
Мистическая практика суфиев основывается на ритуалах, включающих специальную музыку и танцы, на представлении о том, что человек воспринимает окружающее и самого себя в значительной степени через ритм и прислушивание к нему.

Джалаледдин Руми, которого называли «наставником с сияющим сердцем, ведущим караван любви», под именем Мевляна («Наш господин») прославился как основатель «Братства вертящихся дервишей», которое существует и в наши дни. Правда, в 1926 г. Кемаль Ататюрк распустил все текке, но, начиная с 1950 г., ежегодно в декабре (месяц смерти Руми) вновь стали устраиваться торжества с участием вертящихся дервишей. На это экзотическое захватывающее зрелище всегда собирается

много зрителей, прежде всего, иностранных туристов. В представлении же самих мевлеви (членов Братства) их ритуальные верчения — не искусство, а акт веры, состояние экстаза, когда душа человека соединяется с богом.

Дервиши исполняют сложный танец, кажущийся странным неискушенному зрителю. Принцип вращательного движения, по утверждению самих дервишей, является фундаментальным принципом бытия. В мире нет ни одного объекта, ни одного существа, которые бы так или иначе не были вовлечены во вращение. Все сущее состоит из вращающихся элементарных частиц, и этот факт объединяет формы существования — от самых низших до самых сложных. Человек живет благодаря вращению мельчайших частиц, образующих структуру его тела, благодаря циркуляции крови в большом и малом кругах кровообращения, и сам вращается вместе с Землей.

«Братство вертящихся дервишей» существует и в наши дни

Однако все перечисленное — это природные, бессознательные формы вращения. Дервиши же считают, что сознательно включиться в этот процесс им помогает ритуальное вращение. Сутью его является мистическое странствие — духовное восхождение в мысли и любви к Богу как Совершенству. Человек возвращается из такого мистического странствия, переполненный готовностью любить все живое и служить ему в любви.

Ритуал начинается проникновенным гортанным полчасовым пением слепого певца в черных очках. Слушая его, дервиши неподвижно сидят на полу, скрестив ноги. Одевание вертящегося дервиша непривычно для нашего глаза, но каждой своей частью оно тоже символизирует суть происходящего. На голове у них надеты темно-красные (почти коричневые) конусообразные уборы, похожие на фески, но более высокие. По символике Мевляны они означают каменные надгробия, темные пелерины символизируют гробницы; на дервишах надеты еще джалуны — широкие белые юбки (белый цвет означает погребальную пелену). Такая одежда (всё вместе) означает воскресение из мертвых и вечную жизнь в боге.

После вступления дервиши в какое-то мгновение бьют лбом об пол, потом вскакивают и плавным шагом начинают двигаться вперед. Ведет всех «вожак» в зеленой пелерине и зеленом головном уборе. Потом дервиши поворачиваются друг к другу лицом, кланяются и идут дальше, затем выстраиваются в ряд и сбрасывают с себя пелерины. Под звуки флейты и удары бубнов они начинают кружиться — сначала медленно, потом все быстрее и быстрее, а вокруг них раздуваются белые колокола юбок. Вертящиеся дервиши стараются войти в транс и отключиться от всего материального мира. Когда он отдаляется от них, они поднимают правую руку ла-

донью вверх, чтобы получить благословение Неба, и опускают левую ладонью вниз, отдавая его Земле. Особенно поразителен тот факт, что наклон головы крутящихся дервишей составляет 25° , что почти равно наклон Земли (23°).

Крутясь, как заведенные, с выражением экстаза на лицах, дервиши сохраняют совершенное равновесие, чего не скажешь о зрителях, у которых начинает кружиться голова и рябить в глазах. После нескольких часов танца участникам начинает казаться, будто вращаются не они сами, а весь мир вокруг них. Таким образом, входя в транс, танцоры символизируют окончательное соединение Мевляны с Аллахом. Внезапно — скорее всего в ту минуту, когда тело становится им неподвластно, — некоторые из мевлеви резко останавливаются, как бы застывая, и стоят так до тех пор, пока не замрут остальные.

Стихает музыка, словно лепестки цветов, опадают белые юбки дервишей. В наступившей передышке слышно, как читают суры Корана. А потом дервиши вновь начинают крутиться — вокруг себя и одновременно по кругам, нарисованным на полу, что символизирует вращение звезд и планет вокруг своей оси и вокруг Солнца, а человеческих душ — вокруг бога. Через какое-то время дервиши вновь застывают со скрещенными на груди руками и кланяются «вожаку», после чего начинаются молитва и восторженное пение. Таким образом, верчение дервишей — это своего рода символическая смерть и рождение заново в качестве нового, духовного существа. Сокровенный смысл ритуала состоит в обращении человека к истине, уничтожении эгоизма, пребывании с богом в совершенстве и любви.

Зачарованные зрители, сидящие вдоль стен, начинают молча расходиться. Обычно большинство присутствующих (кроме иностранных туристов) вместе с дервиша-

ми переживают состояние экстаза, хотя атмосфера веселых ярмарок, которые часто устраиваются у стен монастыря, казалось бы, мало способствует сосредоточенности. Но, оказывается, и это соответствует философии Мевляны, для которого смерть, как соединение с богом, была высшим блаженством.

После смерти ищите меня не в земле,
А в сердцах просвещенных людей.

Так писал поэт Джалаледдин Руми и завещал своим последователям веселиться в день его смерти...

В тот день, когда умру, вы не заламывайте руки,
Не плачьте, не твердите о разлуке!
То не разлуки, а свиданья день.
Светило закатилось, но взойдет.
Зерно упало в землю — прорастет!

Следует отметить, что до начала XX в. община дервишей являлась в Стамбуле и одним из наиболее известных центров музыки и литературы. Многие знаменитые турецкие композиторы, каллиграфы и поэты начинали именно здесь. И прежде всего ученый и поэт Шейх Галип (1757—1799), который под патронажем султана Селима III и его сестры Бейхан Султан был шейхом Ордена дервишей.

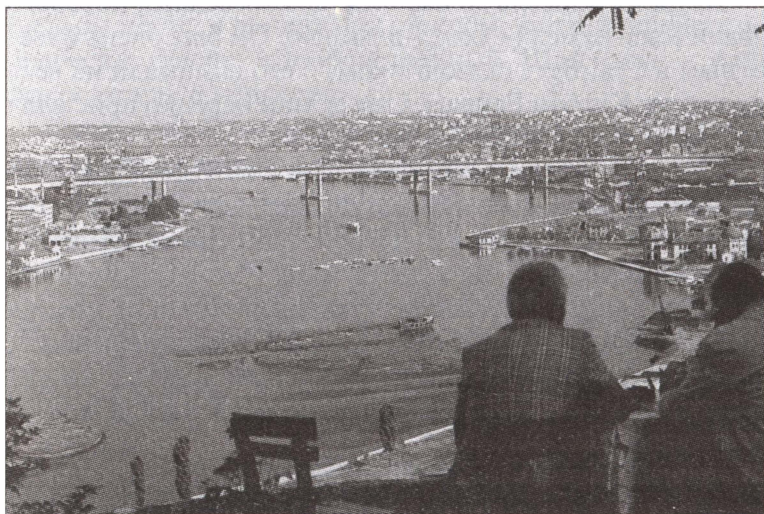
Старинные кофейни Стамбула

Ислам запрещает мусульманам употреблять вино, и чтобы чем-то заменить его, Пророк Мухаммед прибег к помощи кофе. Любой турок расскажет вам легенду о том, как верблюды шейха Шайзуллы открыли чудесные свойства этого напитка. Однажды эти скромные, но мрачные

по нраву животные, наевшись листьев кофейного дерева, стали прыгать, чем привели людей в великое изумление. Так была обнаружена живительная сила, скрывавшаяся в этом маленьком растении, а шейх Шайзулла за проницательность свою удостоился вечной славы во всем мусульманском мире. Поэтому в Стамбуле, как и в других городах Востока, везде, где красивое место располагает к отдыху и где шелестят деревья, устраивались кофейни, вокруг которых размещались продавцы сладостей, шербета, халвы, меда и т.д.

Обычно кофейни, украшавшиеся с изяществом и великолепием, спереди открыты и поддерживаются колоннами. Внутри около стен устраивалось возвышение, на котором лежали тюфяки и подушки. С одной стороны музыканты (обычно из греков) играли на мандолинах и тамбуринах, аккомпанируя певцам, которые старались кричать как можно громче. С другой стороны важно сидели посетители, в большинстве своем люди порядоч-

Вид на Золотой Рог

ные. Некоторые из них бывали в кофейнях каждый день и тихо дремали...

Кофе подавался в очень маленьких чашечках (размером с половину скорлупы куриного яйца) — без сливок, без сахара и очень черный. В праздники содержатели кофейен приглашали «медаков» (сказочников), чтобы те позабавили посетителей. В таких случаях для большего удобства публики на улице перед кофейнями ставили скамьи и выносили сюда закуски. Медак устраивался на возвышении у раскрытого окна, чтобы его было видно и слышно и внутри кофейни, и на улице. Иногда рассказ его длился до глубокой ночи, и следует отметить, что сказочники были весьма смыслеными. Когда внимание слушателей было возбуждено до предела, медак вдруг спрыгивал со своего возвышения и обходил гостей с чашкой в руках. Любопытные слушатели тотчас наполняли ее мелкими деньгами, лишь бы сказочник поскорее начинал досказывать свою занимательную легенду.

История донесла до нас имя одного медака, которого звали Кыз-Ахмед («Ахмед-девица»). Он был очень известным в Стамбуле сказочником, и его нанимали на весь праздник Курбан Байрам. Сам султан нередко присылал за ним, чтобы потешить свой гарем...

Рассказы медака всегда слушали с благоговением, но если в кофейнях некому было рассказывать сказки — гости прислушивались к лепету фонтана; если перед их глазами не было журчащих струй воды — они смотрели на дым, клубящийся отовсюду. Учитывая, что окна многих кофейен выходили на Босфор или, как говорилось выше, на какой-нибудь пленительный уголок города, можно представить то наслаждение, какое испытывали молчаливые курильщики.

Старинные кофейни Стамбула на цветистом языке Востока называются «меттеби-ирфан» («школа познания»). Площадь перед мечетью султана Сулеймана Ве-

ликолепного памятна тем, что именно здесь родилась профессия кофейщика. Иногда в кофейнях пытались ораторствовать дервиши, а во времена смут янычары приходили выступать со своими мятежными речами в тихое собрание курильщиков. На площади собирались молодые реформаторы, за чашечкой кофе здесь произносились политические речи, вырабатывались проекты спасения родины... Но не было успеха ни у дервишей, ни у янычар. Старый сказочник, сидя на полу и покуривая даровую трубочку, одолевал своих соперников, рассказывая истории про храбрых богатырей, пьяных кади, праведных халифов и т.д. Иногда он пугал своих слушателей страшными рассказами про мертвецов...

Султан Селим II закрыл кофейни как рассадники вольнодумства, но старейшины дервишей заявили, что потребление кофе само по себе не является аморальным. Кофейни вскоре снова открыли, и с тех пор вопрос об их закрытии больше не поднимался. Теперь в них на самом видном месте, в рамках под стеклом, каллиграфические арабески гласят: «Добродетельный Шайзулла — наш покровитель и наш отец»...

Следует особо отметить, что в турецких кофейнях господствуют молчание и воздержание. В них всегда соблюдалась большая умеренность: кроме трубки, холодной воды, шербета и кофе, ничего вам здесь больше не предложат. Кофе для мусульманина — не просто горячее питье; это поэтический нектар, дающий радость и веселье. Это напиток таинственный, прославленный многими турецкими поэтами. В одной из поэм Хафиза можно прочесть о кофе следующие строки:

О, брат искрометного вина,
Ты — напиток небесный гурий!
Ты — роса веселья, порожденная солнцем!
Посели в мозгу моем райские грезы,

Увлеки меня вдаль от земли,
Попираемой моими ногами;
Вознеси меня на вершину Айя Софии,
Вершину, одним орлам доступную.
Я сделаюсь царем Стамбула,
Наполненного богатствами,
И стану слышать разговор
Ветра с облаками
На высотах небесных...

На вершине холма, к которому ведет кладбище мечети Эйюба, расположилась небольшая кофейня, которая носит громкое имя Пьера Лоти — лейтенанта французского флота, участника Франко-прусской (1870—1871) и Первой мировой войн. В XIX в. его направили в Стамбул обучать турецких морских пехотинцев; он прекрасно ладил с турками и со временем совершенно «отурчился». По рассказам, именно здесь он сидел — в феске, перебирая четки и потягивая длинную трубку, набитую изысканной смесью табака, опиума и толченого жемчуга. И любовался красотой бухты Золотой Рог, которую впоследствии так красочно описал в своих стихах...

Фанар

После завоевания Константинополя турками можно было подумать, что православная вера может навсегда угаснуть в Греции. Но в султане Мехмеде II искусство воинское было так тесно соединено с гением человека, что, не выпуская меча из рук, он уже думал о том, как сохранить завоеванное политическими учреждениями. Султан всенародно объявил, что все жители, которые еще продолжают скрываться, могут спокойно выходить из своих убежищ; все бежавшие из города, могут возвращаться в свои дома и заниматься своими прежними ре-

меслами. А потом, к изумлению всех своих подданных, повелел избрать и поставить, согласно древним традициям, нового патриарха на место умершего.

Первым Константинопольским патриархом (после турецкого завоевания) стал Геннадий Схоларий. Султан Мехмед II почтил его такими же дарами, какие патриархи обычно получали и от византийских императоров: 1000 червонцев, серебряным пастырским посохом и камлотовой рясой. А чтобы воздать ему еще бóльшую честь, повелел посадить его на богато убранного белого коня. Со временем султан разделил все христианские храмы на две равные части, и одни повелел обратить в мечети, а другие оставил при их прежнем назначении. Следует отметить, что и впоследствии турки никогда не запрещали грекам совершать христианские обряды и богослужения.

Сначала патриарх Геннадий Схоларий имел местопребывание в церкви Святых Апостолов, когда же храм был разрушен, местопребывание патриарха было перенесено в монастырь Божией Матери Паммакаристы (Всеблаженнойшей), располагавшийся на одном из холмов в районе Фанар. Церковь и сама женская обитель были устроены в XII в. императором Иоанном Комнином.

«Возведение церкви Богоматери Паммакаристы относится ко времени, которое в истории византийского искусства называется «периодом Возрождения». Он характеризуется значительным вниманием, которое уделялось наружной отделке и украшению церковных построек, в то время как в более ранние периоды больше заботились о внутренней красоте зданий. Гармоничные, пропорциональные и логически завершенные общие контуры заметно отличали церковь Богоматери Паммакаристы от других храмовых построек Византии. Это впечатление еще больше усиливалось благодаря легкому каменному

кружеву карнизов, которое мягко и в то же время четко расчленяет фасад на горизонтали.

В XIV в. один из куполов храма украшала прекрасная мозаика, изображавшая Иисуса Христа и апостолов. Глубоко человеческое выражение лица Спасителя, оригинальные и своеобразные в своем портретном изображении лица каждого из апостолов, смелые и выразительные ракурсы, в которых взяты их фигуры, — резко отличали мозаику церкви Богоматери Паммакаристы от застывшей мозаики XI—XII вв».

В XII в. храм был реконструирован византийским савновником Михаилом Дукой и его женой Марией — сестрой императора Алексея I Комнина, а в следующем столетии церковь стала женским монастырем.

Здесь в монастырских зданиях в 1455—1591 гг. располагалась Греческая патриархия, в которой патриарх пребывал в особой «божественной патриаршей келье». При

Церковь Богоматери Паммакаристы

храме была устроена скевофилаксия, в которой хранились священные сосуды и одежды, официальные церковные кодексы и султанские грамоты, пожалованные Константинопольской Церкви. В частности, здесь хранился тот «Кодекс Великой церкви», в котором записывались протоколы избрания новых патриархов и архиереев, акты их отречения от кафедр, синодальные определения и другие церковные документы.

На первых порах патриарший храм славился своим благолепием, имел много прекрасных икон (с образами Спасителя, Пресвятой Богородицы, Иоанна Предтечи, святых пророков, апостолов и святых Отцов Церкви) и святых мощей — праведной Соломонии (матери братьев Маккавеев), святой Евфимии и др. Патриаршие клирики, видимо, перенесли сюда и много священных предметов, ранее принадлежавших богатому храму Святых Апостолов.

При патриархии была устроена и небольшая библиотека: известен каталог ее середины XVI в., который перечислял более пятидесяти бесценных рукописей.

При патриархе Дионисии II в западной части монастыря были устроены четыре кельи вверх и четыре вниз; в самом храме устроено два аналая, приобретены многие ценные предметы. Такое же попечительство о патриархии было и при патриархе Иоасафе II (1555), который уже через несколько дней после занятия престола распорядился снять ограду вокруг монастыря, состоявшую к тому времени из старых и сгнивших досок, и построить новую — из камней и кирпича, покрыв их черепицей. После это патриархия стала представлять собой крепость, окруженную оградой.

При патриархе Иоасафе II были построены также два больших прекрасных дома (около «патриаршей божественной кельи»), устроены кухня и мельница. Для церкви патриарх приобрел серебряную чашу, два больших

серебряных подсвечника и другие драгоценные священные предметы.

Особенно же прославился заботами о патриархии святейший Иеремия II, при котором в годы первого его патриаршества (1572—1579) в храме Божией Матери Паммакаристы появились резной, покрытый золотом иконостас (вместо старого и разрушившегося), Царские врата с изображением Благовещения Пресвятой Богородицы и др.; была устроена другая «божественная патриаршая келья», которую присоединили к первой. В новой келье был водружен прекрасный патриарший трон, а весь храм украсился большими и малыми иконами, перед которыми были повешены лампы; были отполированы колонны храма и все порфиновые и мраморные украшения, повешены четыре прекрасные серебряные с золотом лампы. И храм так преобразился, что поистине исполнилось священное слово: «Церковь — небо многоцветное».

Однако уже в правление султана Баязида II начались гонения на клириков патриархии. Из храма были изъяты евангелия с украшениями, серебряные кадила и посохи, богатые иконы, священные покрывала и многое другое. При патриархе Дионисии II с колокольни храма сняли крест, который был далеко виден с суши и с моря и по которому каждый христианин узнавал Патриархию. «И когда его сняли, была великая печаль среди христиан».

В конце XVI в., когда патриарх Иеремия II был в изгнании на острове Родос, монастырские здания были отняты у православных под мечеть. Потом часть монастырских построек уничтожил пожар, а оставшееся было растащено. Теперь на одном из холмов Фанара расположена мечеть, которую султан Мурад III назвал Фетхиеджами («Мечеть победы») в память о завоевании Азербайджана и Грузии. И это все, что осталось от огромно-

го женского монастыря Божией Матери Паммакаристы. Лишь часовня в южной части Фетхие-джами открыта для посетителей как музей.

Внутри часовни сохранились витражи и мозаика, относящаяся к XIV в. В куполе изображен Христос Пантократор («Вседержитель») в окружении двенадцати пророков. В абсиде можно увидеть Иисуса Христа Сверхдоброего с Богородицей, Иоанном Крестителем и архангелами Михаилом, Гавриилом, Рафаилом и Урией. В восточной части купола запечатлено Крещение Господне, а в углах и арках изображены некоторые святые и первосвященники.

Каменные строения, где сейчас размещается Греческая патриархия, образуют квадрат, посреди которого находится скромная патриаршая церковь, возведенная во имя святого Георгия Победоносца. Храм был построен Константинопольским патриархом Иеремией II, который в 1588—1589 гг. посетил Москву и участвовал в учреждении Русского патриаршества и поставлении первого Патриарха Московского и всея Руси святителя Иова. На средства, пожертвованные русским царем Федором Иоанновичем, он по возвращении в Константинополь и возвел этот храм.

Патриаршая церковь со старинным иконостасом из черного дерева и старинными образами греческого письма не очень большая. Среди святынь этого храма можно назвать мощи преподобной Евфимии Всехвальной, праведной Соломонии, часть колонны Бичевания — того столба, к которому был привязан Иисус Христос, когда Его истязали в Претории. Святыню эту привезла из Иерусалима императрица Евдокия. Здесь же находятся камень, на котором апостол Петр горько плакал о своем троекратном отречении от Иисуса Христа, а также кафедра Иоанна Златоуста — вся из черного дерева с резьбой из слоновой кости. Эта кафедра, с которой Иоанн

Златоуст произносил свои поучения, и до настоящего времени служит престолом Вселенским как единственный залог славы древнего Царьграда...

Обелиски Атмейдана

Площадь Атмейдана в настоящее время является местом массовых гуляний, и о бывшем Ипподроме напоминают только сохранившиеся на ней колонна Феодосия Великого, Замурованная (Золотая) и Змеиная колонны. Все остальное или разрушено, или погребено под многометровым слоем наносной земли.

Обелиск Феодосия Великого (Египетская колонна) весит 600 т и представляет собой монолит из розового сиенского гранита (высота — 25 м, ширина у основания — 2 м). Иероглифы, вырезанные по сторонам обелиска, указывают, что когда-то он был еще выше. Этот обелиск в XV в. до н.э. воздвиг в Гелиополе фараон Тутмос III¹. Надпись на нем описывала победы фараона, который был изображен и на трех сторонах памятника, — молящийся, преклоняющийся перед богом Амон-Ра и приносящий ему жертву.

Императоры Констанций II и Юлиан задумали перевезти обелиск в Византию, и уже были начаты подготовительные работы, но осуществить это сумел только император Феодосий I. В 390 г. он приказал перевезти колонну в Константинополь, для чего была построена специальная дорога, которая шла от Железных ворот на берегу Пропонтиды к плоской возвышенности Ипподрома. Обелиск поставили на четырехугольный пьедестал (высотой 6 м), покрытый мраморными плитами с изваяниями, изображавшими жизнь и подвиги императора.

¹ По другим сведениям — в некрополе храма Карнак.

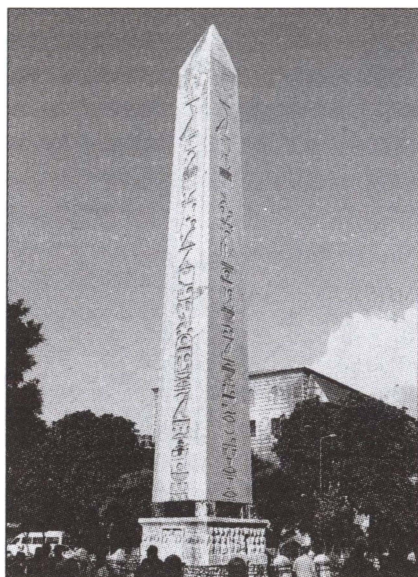

Площадь Атмейдана

Теперь колонна стоит на четырех бронзовых кубках, которые установлены на мраморном основании, украшенном рельефами. На пьедестале по-латыни и по-гречески выгравирована надпись: «Феодосий I, с помощью префекта претории Прокла, воздвиг эту четырехугольную колонну, лежавшую на земле».

На нижней части северного барельефа, обращенного к фонтану германского императора Вильгельма II, изображены подготовительные работы по установке обелиска; кроме того, были найдены две эпитафии, написанные на греческом и латинском языках. В верхней части этого барельефа — император Феодосий I и его супруга Евдокия, а рядом с ними — царедворец Гаина, могущественный предводитель готов.

На западной стороне Египетского обелиска изображены император Феодосий, сидящий на троне; налево от

Обелиск Феодосия Великого
(Египетская колонна)

него — его супруга, направо — его сыновья Гонорий и Аркадий; ниже — побежденные враги, которые идут чувствовать императора и преподносить ему подарки.

На восточном барельефе тоже изображены император Феодосий и его сыновья, присутствующие, видимо, при награждении, так как в руках император держит венок, предназначенный для победителя. Музыканты играют на древней лире (инструменте вроде гобоя), на двойной лидийской флейте и на мифологической флейте с семью отверстиями (так называемой «флейте бога Пана»).

В верхней части южного барельефа изображены император Феодосий Великий, налево от него — его сыновья, направо — Валентинан II (брат его супруги Евдокии); все смотрят бег колесниц.

На Египетском обелиске из мрамора было высечено много изображений, и одно из них изображало падающего вниз человека. Но еще задолго до того было распространено пророчество, что к подножию обелиска повергнут одного государя, таким образом в действительности повторилось то, что было показано в изваянии. Здесь мы подробнее расскажем о гибели Мурзуфла, который был уличен во многих злодеяниях, в особенности же в убийстве юного императора Алексея.

Когда тиран с несколькими своими спутниками хотел бежать и уже пробирался на другую сторону пролива, рыцари схватили его и привели к императору Балдуину, который очень обрадовался этой добыче.

Император созвал своих баронов, чтобы решить, как поступить с человеком, который поднял руку на своего государя. Все утверждали, что преступника следует казнить самой тяжелой казнью и чтобы весь народ был свидетелем исполнения правосудного приговора. Мурзуфла возвели на Египетский обелиск и сбросили вниз, так что он совсем разбился.

Египетский обелиск сохранился лучше других, как и остальные памятники, привезенные из Египта, хотя они и самые старые. До наших дней они дошли почти в своем первоначальном виде, лишь с небольшими повреждениями. Памятники даже позднейших времен гораздо сильнее пострадали от времени и варварского невежества. Обелиск Феодосия такой же прекрасный, каким он вышел из рук мастера в древние времена. Этот обелиск турки считают талисманом своего владычества над Стамбулом.

Змеинная колонна (высота ее в настоящее время составляет 5,5 м, раньше равнялась 8 м) является древнейшим греческим памятником Стамбула. Колонна изображала

трех змей, которые были отлиты из бронзы, взятой как добыча после победы над персидским царем Ксерксом, так как по традиции бронзовые змеи сбрасывались со щитов павших персидских воинов. В науке велись долгие споры о происхождении колонны, и только в 1865 г., когда в результате раскопок отрыли ее основание, надписи на ней окончательно установили ее историю.

Стояла колонна на каменном кубе, который потом скрылся под землей, и представляла собой трех змей, слившихся винтообразно в одну. На скрученных кольцах змей по-гречески были написаны приводимые Плутархом названия городов, участвовавших в войне с персами. Когда-то змеи поддерживали знаменитый золотой треножник, пожертвованный храму Аполлона в Дельфах в память побед Фемистокла и Павсания над персами (в битвах при Саламине и Платеях). Диаметр золотой вазы, которую некогда поддерживали головы трех змей, равнялся трем метрам.

По народным преданиям, Змеиная колонна обладала волшебной силой. В Константинополе было много змей, от которых горожане сильно страдали. Но как только колонна появилась в городе, все змеи тотчас погибли. Но еще в первой половине XV в. была жива память о них, и русский паломник иеродиакон Зосима в 1420 г. так писал о Змеиной колонне:

«И возле стоит столп, три главы аспидовы медные сплетены вместе, а в них запечатан яд змеиный. Те, кого ухапит змея внутри града, прикасаясь к сим, исцеляются. А если вне града, то несть исцеления».

Змеиная колонна (как и многие другие произведения греческого искусства) была привезена императором Константином для украшения новой столицы. Но что-то роковое чудится в предании, будто Мехмед Завоева-

тель, назвавший столицу Востока третьим именем, в день вступления в Константинополь отсек своим ятаганом третью голову змеи. По сообщениям ксендза Симона Старовольского, колонна эта была «делом чародитвенным, чтобы турок чаровать», вот султан и решил уберечь своих подданных от колдовства. Однако в науке эта версия считается вымышленной, так как султан Мехмед II умел ценить искусство. Скорее всего, голову третьей змеи отсек кто-то из его преемников, потому что в народе существовала устойчивая молва, что внутри памятника спрятаны огромные богатства.

В настоящее время одна из змеиных головок экспонируется в Стамбульском музее, другая хранится в Британском музее в Лондоне; третья головка исчезла, и местонахождение ее неизвестно.

От акведука императора Валента к Змеиной колонне шли водопровод и свинцовые трубы, на основании чего некоторые исследователи предполагали, что она использовалась как фонтан.

Замурованная (или Золотая) колонна стояла на той же продольной оси Ипподрома и представляла собой квадратный обелиск (высотой 25 м), состоявший из больших кусков белого песчаника. Она была воздвигнута в 940 г. в правление императора Константина VII Багрянородного и облицована бронзовыми позолоченными плитами с барельефами, изображавшими подвиги Василия I Македонянина (деда императора). Вершину колонны венчал бронзовый шар. Надписи, высеченные на основании колонны, указывали, что современники называли ее «чудом, соперником Колосса Родосского». Захватившие Константинополь крестоносцы содрали бронзовую облицовку колонны, чтобы начеканить из нее монеты. И теперь на Золотой колонне видны дыры, в которых когда-то находились железные скрепы, поддерживавшие ее облицовку.

И янычары опрокинули котлы...

Янычарское войско «Оджак» было основано при султани Орхане (1326—1359) из пленных христиан, которых насильно заставляли принять мусульманскую веру. Оторванные от семей христианские мальчики проходили обучение военному делу и после зачисления в янычарский корпус получали высокое жалованье. Им запрещалось жениться, а также заниматься ремеслом и торговлей.

Шейх Ходжа Бекташ, человек святой и уважаемый, благословил эту новую рать, возложив свой белый суконный рукав на головы воинских начальников и назвав ее «Ени чери» («Новое войско»). Они признали его своим патроном и в память этого благословения командиры янычар носили на чалме белый лоскуток сукна.

Янычары

С войском янычар турецкие султаны быстро завоевали огромные территории, что ужаснуло и потрясло всю Европу. В нем можно видеть одну из главных причин успехов Османской империи, но со временем янычары сделались и основной причиной падения многих султанов. Благодаря янычар за службу, они осыпали их столь многими милостями и привилегиями, что те, почувствовав свою силу, возгордились и сами стали распоряжаться судьбой султанов.

Русский посланник П.А. Толстой еще в 1703 г. писал о турках: «Состояние народа турецкого суть гордое, величавое и славлюбивое, а паче возносятся от того, что во время кровавых войн, союза ни с кем для помощи себе не имеют и не требуют». Посла поражала еще и склонность турок «к междоусобному государственному смятению», а также то, что турки «глаголют о себе яко суть народ свободный, чего ради и высочайшие их особы имеют к... народу ласкательство и склонность не так от любления, как бояся их бунту».

Первой жертвой янычар стал султан Баязид II, которого они умертвили, чтобы освободить трон его сыну Селиму I. Впоследствии восшествие на престол каждого султана обычно сопровождалось возмущением янычар. В начале XIII в. Мустафа II вынужден был бежать в Адрианополь, но потом он был схвачен и заключен в тюрьму. Убив двух муфтиев, мятежное войско наполнило Стамбул огнем и кровопролитием, перерезало множество вельмож, побросало в море султанских жен и среди пламени и крови, среди стонов и дыма возвело на престол султана Ахмеда III.

С этого бунта начинаются непрерывные мятежи, которые стали происходить не только при смене на престоле султанов, но и в период их царствований. Янычары постоянно требовали новых привилегий, самовольно сме-

няли начальников. Некоторые султаны, чтобы ослабить силу янычар, хотели было уменьшить численность их войска, но сделать это им не удалось. Те не только не позволили ослабить себя, но, наоборот, — число их постоянно увеличивалось, могущество возрастало, бунтарский дух все сильнее укоренялся в их сердцах, и султаны становились чуть ли не игрушкой в их руках.

Султан Селим III, будучи человеком просвещенным, нрава кроткого и души высокой, хотел постепенным введением европейских обычаев и знаний смягчить нравы своего народа и войска. Он сформировал регулярный корпус, одел солдат в военное платье, построил им в Скутари прекрасные казармы. Но мятежные янычары с неудовольствием смотрели на это нововведение, названное «Низами Джеддид» («Новый Устав»). Вскоре вспыхнул бунт, султана Селима III заключили в Сераль, а вместо него султаном провозгласили Мустафу IV — человека с совершенно противоположным характером.

Из угождения янычарам (или по своим собственным убеждениям) он немедленно отменил все распоряжения своего предшественника и вскоре своими жестокостями заставил жалеть о султани Селиме III, который имел много приверженцев. Главой их был Мустафа Байрактар — суровый и грубый воин, но с душой пылкой, сильной и преданной. Прежде он командовал шайкой разбойников, грабивших по Дунаю. Правительство, не имея возможности наказать его за прошлые злодеяния, решило пригласить Байрактера на службу и поручить охранять те самые берега, которые он прежде грабил.

На новом поприще Байрактар привлек внимание султана Селима III, который сделал его пашой Рушука, и бывший разбойник из чувства благодарности всей своей суровой душой привязался к султану. Когда он узнал о низвержении своего благодетеля, то тайно пришел со своими войсками в Стамбул и подступил к Сералю. Яны-

чары не решались начать с ним сражение, однако и ворота не отворяли, так что Байрактар вынужден был ломать их одни за другими, чтобы добраться до темницы, в которой султан томился уже шесть месяцев.

Когда ничего не подозревавшему султану Мустафе IV сообщили о мятеже в пользу Селима III, он быстро послал умертвить несчастного пленника. Тот совершал намаз, когда посланный евнух вошел в его темницу. Убийца набросился на Селима III посреди молитвы, султан вскочил и хотел защищаться, но евнух так крепко стиснул его, что несчастный от жестокой боли упал в обморок.

В это время Байрактар, выломав все ворота и опрокинув все преграды, вбежал во дворец и громко потребовал выдать ему Селима III. Султан Мустафа IV со злобной радостью отвечал, что желание его будет исполнено, и через несколько минут труп Селима III, исколотый кинжалами, был брошен перед Байрактаром. Суровый воин с отчаянным криком упал на тело своего повелителя, целовал ему руки, и слезы лились у него из глаз.

Но Мустафа IV напрасно радовался, видя смерть одного из своих соперников и каждую минуту ожидая весть о смерти своего другого брата — Махмуда, которого он тоже приказал убить. Но того нигде не могли найти, а между тем капыдан-паша Сеид-Али (сторонник Байрактара) велел схватить самого султана Мустафу IV. Солдаты ворвались на женскую половину дворца и вырвали султана у одалисок. И тут наступила драматическая минута: если Махмуд уже не существовал, то Мустафа IV оставался единственным человеком, кто имел право на престол. Однако озлобленный Байрактар поклялся, что убьет его в любом случае, пусть даже погибнет империя.

Но Махмуд был жив. В опасную минуту одна из невольниц спрятала его в темном углу гарема — под тю-

фьяками и подушками. Отсюда Махмуд был взят и посажен на трон. Став султаном, он первым делом сделал Байрактара визирем, а потом повелел казнить зачинщиков янычар и побросать в море жен Мустафы IV. Самого же его он пощадил, но мятеж продолжался и янычары в течение трех дней облили улицы города кровью, подожгли дворец великого визиря и не переставали провозглашать султаном Мустафу IV. Советники уговаривали султана Махмуда в необходимости этой жертвы, тот долго колебался, но потом Мустафа IV все же был умерщвлен. Мятеж янычар прекратился, но храбрый Байрактар во время усмирения его погиб.

Махмуд готовил уничтожение янычарского войска постепенно, прислушиваясь к советам своего любимца Халета, который занимал скромную должность «хранителя султанской печати», но был сильным и влиятельным вельможей его двора. Султан вроде бы сквозь пальцы смотрел на бесчинства и жестокости янычар, чем поселял в народе ненависть к ним. Успех таких мер оказался необыкновенным: ничего не подозревавшие янычары свирепствовали больше, чем когда-либо — устанавливали незаконные поборы, заставляли возводить для себя дома, разбойничали на улицах...

Увидев, что чаша народного терпения переполнена, султан Махмуд перешел к решительным действиям. В мае 1826 г. в доме муфтия два раза собирался чрезвычайный совет, на котором военные сановники и духовные иерархи рассматривали проект об учреждении регулярного войска. После заседаний совета было объявлено, что каждая янычарская орта (полк) должна дать 15 человек для обучения регулярной службе. Янычары сначала охотно вызвались учиться, но потом увидели, что регулярное войско ничем не отличается от «Нового Устава» султана Селима III. Утром 4 июня 1826 года 25 000 янычар (из 100 000 на-

ходившихся в Стамбуле) опрокинули котлы¹ и выбежали из казарм, решившись на открытый мятеж. Часть их собралась на площади Ат-Мейданы, другие рассыпались по улицам города, третьи бросились поджигать дом великого визиря.

Дав им побуянить, султан Махмуд приехал из своего загородного дворца в Сераль, где главные чиновники двора уже собрались на чрезвычайное совещание. Они лично вручили великому визирю и муфтию «Санджак-Шериф» («Знамя Пророка»), открыли арсенал и раздали правоверным оружие. Разосланные глашатаи призывали горожан встать под «Знамя Пророка». Местом сбора всех султанских сил была назначена мечеть султана Ахмеда I.

Силы султана Махмуда II состояли из нескольких недавно сформированных регулярных полков, обученных европейскими офицерами. Янычары рассчитывали на бродяг и носильщиков Стамбула, султан же верил в священный «Санджак-Шериф» и был непреклонен, глядя на все происходившее из дворца Топкапы. Когда было развернуто священное знамя, Гусейн-паша и Магомет-паша повели свои отряды на янычар, а имамы стали молиться, чтобы Аллах послал им свое благословение. Вооруженный народ толпами бежал поклониться «Знамени Пророка», вливаясь по пути в ряды защитников порядка.

Янычары, привыкшие к уступчивости правительств, сначала не хотели верить, что борьба будет длительной, и потому не предпринимали никаких мер, даже когда слышали о «Санджак-Шериф» и о наступлении султанс-

¹ Котлы для янычар были то же самое, что для европейских армий знамя. Они считали эти котлы святыней и символом своего братства и торжественно носили их на парадах и на поле битвы. Если на войне какой-нибудь полк лишался своих котлов, то командиров этого полка разжаловали в солдаты. Опрокидывание котлов было сигналом к бунту и означало, что янычары не желают больше есть приготовленный в них плов до тех пор, пока не будут удовлетворены их требования.

кого войска. В стане бунтовщиков царили беспорядок и полное безначалие, но сопротивлялись они мужественно. Однако войска султана Махмуда II одержали верх и оттеснили янычар на площадь Ат-Мейданы, где они представляли верную мишень для пуль и картечи. Окружавшие площадь казармы были подожжены, между тем как войско и народ начали резать мятежников. Кто из них не был убит в сражении, тот погиб в пламени пожара.

Около полудня все было закончено, и площадь покрылась горами трупов (10 000 янычар). Однако подавлением мятежа дело не закончилось, и на другой день муэдзины возвестили с минаретов, что после полуденного намаза будет читаться султанский указ. Собравшийся народ с удивлением услышал, что (согласно решению улемов) войско янычар навсегда уничтожается, и само имя янычар предается забвению. Указ этот был разослан во все концы Османской империи, чтобы и областные паши истребляли у себя всех, кто принадлежал к янычарскому корпусу.

Аресты и казни янычар продолжались долго. Несчастных хватали везде, где бы они ни укрывались переодетые и под чужими именами. Палачи врывались и в дома людей, связанных с мятежниками; резали и душили, кого хотели, а трупы бросали в воду или свозили на площадь Ат-Мейданы. Несколько дней Стамбул был похож на одно огромное место казни, а ночи были и того страшнее. Достаточно было ошибки, предлога или доноса со стороны недруга и завистника, чтобы погубить целую толпу невинных. Из всех горожан только палачи не испытывали тогда ужаса...

В Стамбуле погибло тогда 25 000 янычар, не считая их жен, которых утопили, когда перевозили на азиатский берег. Трупы мятежников покидали в Босфор, но ветер переменял направление, и многие тела были принесены морем обратно. Городская гавань во многих местах была

забита телами погибших, воздух и вода отравлены, и еще долгое время стамбульцы вынуждены были отказываться от рыбы.

Стамбульские базары

Неотъемлемую часть облика Стамбула составляют базары, которых в городе всегда было много — в большинстве своем крытых и чаще всего специализированных. Существовали рынки по продаже мяса и рыбы, овощей и фруктов, мехов и тканей, ювелирных изделий и т.д. Как правило, восточные рынки представляют собой лабиринты улочек и переулков со сводчатыми крышами. Десятки лавок торговцев и ремесленников составляли рыночный комплекс, где с раннего утра начиналась обычная для восточных базаров шумная и суетливая жизнь. Строились такие рынки в основном по проектам известных архитекторов, в частности, по проекту знаменитого Синана был сооружен рынок Тирьяки.

В системе торговых центров средневекового Стамбула особое место занимали бедестаны — массивные каменные здания с железными решетками. Французский путешественник С. Морис в XVI в. так описывал первый бедестан:

«Это место в Константинополе, где золотых и серебряных дел мастера, ювелиры и торговцы тканями, затканными золотом, и другими ценными вещами выставляют для продажи свои товары. Оно состоит из двух больших крытых помещений, окруженных стенами толщиной в шесть футов. В стенах имеются четверо двойных дверей (одни против других), соединенных сводами. Сами помещения также сводчатые, а купол поддерживается двадцатью четырьмя колоннами. Там есть мно-

жество маленьких лавочек, встроенных в стены и пилястрах, — нечто вроде шкафов в шесть футов шириной и четыре фута длиной. Перед ними стоят маленькие столики, чтобы выставлять товары на продажу. Доступ к бедестану ограждается железными воротами, которые запираются поздно, а открываются рано».

Богатства бедестанов были неисчислимы: монеты, драгоценные камни, всевозможные украшения, шелковые ковры, роскошные вышивки, золото, оружие. И все это, на европейский взгляд, сложено самым странным образом — в более или менее скрепленных железом еловых ящиках с очень незамысловатыми замками. И несмотря на это на бедестане не было воровства. К тому же купцы и другие владельцы товара содержали большое количество сторожей.

Некоторые стамбульские базары устраивались на базе рыночных комплексов Константинополя. Так, на месте нынешнего Аврет-базара (Женского рынка) находился форум Аркадия, на котором (как говорилось ранее) в 421 г. император воздвиг колонну в честь своего отца Феодосия I и с его статуей. Колонна от основания до вершины была украшена барельефами, изображавшими победы императора Феодосия Великого над скифами. Этот памятник стоял на своем месте до 1719 г., а потом во время землетрясения упал на землю. Само же основание, на котором стояла колонна, сохранилось и доселе остается на своем месте. В прошлом оно долгое время служило жилищем одному турку, который за небольшую плату открывал свой приют любопытным.

Неподалеку от форума Аркадия располагалась площадь Быка, которую часто называли просто Быком. Свое название площадь получила от громадного бронзового быка, который иногда служил печью для сожжения преступников. Ныне эта местность известна под названием Ак-Сарай.

На базе константинопольского рынка возник и сохранившийся до нашего времени **Капалы-чарши** (Крытый рынок) — самый большой в Стамбуле. Построенный в 1461 г. султаном Мехмедом II с целью упорядочения дел и безопасности городских торговцев, он «состоял из длинных, широких и перепутанных между собой коридоров под высокими арками, куда свет проникал через отверстия, сделанные в кровле. Своды и стены рынка были расписаны цветами и фруктами, по обеим сторонам галереи устроены поставцы, но так, что оставалась дорога посередине. На прилавке у каждого поставца сидит купец... Позади него крупный товар уставлен по стенам, а мелкий — в неуклюжих стеклянных ящиках возле него — на прилавке, где все сбито грудой... Снабженный

Капалы-чарши (Крытый рынок) —
самый большой в Стамбуле

крышею и охраняемый от ветра, этот базар служит целый день прибежищем многочисленным толпам народа. В летнюю жару он особенно приятен. Все спешат из душной атмосферы некрытой улицы в его освежительную прохладу. Тогда он похож на подземный город, кипящий хлопотливым населением многих тысяч людей, которые шумят, покупают и продают в холодном полусвете сумерек. Торговали здесь решительно всем — благовониями и драгоценностями, тканями и обувью, булатными клинками и старинными рукописями»¹.

Не раз перестраивавшийся и расширявшийся после больших пожаров и землетрясений Капалы-чарши к началу XVIII в. был реконструирован в том виде, каким мы его видим сегодня. А к концу столетия, когда была сооружена его основная часть (бедестан), он превратился в целый торговый городок площадью 30 702 кв. м. Описание этого гигантского рынка встречалось в книгах всех путешественников, побывавших в Стамбуле.

В Капалы-чарши легко заблудиться, так как в нем сосредоточены тысячи лавок и мастерских, несколько складов и фонтанов, несколько маленьких мечетей и одна большая... В 1704 г. при султани Ахмеди III был устроен Старый бедестан («Базар оружейников»), который представляет собой сооружение со сводами и куполами, опирающимися на колонны. Площадь, которую занимает этот бедестан, равняется 1336 кв. м. Здесь торгуют наиболее ценными и дорогими вещами; а в прежние времена в подвалах магазинов в железных сундуках хранились сокровища ювелиров и драгоценности горожан. На Старом бедестане продаются и антикварные вещи, поэтому он еще называется «Базар редкостей».

Турецкие купцы торжественно восседали на своих местах, почти не обращая внимания на покупателей, кото-

¹ Описание взято из книги «Константинополь и турки».

рые с изумлением пробирались среди всего этого богатства. Филигранные серебряные и золотые изделия Египта, алмазы Голконды, бирюза из Сингапура, рубин, жемчуг, кораллы, браслеты, ожерелья, кольца — все свидетельствовало и свидетельствует о пристрастии восточных народов к украшениям. Здесь же можно было увидеть восхитительно маленькие туфельки, расшитые золотыми нитями; халаты, персидские шали, шелковые женские плащи, покрывала, расшитый яркими цветами бархат, ковры, изделия из слоновой кости, всевозможные диковинки... Недаром говорится: «Если вы не найдете на Капалы-чарши нужной вам вещи, значит, в мире ее вообще не существует».

На «Базаре оружейников» не разрешалось курить трубку, потому что этот бедестан составлял гордость мусульманина, привыкшего считать дорогое оружие единственной роскошью, которая позволена каждому человеку. Если повезет, вы можете найти здесь старинные изделия и костюмы, древние монеты, византийскую керамику, оружие и мечи... Французский писатель Теофиль Готье писал: «Неисчислимы сокровища, заключенные в Базаре оружейников. Тут вам покажут дамасские сабли и уверят, что они из числа тех, которыми султан Салах-ад-Саладин налету разрубал пуховые подушки в присутствии Ричарда Плантагенета. Здесь есть булатные мечи, которые в руках искусного воина могут врубиться в наковальню, будто в мягкое дерево. Есть тут и заколдованные мечи — со словами молитвы на клинке, с зарубками на своей тупой стороне, которые означают число убитых врагов. На стенах висят ятаганы, столь крепкие и острые, что могут проколоть толстый панцирь, словно это листок бумаги. Здесь вам покажут кинжалы с рукоятками только из драгоценных камней и бердыши, которые поднимались, может быть, в руках Тамерлана или Чингисхана и которыми они одним махом разбива-

ли шлем и череп противника. Весь живописно-свирепый арсенал раскидывается перед вашими взорами, и когда луч солнца, прокравшийся с высоты свода, падает на все это собрание стали, золота, сапфировых звезд, бриллиантовых лун, серебра и меди — весь базар блещет и оживляется, поражая дух ваш невыразимым смятением».

Правда, может оказаться, что «средневековые» ружья и пистолеты сделаны в соседних мастерских, но даже подделка здесь прекрасна. Да что там оружие! Анализы и исследования показали, что некоторые из «доисторических» изделий, якобы найденные в турецкой земле и хранящиеся в крупнейших музеях мира, на деле тоже оказались подделками. Прекрасная имитация десятилетиями вводила в заблуждение ученых даже с мировым именем...

С Большим базаром, как и со многими другими местами Стамбула, тоже связано старинное предание.

Так как число бедняков в городе постоянно росло, султан Баязид II распорядился отвести на этом базаре место и им, чтобы они могли торговать своим старьем. Аллаху была угодна мысль благочестивого султана, и бедняки вскоре разбогатели. С тех пор среди старьевщиков Большого базара вошло в обычай каждое утро, перед началом торговли, собираться на общую молитву, в которой они обязательно поминают своего благодетеля. Если кто-то без уважительной причины уклонялся от общей молитвы, того артель исключала из своей среды.

Большой базар к настоящему времени несколько осовременился, но и сейчас, когда идешь мимо ювелирных лавок, в которых сверкают бриллианты, кольца, цепочки, серебряная филигрань, кажется, что попал в пещеру из сказок «Тысяча и одна ночь». Вокруг рынка разместились многочисленные постоянные дворы (хане) с

выходом в Капалы-чарши, и, таким образом, они составляют с ним единое целое. Ворота Большого базара запираются ровно в семь часов вечера, и на ночь в нем остаётся 50 сторожей.

На **Ясыр-базаре** продавали невольников и невольниц (в основном из Аравии и Грузии), и надо отметить, что покупали их не только мусульмане, но и христиане. Невольники содержались, как птицы в клетках. Покупатели осматривали их нагих с ног до головы — нет ли на теле каких-либо изъязнов или следов болезни. Женщинам цена назначалась в зависимости от их красоты, и часто богатые и знатные люди покупали их себе в жены.

В Турции всегда было много и пленных русских, которых в рабство в основном продавали татары. Главный рынок русских невольников был в Константинополе, где еще со времен Киевской Руси продавались русские рабы. После завоевания византийской столицы турками в гавань в иной день заходило по 3—4 корабля с русскими невольниками, которых потом продавали на торговых площадях Стамбула.

Истинным украшением Константинополя был и нынешний **Чирчи-базар**, тоже представляющий собой бесконечный лабиринт коридоров, под низкими и мрачными сводами которых расположились лавки со всевозможным товаром: восточные ткани, туфли, ковры, книги, ювелирные изделия... И тут же тесно скучились ссудные кассы, пивные и кухмистерские, хозяева которых под самым носом проходящей публики поджаривали на ярком огне жирный шашлык.

Кроме турок, в лабиринте Чирчи-базара торговало немало греков и евреев, которые выдавали себя за французов. Торговля в Константинополе, не облагаемая никакими налогами, давала простор для деятельности всяких наций. У посетителей разбегались глаза от массы всевозможных товаров и разнохарактерных физиономий. Ту-

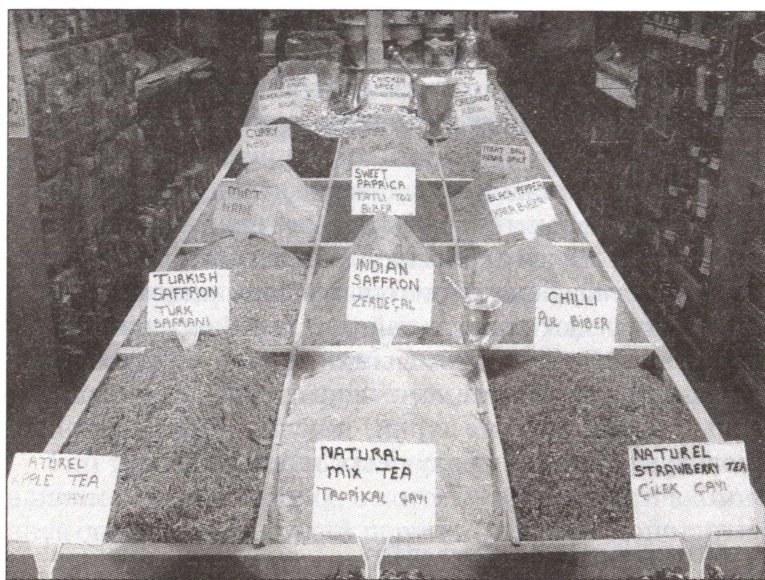
рецкие продавцы научились узнавать русских и сразу окликали их: «Хады сюда!» и «Чево хочешь?» Русских всегда встречали приветливо, но это не мешало торговцам запрашивать безбожные цены, поэтому торговаться надо было не жалея глотки.

В районе Эминеню расположился другой большой рынок Стамбула — **Мысыр-чарши** (Египетский), история возникновения которого очень любопытна.

В царствование султана Мехмеда IV его мать Туркан Хатидже возвела неподалеку от Ени-джами медресе. Как-то раз решила она взглянуть, чем там занимаются софты. Занятий у них в тот день не было, и, собравшись все вместе в одной комнате, они весело болтали: «Хорошо нам в этом медресе. Жаль только, что султанша не позаботилась о развлечениях для нас!». Услышав такие разговоры, Туркан Хатидже на другой же день разогнала студентов, а медресе повелела превратить в базар.

Возведение Египетского рынка осуществлялось на деньги, которые в качестве пошлины платили купцы из Каира (прежде всего торговцы пряностями). Строительство начал архитектор Касым-ага, а завершил в 1663 г. зодчий Мустафа-ага. До сих пор еще с внутренней стороны дверей, обращенных на север, видны два знака, указывающих, что здание обращено в базар из медресе. Формой своей этот рынок напоминает латинскую букву «L»; когда в 1943 г. здесь производились реставрационные работы, деревянные лавки были снесены.

Рынок, имеющий шесть входных дверей и 86 магазинов, теперь известен больше под названием «Базар пряностей»: это настоящий музей восточных запахов — смолы, лекарств, трав, специй, духов, благовоний — как будто все земли Азии собрали здесь свои экзотические ароматы. Стручковый перец, сахарный тростник, им-

На «Базаре пряностей»

бирь, мускатный орех, фисташки из Алеппо, смолистая мастика с острова Хиос, восточные притирания для бровей, хна для волос, ладан, сандаловое и кактусовое масло...

Рассказывают, что, когда султан Абдул-Азиз вернулся в 1867 г. из заграничного путешествия, народ стал роптать, что он безрассудно тратит деньги. Чтобы убедить подданных в богатстве казны, султан повелел выставить на Египетском базаре мешки с золотом...

Над одним из входов в Египетский базар расположен знаменитый ресторан «Пандилли», которому больше 450 лет. Ресторан выложен голубыми изразцами, перемежающимися синими полосами. На стенах небольших, соединяющихся между собой залов висят тарелки; с высоких куполообразных потолков спускаются люстры; через окна, пробитые в невероятно толстой стене и за-

бренные решетки, доносится несмолкаемый шум стамбульских улиц. «Пандилли» знаменит на весь мир: сюда специально приезжают любители восточной кухни из Франции, Испании, Южной Америки, Японии и других стран.

В районе Эминеню добавляет свои ароматы к запахам пряностей, бастурмы и рыбы и Цветочный рынок. Рядом с ним разместился небольшой **Птичий базар**, потому что многие стамбульцы являются поклонниками птичьего пения и нередко в старых чайных, кофейнях или парикмахерских держат в клетках певчих птиц. Сохранился и обычай покупать птиц, чтобы выпустить их на волю: в старое время богатые турки, покупая раба, облегчали свою душу, давая свободу нескольким птичкам.

Очищение в хаммаме

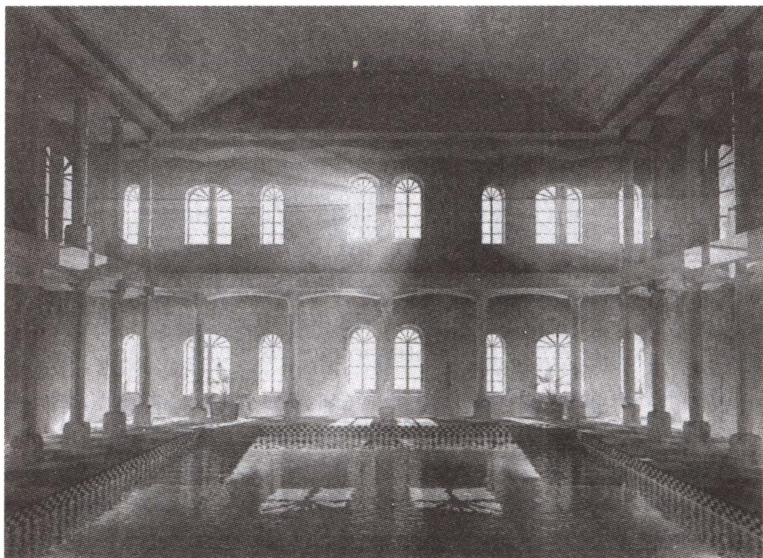
Подобно мечетям и рынкам, неотъемлемую часть облика Стамбула составляют хаммамы — общественные бани. В начале XIX в. один из путешественников отмечал, что «после мечетей первые предметы, поражающие приезжающего в турецкие города — здания, увенчанные свинцовыми куполами, в которых сделаны шахматном порядке отверстия с выпуклыми стеклами. Это «хаммамы», или общественные бани. Они принадлежат к лучшим произведениям архитектуры Турции, и нет городишка... где бы не было общественных бань, открытых с четырех часов утра до восьми часов вечера. В Константинополе их до трехсот».

Чистота для мусульман — неукоснительно соблюдаемое правило, потому что оно предписано Кораном. Без частых омовений ничего не значит и молитва Аллаху, поэтому ни для одного религиозного обряда нет таких подробных правил, как для «авдеса» (омовения). Оно быва-

ет разных видов: иногда моют все тело (это называется «гусль»), иногда же ограничиваются мытьем только «семи членов» («тегарет»). В странствиях по степям и пустыням и в других случаях, когда нельзя было достать воды, обряд омовения производился песком, а иногда приходилось довольствоваться одними движениями, совершаемыми при «авдесе». Обряд омовения считается до того важным, что отдельным пунктом включается в брачный договор. Согласно ему, муж обязан был давать жене деньги на баню, а если он отказывался, она могла пойти к кади (судье) и попробовать судом добиться признания своих прав. В противном случае могла потребовать и развод...

Тип турецкой бани сложился под непосредственным влиянием византийских, с которыми турки познакомились еще в сельджукский период. Завоевав Константи-

Хаммам — турецкая баня

нополь, они сначала пользовались византийскими банями, потом построили свои — почти в том же стиле и часто на тех же самых местах. Турки строят свои бани по прямоугольному плану; каждое отделение ее, как указывалось выше, покрыто куполом, усеянным маленькими круглыми отверстиями со стеклянными колпачками, сквозь которые и освещается внутренность помещения. В боковых стенах окон нет.

Султан Мехмед II построил Глубокие бани на том самом месте, где находились термы императора Константина. Располагаются они неподалеку от нынешней мечети Шах-заде и являются самыми старыми банями Стамбула. Как указывает название, расположены они ниже уровня улицы; здание их уже почернело от времени, а прежние темно-красные ворота замурованы.

Баня султанши Хюррем была построена между храмом Святой Софии и мечетью Сулеймана Великолепного. К мужской и женской половинам бани была сделана пристройка, значительно увеличившая длину здания (до 75 м). Вход в мужскую баню, располагавшийся прямо напротив Святой Софии, привлекал внимание своей оригинальностью; пол здания был выложен ценными породами мрамора. Пожар 1913 г. нанес большой ущерб бане Хасеки Хюррем, но произведенные в последние годы реставрационные работы должны были восстановить здание в его первоначальном виде. После ремонта в нем будет экспонироваться искусство ковров Анатолии.

Как правило, турецкие бани состоят из нескольких частей. В первом зале центральное место обычно занимал фонтан в виде раковин, укрепленных на вертикальном диске. Вода из них стекает уступами из самой верхней чаши и падает вниз водопадом... Вдоль стен и вокруг фонтанов стояли диваны, покрытые подушками или тро-

стниковыми рогожками, на которых посетитель может посидеть и покурить, пока «гаммаджи» (банщик) не позовет его раздеваться. Одежда тщательно увязывалась в шаль, которая связывалась концами и оставалась в нишах для раздевания до возвращения хозяина. Потом приходил «теллах» (парильщик) с двумя фартуками (теперь с полотенцами) и салфеткой: фартуки надевались посетителю на бедра, салфетку ему повязывали на голову.

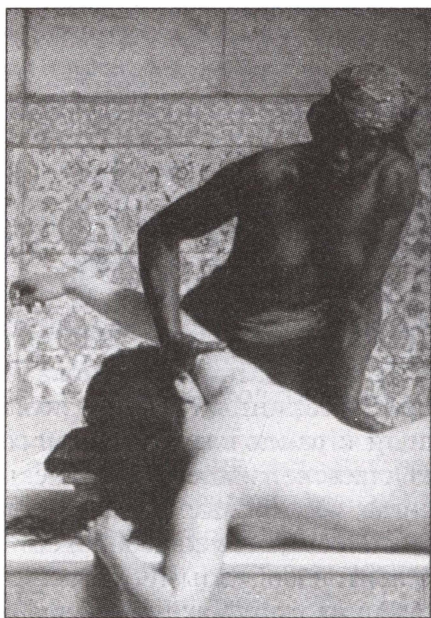
Потом посетителя вели в другое помещение, с более высокой температурой, но жар в нем распределялся так равномерно, что не чувствовалось никакой разницы. А когда тело постепенным повышением температуры подготовится, посетителя вели в третью комнату. В некоторых банях эта последняя комната была устроена очень изящно — украшена колоннами, пол ее устлан мрамором, который был таким горячим, что посетителю приходилось надевать кандуры (деревянные башмаки). В этом помещении находились мраморные бассейны с бронзовыми кранами для горячей и холодной воды, а в центре — круглое или восьмиугольное возвышение. Отопление чаще всего велось посредством подземных печей; из них горячий воздух проходил под мраморными плитами пола и по трубам в стенах. Таким же образом нагревалась и вода, поступавшая в залы. Иногда эту комнату наполнял такой густой пар, что ничего не было видно.

Когда вы посидели и походили в этом пару до выступления на теле сильного пота, к вам снова подходит теллах. И начинается старинный ритуал («кесе»), который до сих пор распространен в турецких банях. Этот обряд был принят в Османской империи еще во времена Средневековья, когда доблестные воины, возвращаясь из походов, снимали усталость в нежарких залах хаммама, бесстрашно отдаваясь в руки мускулистых и опытных теллахов, которые делают массаж специальной грубой суконкой.

Как же совершается обряд «кесе»? В третьем зале тебя распластывают на мраморном возвышении, как лягушку на препараторском столе. Порой клиент не успевает даже привыкнуть к пару и к контрастным температурам, как начинается главное таинство турецкой бани — смывание грязи и намыливание с массажем. Дюжий банщик, надев жесткие перчатки, скребет тебя вдоль и поперек, и надо отдать ему должное: он прекрасно разбирается в анатомии и физиологии — знаниях, необходимых, чтобы правильно очистить человека обоего пола. Он крутит и вертит все ваши члены, словно не хочет оставить в целости ни одного сустава.

В прежние времена (по рассказам бывалых людей) теллахи приходили в такой азарт, что приподнимали по-

Массаж в турецкой бане

сетителя с помоста за ноги, потом снова кидали его на горячий мрамор, а в довершение всего порой сами вскакивали ему на спину. Вы чувствуете, что спинные позвонки у вас словно бы сдвинулись с места, а тело горит огнем. Человеку непривычному это может показаться весьма странным, а разве русская баня с парной, полками, горячими вениками и последующим бросанием в снег не являла чужеземцам зрелище странное?

Потом другой теллах (иногда тот же) надевает на руки варежки и ловко, но бережно как бы выдавливает наружу и соскабливает остатки неприметной испарины, которая, засыхая, превращается в нечто, похожее на творог. Потом вас трут душистым мылом, а под конец всего обливают горячей водой. После обряда «кесе» вас насухо вытирают мягким, теплым полотенцем и ведут к дивану, где вы совсем нагой некоторое время отдыхаете под шалью. Вам принесут закуски, которые вы отведаете с большим аппетитом, после чего погрузитесь в полусонную негу, которая есть рай для жителей Востока. А когда вы встанете и оденетесь, то почувствуете себя заново рожденным...

Сразу же следует отметить, что в турецких банях не может быть никакого секса, и контакты с противоположным полом в них исключены. Здесь не встретишь и полностью обнаженного тела: для мужчин — обязательное полотенце вокруг бедер, для женщин — дополнительное вокруг груди. Однако так было не всегда, и порой физические контакты массажистов с неотразимыми красавицами приводили к продолжению отношений, и тогда баня превращалась в тайное любовное гнездышко... Мужские бани к тому же служили и другим целям, и в них изящные мальчики 15—17 лет обслуживали посетителей, расслабляя клиентов любовными утехами.

Теперь в турецких хаммамах исключены и возлияния, возможно, в память о печальной судьбе султана Селима II —

большого любителя охоты, вин, веселья и прекрасных женщин. Отец его, султан Сулейман Великолепный, в благоговении к заповедям Пророка против вина, приказывал держать на улицах котлы с горячим маслом и вливать его в горло всякому, кто попадется в нетрезвом виде. А Селим II завоевал остров Кипр с единственной целью — получать оттуда хорошие вина.

«Однажды султан пожелал устроить праздник в хаммаме и решил не допускать туда ни одну женщину, с которой уже делил ложе. И приказал, чтобы перед ним предстали только наложницы-девственницы, причем те должны были ожидать его обнаженными.

Девушки стали омыwać султана. Влажность и жара расслабляющее подействовали на охмелевшего и полного желания Селима II. Возбужденный от вида стольких молодых прелестниц не юный уже султан стал гоняться за ними, лаская всех без разбора. Горячие блестящие тела выскальзывали из его рук, как рыбки. Когда же султану удалось схватить одну из них, он поскользнулся и упал на мраморный пол. Его тотчас перенесли в опочивальню, но сердце, утомленное вином, утехами и влажной духотой хаммама, не выдержало. Султан умер в тот же день»...

Во многих турецких домах теперь тоже есть ванны, но все равно — два раза в неделю! — турки собираются в хаммамах, чтобы очистить свое тело. К тому же, наряду со своим прямым назначением, бани для жителей Стамбула до сих пор являются местом встреч и отдыха — чем-то вроде клуба, где после омовения можно проводить время в беседах за традиционной чашечкой кофе, покуривая трубку или кальян.

Для женщин хаммам тоже является частью общественной жизни, возможностью обсудить дела, поде-

литься новостями, посплетничать. Лишенные прежде возможности свободно прогуливаться по городу — разве только по необходимости и то под покрывалом в сопровождении мужа или брата! — они находили общество в банях, где проводили много времени.

В хаммам женщины собирались, как на пиршество или на праздник. Они наряжались в самые лучшие одежды, брали с собой кофе, кушанья и закуски, и нередко с пением и музыкой проводили в бане весь день. В хаммаме женщины предстают без драгоценностей, являя свою истинную красоту. Именно тут будущие свекрови выбирают невесток. После длительного пребывания в бане турецкая женщина, вся розовая и пахнущая благовониями, с покрашенными хной волосами и накрашенными ногтями (на руках и ногах) возвращается домой, готовая к долгой ночи в объятиях любимого мужа...

Если иностранец хотя бы по ошибке заходил в женскую баню, его ожидала смертная казнь. Однажды такая неприятность случилась с одним франком, которого тотчас схватили и потащили к кади. Дорогой какой-то прохожий надоумил несчастного притвориться помешанным. И тот так усердно неистовствовал, что судья вместо вынесения смертного приговора отпустил его с той нежностью и уважением, какие турки оказывают людям безумным. Потому что видят в них избранные сосуды, которые наделены от Аллаха чем-то лучшим и высшим, чем обыкновенный разум...

Археологический музей

В 1887 г. крестьянин из деревни Айя на одном из северных участков около Сайды (древний Сидон) случайно обнаружил старинные захоронения. Так была найдена королевская гробница, в которой сразу же начались

археологические раскопки, проводившиеся под руководством художника и любителя старины Османа Хамдибея. В результате их был открыт подземный некрополь, состоявший из двух пещер, которые в разное время использовались как гробницы. В них было обнаружено несколько саркофагов.

К тому времени собрания султанского музея, который еще в конце 1870-х гг. расположился в перестроенных зданиях Изразцового дворца, разрослись настолько, что встал вопрос о расширении экспозиции. Здания Археологического музея в том виде, как они дошли до настоящего времени, начали возводить в 1892 г. во время правления султана Абдул-Гамида II. Фасад Музея архитектор Валаури задумал под впечатлением, полученным от созерцания саркофагов Александра Македонского и «Плачущие женщины». Фасад украшен колоннадой, за которой виднеется огромная каменная фигура Геркулеса Финикийского.

В Археологическом музее два этажа: на первом разместились 20, на нижнем — 16 больших залов. В залах нижнего этажа экспонируются произведения архитектуры и скульптуры греческого, римского и византийского периодов; на верхних этажах выставлены небольшие фигурки и посуда из глины, собранные в результате археологических раскопок, проводившихся в разных районах Османской империи. Сюда же относятся и небольшие произведения из стекла и бронзы. Число этих произведений достигает 50 тысяч. Кроме того, в Музее имеются Монетный кабинет и архив, насчитывающий более 70 000 клинописей. На верхнем этаже находится и Золотая кладовая, экспонаты которой представлены различными ювелирными изделиями из драгоценных камней. Их здесь 1 600 экземпляров, и для обозрения их нужен особый пропуск.

В Музее имеется библиотека (45 000 книг), в которой ведется научно-исследовательская работа. Но самыми известными экспонатами Археологического музея являются саркофаги, найденные в королевской гробнице. Стороны саркофага «Плачущие женщины» (его еще называют «Саркофаг плакальщиц») разделены восемнадцатью колоннами, между которыми размещаются женские фигуры. Некоторые из них изображены стоящими, другие — сидящими; но лица тех и других исполнены грусти и печали. Автор этих скульптур достиг большого мастерства, используя различные вариации (18 мотивов) одного сюжета. Одежда каждой из плакальщиц тоже различна. Общий вид саркофага, возраст которого датируется IV в. до н.э., напоминает греческий храм. Крыша его устроена как потолок, на балюстраде вокруг саркофага изображены две похоронные процессии.

В самом конце зала экспонируются три небольших саркофага, найденные в той же пещерной гробнице. Древнейший «Саркофаг сатрапа» (V в. до н.э.) назван так в память об одном из наместников персидской провинции. С трех сторон на нем помещены изображения сатрапа: на лицевой стороне он изображен сидящим на троне, на одной из боковых сторон готовится к облаве, на второй лицевой стороне тоже изображена сцена охоты. На другой боковой стороне — изображения прислуги и сцены пиршества. Снаружи саркофаг похож на греческий храм, внутри него изображен антропoid. Первоначально саркофаг был окрашен, однако залитая водой усыпальница со временем утратила свою первоначальную окраску.

«Ликийский саркофаг» (V в. до н.э.) назван так потому, что выполнен в стиле, характерном для ликийских могильных памятников: его высокая крышка была сделана с заостренными сводами. На одной из его длинных сторон показана охота на львов. На каждой из повозок —

двое юношей. На другой длинной стороне изображена охота на свиней. На одной из узких сторон — два кентавра борются с лапифом, на другой — два кентавра борются с оленем. На одном из фронтонов треугольной формы видны два грифона, стоящие друг против друга; на втором спиной друг к другу стоят два сфинкса. Внутреннее пространство саркофага заполнили две повозки с четырьмя скаковыми лошадьми.

Крышка «Саркофага Табнита» (начало VI в. до н.э.), в котором покоились останки сидонского короля Табнита, сделана в форме мумии, завернутой в саван. Линии лица полностью соответствуют египетскому типу. На нижней стороне корпуса сделана иероглифическая надпись, которая имеет отношение к египетскому военачальнику по имени Ренефтан. Из надписи можно также узнать, что тот, кто прикоснется к саркофагу, будет проклят. Извлеченная из него мумия хранится под стеклом. В витринах за стеклом экспонируются также предметы из саркофагов, относящиеся к их владельцам.

Но самым знаменитым в Археологическом музее является саркофаг Александра Македонского. Как только великий завоеватель скончался в Вавилоне, в нижних покоех «висячих садов» в соответствии с волей полководца¹ греческий инженер Филипп сконструировал колесницу на рессорах, в которую запрягли 64 мулов. На колеснице был установлен мраморный саркофаг, на золотой крышке которого лежали оружие Александра Македонского и щит из Трои. Опираясь на колонны из слоновой кости, над саркофагом возвышался балдахин, подобный небесному своду и украшенный драгоценными камнями. На одной из продольных сторон саркофа-

¹ Александр Македонский повелел захоронить себя в оазисе Сива, где египетские жрецы некогда приветствовали его как сына бога Амона.

Саркофаг Александра Македонского

га, тоже сделанного в форме древнегреческого храма, в высоком рельефе представлена битва Александра Македонского с персами.

«Сражение было горячим с обеих сторон, греки и персы беспощадно убивали друг друга. Все разъярились и дрались, как лютые звери. Македоняне и греки с такой отчаянной яростью бросились на персов, что сам Дарий смутился и не знал, что делать. Около его колесницы уже лежали трупы убитых»...

Большая композиция, изображенная на саркофаге, состоит из полных движения фигур, очень убедительно передающих разгар схватки. Фигуры сражающихся воинов полны силы и энергии, и тела убитых по отношению

составляют резкий контраст. Древний скульптор старательно передал различия в одежде и вооружении персов и греков, только один из сражающихся представлен на рельефе обнаженным.

В науке существует мнение, что сначала саркофаг Александра Македонского из Вавилона отправили в Македонию, причем впереди траурной процессии двигались колонны строителей и землекопов, которые выравнивали старые дороги, строили новые и укрепляли мосты, так как шествие сопровождали тысячи всадников, индийские слоны, пешие воины, колесницы и обозные повозки.

Птолемей I встретил процессию в Дамаске, но не отвез саркофаг в Сиву, а отобрал «трофей» и доставил его в свои владения — в город Мемфис, так как тот из диадохов, в чьей стране будет воздвигнута усыпальница Великого Александра, должен был стать главным наследником полководца. Правда, другие исторические свидетельства говорят, что верховный жрец Мемфиса выступил против захоронения тела Александра Македонского в городе: «Его нельзя оставить здесь. Отвезите его в город, построенный около Ракотиса, ибо место его захоронения будет несчастливым, отмеченным войнами и кровавыми сражениями»¹.

На территории Археологического музея разместился и Музей древностей Востока, построенный в 1883 г. и запроектированный сначала как Школа изящных искусств. Позже здание ее было решено переделать в музей, который и был открыт в 1917 г. В его экспозицию вошли предметы древневосточной культуры и цивилизации, представляющие искусство Анатолии, Месопотамии, Египта и Аравийского полуострова доисламского

¹ Подробнее о месте захоронения Александра Македонского можно прочитать в книге «100 великих некрополей».

периода. Большинство экспонатов **месопотамской** коллекции было обнаружено в долинах рек Диле и Фират во время археологических раскопок, производившихся до Первой мировой войны.

Произведения **аравийской** культуры не все являются археологическими экспонатами. В 1880 г. губернатор Йемена отправил в Стамбул коллекцию, среди экспонатов которой были и предметы с севера Аравии. Большую же часть ее составляли надписи, эпитафии, рельефные плиты, надгробия и скульптуры, которые жертвовались храмам.

Египетская коллекция состоит из произведений, взятых из частных коллекций, или предметов, обнаруженных в результате случайных археологических находок и относящихся к периоду Птолемея I и Древнеегипетского государства. В экспозицию вошли также стелы, сфинксы, саркофаги, надгробия и фрагменты храмов. Экспонируемые сфинксы когда-то украшали входы в египетские храмы, церемониальные аллеи и монументальные парадные двери. Саркофаги с изображениями человека были сделаны из дерева. Цветные саркофаги, декорированные краской, обнаружили французы во время археологических раскопок на кладбище города Теб; принадлежали они жрецам и жрицам храма бога Амона.

Анатолийская коллекция состоит из произведений, обнаруженных до Первой мировой войны. Это произведения, относящиеся к бронзовому веку, поселения колониального периода, среднего бронзового века, древних хеттов и произведений позднего королевства хеттов. Кроме них есть произведения, отражающие восточную Анатолию и ее окрестности (культуру Урарту I в. до н.э.).

Изразцовый дворец, в котором первоначально размещались археологические находки, был построен в 1472 г. султаном Мехмеде II для развлечений за пределами дворца. Здание было украшено мозаикой и облицовано голу-

быми и зелеными изразцовыми плитками, от которых он и получил свое название. В оформлении и украшении дворца заметно персидское влияние.

Дворец состоит из двух ярусов: слева от входа выставлена небольшая коллекция сельджукских изразцов и керамики XII—XV вв. В центральном зале находятся богатый михраб из мечети Ибрагим-бея в Карамане, покрытый изникскими изразцами, и две замечательные панели с круглыми окошечками из стамбульской мечети «Хасеки Хюррем».

Галата

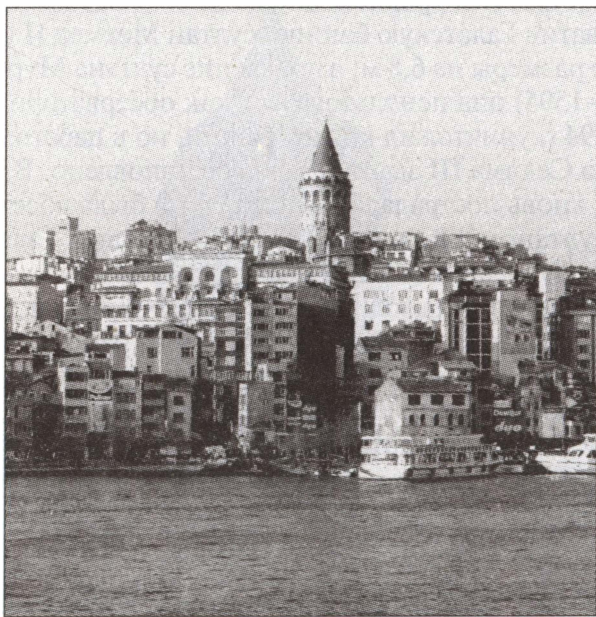
В настоящее время Галата представляет собой целый город с европейскими постройками, хорошими мостовыми и улицами, по которым бегают трамваи. Некогда же это был один из четырнадцати районов Константинополя; располагался он у моря, поэтому еще в византийские времена превратился в своего рода международный рынок с невообразимой суетой его разноплеменного и разноязычного народа. По мнению некоторых древних писателей, название «Галата» происходило от греческого слова «молоко», потому что тут располагался молочный рынок. А еще этот район называли Сики от росших там в изобилии фиговых деревьев. Другие авторы полагали, что название произошло от живших там галлов, которых греки называли галатами.

Чтобы вознаградить генуэзцев, которые помогали византийцам свергнуть иго латинян, император Михаил VIII Палеолог отдал им Галату и расположенное над ней предместье Пера. Сначала здесь ютились фактории генуэзских купцов и верфи их мореплавателей, а в 1267 г. генуэзцы основались уже под управлением подесты, который был назначен от Генуэзской республики. Колония

их быстро расширилась и разбогатела, и генуэзцы вскоре сделались дерзкими. Они вели постоянные войны со своими непримиримыми врагами венецианцами, а однажды чуть даже не арестовали за долги императора.

В 1303 г. в царствование императора Андроника II Палеолога генуэзцам разрешили обнести свой город крепостной стеной с башнями и зубцами, но только в 1341 г. — после многих препятствий и затруднений — им удалось превратить стену в крепость, из которой они порой угрожали даже Константинополю. В самом высоком месте стены возвышалась башня, расположившаяся на берегу бухты Золотой Рог; в Средние века она называлась «Башня Христа» (или Креста), так как на вершине ее был установлен крест. Этот самый древний памятник в районе Галаты был построен еще в 471—491 гг. при импера-

Район Галата

торе Зиноне¹; впоследствии башня надстраивалась в 1348 и 1446 гг. Перед ней находятся сохранившиеся до нашего времени развалины оборонительных стен и ров. Мореплаватели использовали башню в качестве причала, чем-то вроде своеобразной станции торговых соглашений с Византией, а также и для наблюдений за судами, проходившими в Босфоре.

Галатская башня в течение веков много раз перестраивалась и со временем потеряла свои первоначальные архитектурные формы, так что уже не может считаться памятником византийского искусства. В настоящее время она представляет собой грузное сооружение, которое тяжелой массой вздымается над окружающими домами на 50 м; основание ее лежит на 100 м ниже уровня моря, а балкон, с которого виден весь Стамбул, находится на высоте 140 м над уровнем моря².

Захватив Галатскую башню, султан Мехмед II уменьшил ее размеры на 6,8 м; в правление султана Мурада III (1574—1595) она использовалась как обсерватория. Пожар 1794 г. уничтожил крышу башни, но в царствование султана Селима III здание было восстановлено. В 1824 г. башня вновь пострадала от пожара, но была восстановлена султаном Махмудом II. Впоследствии Галатская башня служила местопребыванием стражников, в обязанности которых входило следить за пожарами, поэтому ее еще называли «Большая пожарная башня». Ее выкрасили белой и желтой краской, и дежурившие на ней стражники день и ночь следили за горизонтом, подавая в случае опасности сигналы: днем — флагами, а ночью — фонарями.

¹ По другим сведениям, при императоре Анастасии I (491—518 гг.).

² В настоящее время на верхних этажах Галатской башни разместились ресторан в восточном стиле, турецкое кафе и генуэзская таверна.

Высота девятиэтажной Галатской башни равняется 68 м, и каждый иностранец старался обязательно подняться на нее в первые же дни своего пребывания в Стамбуле. На первую галерею башни ведет довольно удобный подъем по освещенной лестнице в 140 ступеней; здесь в большом зале устроены четырнадцать окон, из которых открывается восхитительная панорама города. Кругозор становится еще обширнее и великолепнее, если подняться по 40 новым ступеням, которые выходят на открытую круговую террасу. В этом зале тоже четырнадцать окон, а перед ними устроена галерея, но выходить на нее не разрешается.

Жизнь в Галате имела торгово-промышленный характер, и весь район был заполнен рабочим и торговым людом разных наций. Узкие и кривые улицы Галаты во мно-

Галатская башня

гих местах поднимались в гору под таким углом, что проехать по ним в экипажах было просто невозможно. Например, Юксек-Калдирим (прямая улица в Перу) вообще представляла собой лестницу. Поэтому почти все грузы в Галате перемещались, перевозились и доставлялись не на повозках, а на животных или носильщиками. Восемь человек на своих руках могли перенести груз весом в одну тонну, поэтому носильщики здесь требовались всегда.

Параллельно набережной проходила большая Галатская улица, по которой была проложена конная железная дорога. А примерно в десяти минутах от пристани располагались подворья афонских монастырей (Пантелеимонова, Ильинского и Андреевского) и Крестовоздвиженского братства, имевшего школу для детей, родители которых работали в русских учреждениях. На этих подворьях всегда радушно встречали русских паломников, направлявшихся в Святую Землю.

До настоящего времени в Галате сохранилось довольно значительное число памятников архитектуры XIV в. Среди них следует назвать старинную церковь, которую турки впоследствии обратили в мечеть (Араб-джами), церковь Святого Петра и монастырь Святого Венедикта. Но самым замечательным по архитектуре зданием в районе Галаты являлось Российское посольство (ныне Генеральное консульство).

В середине XIX в. по распоряжению российского императора из Петербурга в Стамбул прибыл придворный архитектор Фоссатти (швейцарец по происхождению). Он-то и создал прекрасный образец дворцовой архитектуры, гениально вписав его в сложный и своеобразный ансамбль европейской части города. Новое здание Российского посольства произвело на турок и европейцев такое сильное впечатление, что султан пригласил Фоссатти возглавить реставрационные работы в знаменитом

храме Святой Софии (об этом говорилось ранее). А послы Голландии и Швеции пригласили архитектора для сооружения новых зданий своих дипломатических миссий. И случилось так, что «петербургский швейцарец» задержался в Стамбуле на целых двадцать лет.

Стамбул расположен на двух материках сразу, и здесь много людей, которые живут в Азии, а работают в Европе, или наоборот. Поэтому бухта Золотой Рог и Босфор всегда были запружены сотнями лодок, впоследствии — паромов и катеров; люди тратили много времени на переправу с одного берега на другой, автомобили часами стояли в очереди на паромы.

Еще во времена Константина Великого жители Константинополя думали о построении моста, который соединил бы берега Золотого Рога. При византийцах в районе нынешней мечети Эйюба существовал деревянный мост. Движение по нему из Стамбула в Галату и обратно было непрерывным, к тому же к его пристаням пароходы беспрестанно подвозили публику с азиатского берега и из окрестных местечек. Мост был устлан деревянными плашкоутами, так что ходить по нему следовало осторожно. Когда же проезжал экипаж, то настил моста уподоблялся клавишам фортепиано — колеса подпрыгивали, и пассажир ежеминутно ощущал пинки.

Но картина на мосту была необыкновенно живописной и разнообразной; за какие-нибудь полчаса здесь можно было познакомиться со всем многоязычным населением Стамбула. А уж пестрота костюмов и человеческих типов просто неопишима! Многочисленные разносчики, предлагающие свои незатейливые товары; тут же менялы со своими столиками и важные духовные лица в восточных костюмах, армянские и греческие монахи, дервиши, носильщики, нищие...

Возведение нового моста планировалось еще в правление султана Баязида II (1481—1512), обращались даже

с предложением о составлении его проекта к Леонардо да Винчи. В исторических документах говорится, что великий Леонардо, спроектировавший мост в 1502 г., предлагал возвести его на берегах Золотого Рога. Но тогда дело как-то не сложилось, и проект не был реализован.

Когда население Галаты и Перы увеличилось до 200 000 человек, мост сделался еще необходимее, но многочисленный цех лодочников всячески препятствовал его сооружению. И правительство ради их выгод жертвовало общей пользой жителей столицы и даже всей Османской империи. Но султан Махмуд II решился поправить интересы корыстолюбивых лодочников для общего благоденствия, чтобы оживить промышленность и торговлю Стамбула. На открытии «Бююк-чекменжде» (Большого моста) 20 октября 1837 г. присутствовали сам султан, сын его и весь гарем — в европейских экипажах и в самых пышных одеждах.

Когда султан Абдул-Меджид переселился из Топкапы на берег Босфора, то в 1845 г. он приказал построить деревянный понтонный мост, соединивший берега Золотого Рога. Но такой мост не мог служить долго, и поэтому его деревянные понтоны стали постепенно заменять железными. Сооружение нового моста (длина его равнялась 480 м, ширина — 14 м) закончилось в конце июля 1875 г. Настил моста покоился на 24 понтонах, четыре из которых раздвигались, освобождая путь судам.

Позже этот мост несколько раз ремонтировался и расширялся, однако и он не мог обеспечить возрастающий объем перевозок. В 1910—1912 гг. его заменил железный понтонный мост, возведенный одной немецкой фирмой. 27 апреля 1912 г. этот мост, который держится на 22 плавающих понтонах, был торжественно открыт: длина его равняется 466,8 м, ширина — 95 м, высота от уровня воды до проезжей части — 5,5 м.

Галатский мост состоит из двух этажей; его верхний ярус кроме пешеходов и автомашин захватили мелкие торговцы, которые предложат вам зонтики — когда сгущаются облака, и темные очки — если светит солнце. И в любую погоду — крючки и леску для любителей рыбной ловли. На первом ярусе расположились кассы и администрация пароходства, суда которого осуществляют перевозки по Золотому Рогу, Босфору и на Принцевы острова. Здесь же разместились полицейский участок, множество ларьков и лавок, ресторанчики, кофейни, чайные, буфеты... Здесь пьют чай или кофе, курят кальян, наблюдая, как вечернее солнце покрывает воду и золотит вершины холмов Стамбула. А еще на Галатском мосту устроены пристани для морских трамваев и паромов, небольших лодок и катеров...

Румели-хиссари

Когда султан Мехмед II готовился сокрушить Восточную империю, он нашел на берегу Босфора две старые башни (одну — в Азии, другую — в Европе), которые вот-вот могли обрушиться. Анатоли-хиссари — башню на азиатском берегу — он исправил, а на месте другой построил сильную крепость, на возведении которой работал сам со своими вельможами. Это и есть крепость Румели-хиссари, о строительстве которой старинное предание повествует следующее:

«Когда султан Мехмед II появился на азиатском берегу Босфора, он обратился к византийскому императору Константину XI Палеологу с просьбой уступить ему на европейском берегу землю, которую могла бы покрыть кожа одного быка. Император согласился, и султан, переправившись на европейский берег, повелел своим людям возводить укрепления. Об этом доложили императору, он

прибыл на строительство и спросил: “Я дал тебе столько-то земли, а ты что делаешь?”. На это султан ответил: “Ты — король, и если отказываешься от своего слова, я, конечно же, не останусь здесь”. С этими словами он взял шкуру быка, разрезал ее на тончайшие полосы, которыми потом окружили строящиеся укрепления. “Вот сколько земли ты мне пожаловал”, — сказал султан. Доводы повелителя правоверных показались императору убедительными, и он возвратился в свой дворец.

Чтобы и в дальнейшем не возбуждать подозрений, султан повелел своим приближенным работать по ночам, а днем загораживать выстроенное ветвями деревьев и кустарниками. Мастеру же повелел придать укреплениям такую форму, чтобы можно было прочесть имя Пророка — “Мухаммед”¹.

Когда укрепления еще строились, один абиссинец (эфиоп. — *Н. И.*) тайно донес византийскому императору о том, что делается. Проведав об этом, султан проклял “арапа”, и на южной стороне Румели-хиссари до сих пор видно изображение “арапа” и его быков.

Когда крепость была возведена, султан погрузил свои суда на телеги и спустил их к Окмейдану, а оттуда на полях к Константинополю и приступил к осаде столицы Византийской империи».

Возведенная в 1452 г. и увенчанная мощными башнями крепость была сооружена на месте византийских тюрем, которые были известны под названием «Башня Леты» (Забвения). Султан соединил башни мощными стенами почти 10-метровой толщины. В одной из крепостных башен для Мехмеда II были устроены покои, пре-

¹ Фундамент крепости, возведенной за 3 месяца, действительно был сооружен таким образом, что в плане воспроизводил арабские буквы имени Пророка Мухаммеда.

красно отделанные мрамором, в которых султан жил до того времени, пока не завоевал столицу Византийской империи.

Став обладателем двух прибрежных укреплений, Мехмед II установил на башнях огромные орудия, которые своим огнем закрывали кораблям проход в пролив. Поэтому турки эту крепость называли еще «Богаз-кесен» — «Разрезающий (или закрывающий) пролив». Византийский император протестовал было против такого нарушения прав собственности, но султан пригрозил содрать кожу с любого, кто осмелится придти с подобным протестом. В то же время иностранцам было запрещено плавать по Босфору. Венецианцы не хотели покориться этому запрету и заплатились: корабль их был разбит пушками чудовищной силы, которые султан приготовил для осады Константинополя. Экипаж был обезглавлен, а

Румели-хиссари

трупы выставлены на башне в назидание, чтобы другие не отваживались появляться в водах Босфора...

На сооружение стен (особенно на западную часть крепости) были использованы остатки византийских сооружений, колонн, жертвенников и всего прочего. Развалины эти принадлежали в основном церкви Архангела Михаила, находившейся на азиатском берегу. Когда-то на ее месте стоял алтарь двенадцати богам, на котором приносили благодарственную жертву возвращавшиеся из Колхиды аргонавты. В 860—861 гг. греки сражались здесь с азово-таврическими руссами, нашествию которых были посвящены четыре пламенные речи Константинопольского патриарха Фотия к византийцам, которых он призывал к покаянию.

Крепость Румели окружена мощными стенами, идущими по склону холма и снабженными бойницами. В крепости возведены три большие (круглые) и тринадцать маленьких башен. В больших башнях находились зимние квартиры янычар, а летом они жили в палатках, разбитых в крепостном саду. Сейчас в центре крепости, на месте бывшей янычарской мечети, устроена открытая площадка.

Румели-хиссари уже давно утратила свое боевое назначение, но в стене, которая идет параллельно берегу Босфора, до сих пор есть низкий вход, закрытый ветвистым платаном, — это дверь на тот свет. Когда замок Румели был превращен в тюрьму, на этой двери вполне можно было бы сделать надпись, которую великий Данте начертал на воротах своего «Ада»: «Оставь надежду, всяк сюда входящий!».

В этом мрачном замке когда-то казнили мальтийских рыцарей и пытали христиан, помышлявших об открытой войне с турками. Ни один узник, насколько известно, не прошел через эту дверь обратно, и не случайно турки называют крепость Румели «замком забвения». Во время

войны с янычарами султан Махмуд II отправлял сюда несчастных, уцелевших после битвы на площади Ат-Мейданы. Их привозили по обыкновению ночью, они входили в роковую дверь и исчезали за ней навсегда.

Однажды несколько французов возвращались на каике (лодке) из Бююкдере, а так как судам не разрешалось проходить мимо Румели-хиссари после захода солнца и пушка уже выстрелила, они пробирались украдкой — у самого берега. Подплыв к крепости, они вдруг увидели большую лодку, которая шла от Стамбула. Чтобы избежать опасной встречи, французы прижались под скалой недалеко от входа в замок. Лодка причалила, из нее вывели двух человек, закутанных в дорогие одежды. Один шел молча, другой тяжело вздыхал, оглядываясь кругом, как будто прощался с белым светом. Когда они скрылись в потайной двери, лодка тотчас поплыла назад в город. На следующее утро французы узнали, что прошлой ночью пропали два янычарских «бинбаши», имевшие большое влияние на своих подчиненных.

Рассказывали также, что из потайной двери замка Румели-хиссари вывели несколько тысяч янычар. Их уверили, что они получили помилование и что каики перевезут их на азиатский берег. По узкому коридору несчастные пошли к роковому выходу, но когда они выставляли из низкой двери свои склоненные головы, палачи хватали их, душили и бросали в Босфор.

Бурные события истории оставили от крепости Румели-хиссари только мол и стены между башнями. Но в 1953 г., к 500-летию взятия Константинополя, замок был отреставрирован и открыт уже как музей. Теперь летом в нем проходят различные театральные представления.

Неподалеку от Румели-хиссари, в глубокой впадине берега, образуемой Босфором, расположено селение Бабек. Перед ним раскинулась ровная набережная, а далее возвышались холмы, бросавшие в воду темную тень, от-

чего вся местность выглядела совершенно безлюдной. В этом темном уединении стоял одинокий киоск, окруженный стенами. Вход в него был всегда заперт, и ни одна человеческая душа не проникала туда. Никаких признаков запустения не было видно, однако все равно казалось, что киоск оставлен хозяевами или предназначен для каких-то таинственных целей.

Назначение его и в самом деле было таинственным, так как киоск этот являлся своего рода убежищем турецкой дипломатии, местом наисекретнейших переговоров. Обычно турки вели свои дела в государственных учреждениях, но в чрезвычайных ситуациях, когда требовалось исключить всякую возможность открытия тайны, Высокая Порта прибегала к этому таинственному месту. Если обстоятельства требовали переговорить с каким-нибудь иностранным послом секретно, его приглашали сюда. Он приезжал в каике безо всякой пышности, чтобы никто не мог узнать его, и пробирался по уединенного берегу к таинственному зданию, куда его впускали с крайней осторожностью. Там находил он министра иностранных дел Великой Порты, который с такими же предосторожностями приезжал сухим путем. Двери запирались, и начиналось секретное совещание. Когда оно заканчивалось, дипломаты с такими же предосторожностями разъезжались, и киоск оставался закрытым до тех пор, пока дела снова не требовали тайных переговоров...

Анатоли-хиссару и «Азиатские пресные воды»

Анатолийская крепость, располагавшаяся на азиатском берегу Босфора, была построена византийскими императорами для обороны пролива в самом узком его месте. Возвышается она в том самом месте, где некогда

Анатоли-хиссари

персидский царь Дарий во время своего похода против скифов строил мост. Со временем Анатоли-хиссари пришла в упадок, но султан Мехмед I с распространением владычества турок до азиатских берегов Босфора захватил и восстановил ее.

После взятия Константинополя турками крепость потеряла свое боевое значение, пока в конце XIV в. султан Баязид II не построил здесь маленькое укрепление. В те времена это было единственное турецкое сооружение близ Стамбула. В настоящее время Анатолийская крепость восстановлена и представляет собой сооружение с большой башней, окруженное внутренней и внешними стенами.

Неподалеку от Анатоли-хиссари, располагающейся на низком мысе небольшой зеленой долины, находились

«Азиатские пресные воды» — любимое место гуляний турецкого общества. Греки называли их аясмой (святым источником) и ценили за исцеление всех болезней души и тела. В пещере, где бьет источник, была устроена часовня, и тут всегда можно было встретить богомольцев.

Турки называют долину Гуюк-сою по имени протекающей здесь речки Гёксу («Небесный ручей»). Прежде султаны приезжали сюда позабавиться стрельбой из лука и насладиться другими удовольствиями и развлечениями. Для них здесь был выстроен небольшой павильон-дворец, и приезд султанов всегда привлекал множество зрителей. С европейского берега любопытные приезжали на лодках, с азиатского — в арбах, которые предоставлялись в основном женщинам. Арба (правильнее было бы называть «араба») представляла собой своего рода турецкую карету без рессор, поставленную на четыре больших колеса. Внутри ее имелись скамейки с подушками; круглые отверстия, устроенные со всех сторон, служили окнами. Арба богатых людей вся была покрыта резьбой, раскрашена и позолочена.

Арба

В такой экипаж впрягали двух здоровых длиннорогих волов, убранных лоскутками разноцветных тканей и лентами. Над шеями их торчали высокие загнутые жерди с кистями; между рогов — пук волос, жирно напомаженных и тщательно причесанных; на лбу — украшения из золота и драгоценных камней, служившие амулетами от дурного глаза. Рядом с волами шли «арабаджи» — возницы (обычно греки).

В подобных каретах знать перевозила своих наложниц, которых набивали туда столько, сколько могла вместить арба. В старину отверстия-окна закрывались плотными шелковыми занавесками, так что сидящих в арбе одалисок никогда нельзя было увидеть — разве ветер поднимет занавеску или неровность дороги покачет экипаж, и тогда на одно мгновение откроется внутренность экипажа. Но и в этом случае нельзя было взглянуть на султанских наложниц, потому что позади «арабаджи» обычно шли или ехали черные евнухи с обнаженными саблями, угрожая смертью любопытным. Правда, знакомство турок с европейскими нравами и обычаями со временем устранило некоторые строгости, и впоследствии в Стамбуле можно было увидеть и открытые экипажи с гаремными красавицами.

Приехав в долину «Пресных вод», турки располагались около фонтанов или в тени деревьев — каждый со своими женами. Продавцы лакомств и прохладительных напитков подходили к любой компании. Среди напитков особенно распространен был «яурт», известный с древнейших времен. Турки уверяют, будто бы составлять его Авраам научился у ангелов; а Страбон в своих сочинениях утверждает, что в его время яурт употреблялся в Херсонесе Таврическом. Так что этот прохладительный напиток известен уже более 2000 лет. Приготавливается он из квашеного молока — приятного на вкус и очень полезного.

Но из всего прохладительного простая вода являлась для турок чуть ли не самым любимым напитком. Нам, может быть, бывает трудно понять, какое наслаждение доставляет чистая и прохладная вода жителям знойного Востока. Привязанность их к воде обращала на себя внимание всех писателей — древних и новых, духовных и светских. Турок никогда не пускался в дорогу, даже на небольшое расстояние, не привязав к седлу сосуд с водой. Поэтому сакчи (водоносы) чаще других разносчиков слышали, что их зовут то к одной, то к другой группе. Они и сейчас ходят по улицам Стамбула со своими кожаными мешками и светлыми стеклянными кружками...

Попутно расскажем, что европейские «пресные воды» лежат в долине Кеат-хане — у верховья бухты Золотой Рог. Султан Ахмет III устроил на протекавшей здесь речке Варварис плотину, пруды и фонтаны, украсив последние мрамором с золотыми надписями и арабесками. При последних султанах в долине был построен прекрасный киоск в стиле версальского дворца. Киоск стоит на берегу запруженной речки, причем одна сторона его украшена столбами, стоящими прямо в воде. Таким образом, место это, состоявшее большей частью из намывного грунта, окруженное голыми возвышенностями и само по себе не очень привлекательное, со временем превратилось в одно из прекраснейших. Мусульмане приходили сюда по пятницам и в праздники, христиане — в воскресенье и по своим праздникам.

В прежние времена долина Кеат-хане была любимым местом отдыха и султана Махмуда II. К северу от нее лежит Окмейдан, где повелитель правоверных со своими придворными забавлялся «джеридом» — метанием стрел и копий. В Коране сказано, что стрельба из лука является игрой, приличной мужу, потому что во время ее присутствуют ангелы. Она всегда была любимым развлечением не только двора, но и всей турецкой молодежи.

У султанов имелся даже особый корпус наездников, которые назывались «джинды» и отличались необыкновенным искусством в скачке, метании копий и стрельбе из лука.

В начале своего царствования султан Махмуд II проводил на «джериде» почти целые дни, наблюдая, как удалые наездники скакали перед ним то густым строем, то врассыпную. В левой руке они держали тупые копья и метали их в сторону противников. А те, проворно уклоняясь от удара, старались поймать копья налету или подхватить их с земли — и все это кружилось и шумело, как пчелиный рой. Картина была величественной, но не обходилось и без жертв. Или, по крайней мере, увечных и раненых... Султан и сам часто натягивал лук, и мраморные колонны, стоящие на Окмейдане, хранят память о его искусстве и силе, с какой он пускал свои стрелы.

Но прошло около восьми лет, и султан вдруг перестал ездить в долину Кеат-хане. Рассказывают, что одной из причин, раньше привлекавшей его сюда, была прелестная дочь учителя, который давал ему уроки стрельбы из лука. Однажды красавица каталась со своими прислужницами в лодке, сама правила веслами и вовсю шалила. Лодка опрокинулась, девушка упала в воду и утонула. С тех пор влюбленного султана настолько отвратила долина, что несколько лет он не был здесь. Только начав преобразования и сформировав первые регулярные полки, он решился посетить места, памятные былыми удовольствиями. И Окмейдан опять оживился, но уже не вихрем буйного «джериды», а стройными маневрами обученных и дисциплинированных войск.

Весной, в праздник Святого Георгия, в Кеат-хане старались попасть все, и тогда Золотой Рог покрывался лодками со всех концов Константинополя и из его окрестностей. В этот день прекрасных лошадей султана в первый раз после зимы выводили из серальской конюшни

и пускали на траву. Событие это сопровождалось пышным церемониалом. Чиновники, надзиравшие за султанскими лошадьми, множество военачальников, дворцовая стража — все присутствовали в парадной форме. Лошадей приводили в вышитых золотом попонах, в уздечках с драгоценными камнями и с султанами на головах — все это представляло собой великолепное и чрезвычайно живописное зрелище. Коней, на которых ездил султан, выводили ночью, чтобы их не сглазили...

За султанскими лошадьми смотрели болгары. С наступлением весны они спускались со своих гор и приходили в Стамбул стеречь султанские табуны и работать на виноградниках около города. Как люди горные и пастушеские, они любили музыку, и летом часто можно было видеть группы болгар с добрыми и честными лицами, самозабвенно плясавших и певших на улицах Стамбула...

Босфор

Величайшую красоту Стамбула составляют голубые воды Босфорского пролива, который представляет собой великолепное, ни с чем не сравнимое зрелище. Этот морской пролив, окаймленный живописными берегами, напоминает величественную реку — то сужающуюся, то широко разливающуюся. Босфорские ландшафты необыкновенно красивы: они чаруют ваш взор бесконечной изменчивостью линий и красотой прибрежных склонов, на которых высятся стройные кипарисы и гигантские платаны, называемые здесь чинарами.

Всюду Босфор вторгается в город, везде возвеличивает он и без того пленительные картины, всюду он искрится и нежится под ярко-голубым небом, придавая каждому уголку Стамбула собственную физиономию. То он вбегает в середину его бухтой Золотой Рог или принимает в

себя речки, тихо катящиеся по горным предместьям; то огибает острова и островки, застроенные древними укреплениями; то подходит к самому подножию башен и дворцовых павильонов. Все душевные невзгоды и страдания развеются при взгляде на воды Босфора... Современный турецкий поэт Мелих Джевдет Андай так писал о нем:

При полной луне на Босфоре
Услышишь мелодию нежную-нежную,
И зазвонят в душе захмелевшей
Бубны, литавры, зурна,
И кругом пойдет голова.
Эй, черт побери, на Босфоре
При полной луне берегись!
Сойдешь с ума, пропадешь.
Будь ты богач или бедняк,
Онемеешь, ослепнешь, оглохнешь...
На Босфоре при полной луне
Кувшины с хрустальной водою сверкают,
И дышат цветы — на одной стороне.
В рыбацких селеньях встают на работу
И лодки скрипят — на другой стороне.
А дальше лишь дачи, дворцы и виллы...

Оба берега пролива изрезаны бухтами и гаванями, и сегодня Босфор — это действительно своего рода летний курорт, где живут более 10 000 горожан. Однако после завоевания Константинополя турками город развивался только в пределах своих стен. Считается, что заселять берега пролива стал в XVI в. султан Сулейман Великолепный, когда здесь были построены первые мечети и «ялы» (летние дворцы высокопоставленных чиновников). Здания, опоясавшие к XIX в. оба берега Босфора, словно жемчужное ожерелье, были построены из дерева, а их декоративные и архитектурные элементы говорят о влиянии стиля рококо. До недавнего времени оживленная

торговля недвижимостью представляла серьезную угрозу всему району Босфора, красоте его берегов и существованию сохранившихся летних дворцов, однако сейчас все это взято под государственную защиту.

Однако не следует думать, что Босфор навевает только идиллические мысли, потому что много страшных тайн сокрыто в его волнах. Так, в 1835 г. один из русских путешественников писал: «Если вы любите сильные ощущения, то можете надеяться, что ночью, катаясь по Босфору, услышите удушенные стенания и разделите с луной горесть быть свидетелем смертельной драмы и бессильного борения невидимой преступницы, когда два немых исполнителя тайной казни выбрасывают ее в волны с хладнокровием моряка, бросающего лишний балласт. Вы услышите последний смертный крик и траурное плескание волн, лениво обнимающих свою жертву».

Чтобы читатель убедился в справедливости сказанного, приведем рассказ рыбака, бывшего свидетелем одной такой казни. История эта давно уже стала легендой, она описана многими восточными поэтами, в кофейнях ее рассказывали лучшие мейдаки Стамбула.

«В правление султана Ахмеда III один бедный рыбак по имени Искандер, закидывая свои сети при впадении «Пресных вод» в море, заметил на поверхности воды длинный мешок. Рыбак хорошо знал тайны Стамбула и сразу догадался, что может оказаться в мешке. Но в груди его билось смелое, не боящееся опасностей сердце, поэтому, призвав на помощь Пророка, он втащил мешок в свою лодку.

Развязав его, Искандер увидел женщину такой ослепительной красоты, что даже мрак ночи рассеялся перед ней. Женщина еще показывала признаки жизни, а очутившись на воздухе, вскоре и совсем пришла в себя. Сначала она громко закричала, но, увидев почтенного рыба-

ка, немного успокоилась. Склонившись перед незнакомкой, Искандер сказал:

— Я — всего лишь бедный рыбак, недостойный быть в твоём присутствии. Хижина моя находится недалеко отсюда; там есть молоко, финики и другая еда, а также приют всякому, кто пожелает.

— Вези меня в твою хижину, — сказала прекрасная незнакомка, — а то здесь холодно. Меня зовут Мирма, я — любимая супруга султана Ахмеда. Когда наш великий государь отправился на войну, певица Зейнаб, подкупив бестанджи и двух палачей, вместе с ними бросила меня в море. Укрой меня до того дня, когда славный султан вернется из похода против персов. Мщение мое будет идти медленно, но придет в свое время.

Искандер пообещал хранить тайну и призвал в подтверждение своего обещания священный след ноги Пророка. Он отвел спасенную гостью в свою хижину, а сам провел ночь на улице возле ворот. А утром пошел в город, купил там бедные одежды и отнес их султанше Мирме.

Долго скрывал рыбак у себя жертву серальских интриг, долго не возвращался султан из похода и много раз черноглазая Мирма говорила своему избавителю:

— Будем ждать! Цветок алоэ ждет 25 лет, прежде чем улыбнется солнцу. Терпение прогрызает мрамор, придет и наш день.

И наконец этот долгожданный день настал. Султан Ахмед возвратился с победой, и весь двор торжественно вышел встречать его. Не было только среди приближенных султанши Мирмы...

Подождав несколько дней, она отправила рыбака к придворному доктору, дав ему перстень, по которому преданный раб должен был узнать ее. Увидев перстень, врач поспешил за Искандером. Удивление доктора, увидевшего Мирму, которую все считали утопившейся

в горячечном припадке, было беспредельным и радостным.

— О свет очей владыки нашего! — воскликнул он. — Отчего же ты не поспешишь пролить солнечный луч на увядшее сердце Ахмеда победоносного? Весть о твоей кончине поразила султана, подобно злотворной молнии. Он не спит ночами и дни проводит над цистерной, в которую, как говорит твоя ядовитая соперница, ты бросилась в припадке безумия.

— Я хочу дожидаться новолуния — счастливого дня, в который следует начинать все предприятия. Ступай же пока в Сераль, наложи на губы печать молчания и устрой так, чтобы в день новой луны меня беспрепятственно допустили к цистерне в те самые часы, когда султан будет меня оплакивать.

Наступил день новолуния. В определенный час султан подошел к бездонному колодцу, который по его повелению был закрыт черными мраморными плитами. Нагнувшись к камню, он стал молиться, но в это время поблизости зашелестели сухие листья и перед глазами Ахмеда III предстала стройная женщина, закутанная в покрывало.

— Кто смеет ходить сюда, когда я здесь молюсь? — вскричал султан.

— Я смею, — ответила Мирма и откинула покрывало.

Изумлению султана не было предела. А когда он узнал обо всем, то сразу же решил наказать Зейнаб и ее помощников, но захотел, чтобы главная преступница сама во всем созналась. Спрятав Мирму в дальнем уголке дворца, султан послал двух немых рабов в покои Зейнаб, чтобы те передали ей его приглашение.

Трудно описать восторг злой красавицы, решившей, что ей улыбнулось счастье. Нарядившись в самые богатые одежды и украсив свои белокурые волосы круглыми черными украшениями, певица Зейнаб вошла в комна-

ту, в которой султанши и одалиски дожидались прихода повелителя. Вокруг стояла тишина, и только было слышно, как волны плещутся у серальского мыса. В зале, испещренном арабесками, горела всего одна свеча, и трепетный свет ее отражался в огромном зеркале, которое султан получил в подарок от Венецианской республики.

Зейнаб подошла к зеркалу и стала любоваться на свое отражение, но вдруг лицо ее покрылось мертвенной бледностью, и она страшно вскрикнула. В зеркале появилась тень погибшей султанши Мирмы; руки ее, поднятые кверху, будто призывали небесные кары на голову своей погубительницы.

— Прости, прости меня! — закричала Зейнаб, падая на колени. Но «привидение» подошло к ней и сказало глухим голосом:

— Я тебя прощаю, но люди тебя не простят и Аллах тебя не прощает!

В эту минуту в комнату вошел султан и потребовал, чтобы Зейнаб назвала своих помощников. На другой день несколько обезглавленных трупов было брошено в воды Босфора, но тела Зейнаб среди них не было. Коварную певицу на веревке спустили в бездонную цистерну — с фонарем и камнем, а потом отверстие колодца навеки заложили камнями. Так, завистливая Зейнаб поплатилась за свое преступление долгим страданием и мучительной смертью».

Ныне Босфор украшен гигантским висячим мостом, соединившим берега Европы и Азии. Мост был открыт 29 октября 1973 г. к 50-й годовщине Турецкой республики. Его тонкое и изящное коромысло легко опирается на берега пролива, еще больше подчеркивая округлые линии прибрежных холмов. Мост висит над водой на высоте 64 м, и под ним свободно могут проходить самые вы-

сокие суда. Движение по мосту устроено в шесть рядов: три ряда — в Европу, три — в Азию. Есть тротуары и для пешеходов...

Ускюдар (Скутари)

Ускюдар, расположившийся прямо напротив бухты Золотой Рог, является самым интересным районом азиатской части города. В древности эта местность называлась Хризополис («Золотой город»), а затем была переименована в Скутари. В 324 г. император Константин Великий разбил в этом месте своего соперника Лициния,

Мечеть Шемен Ахмед-паши

после чего стал единовластным правителем Римской империи. В VII—VIII вв. этот район разрушали персы и арабы, а в 1203 г. он был занят участниками IV Крестового похода. Во времена Османской империи, когда Ус-кюдар развивался как торговый центр, его украсили мечети и караван-сарай. Здесь сходились все дороги Малой Азии, и именно отсюда каждый год начиналось паломничество в Мекку. С постройкой же в 1903 г. Азиатской железной дороги Ус-кюдар потерял свое былое значение.

Ныне район Скутари с его разноцветными домами, белыми минаретами, темными скалами и зеленой растительностью — это целый город, пестрым амфитеатром раскинувшийся на азиатском берегу Босфора вплоть до горы Чамлиджа. Прямо в гавани можно увидеть фонтан султана Ахмеда III, устроенный в турецком стиле и установленный в 1728 г.

Позади него расположилась мечеть Искеле (или «мечеть Миримах»), купол которой с шестнадцатью окошками покоится на арках, переходящих в три полукупола. Возведение этой мечети заказала в 1747 г. Миримах — дочь султана Сулеймана Великолепного и жена визиря Рустем-паши. Михраб этой мечети сделан из мрамора, а двери и кафедра проповедника инкрустированы перламутром и слоновой костью.

Дальше к югу находится мечеть, которую султан Ахмед III построил в 1708—1710 гг. для своей матери Гюлнуш Юмметулах («Пьющая розовую воду»). В центре двора, окруженного колоннами, устроен великолепный фонтан для омовения, а в углу мечети — тюрбе султанши-матери с открытым куполом. Турки всегда придавали особое значение дождю, и до сих пор он считается у них божьим благословением. Может быть, именно поэтому султанша-мать пожелала иметь открытую гробницу.

Замечательный по своему живописному расположению мыс, на котором разместились азиатская часть

Мечеть Искеле

Стамбула, к тому же покрыт множеством красивыхgroтов, киосков, беседок, загородных домов, садов и пр. Все эти строения лепятся по берегам до самой вершины, которая увенчана прекрасной мечетью с минаретами и благородным зданием казарм.

А за лесом темных кипарисов, на покато́й плоскости под тенью деревьев, расположилось в Скутари кладбище «Караджа Ахмед» — одно из крупнейших мусульманских кладбищ мира. Кипарис с древних времен считается намогильным деревом; таким его признавали и древние римляне, и греки. Величественная тень, которую он раскидывает, душистая смола кипариса, уничтожающая вредные испарения, его вечнозеленые листья (символ бессмертия) — все склонило турок последовать примеру предшественников, и кипарис сделался украшением

исключительно их кладбищ. Грекам, армянам, евреям и другим народам они велели обсаживать свои могилы другими деревьями.

Турки хоронят своих усопших очень быстро, иногда даже в день смерти. Потому что Пророк Мухаммед сказал: «Если покойник был человек благочестивый, то вполне справедливо и разумно вынести его как можно поспешнее, чтобы он скорее мог вступить в рай. Если же это был грешник, то будьте счастливы скорее с ним расстаться». Покойного обмывают и бреют ему грудь, а потом его окуривают благовониями и обвивают тело простыней, прося Аллаха быть милостивым к усопшему. Тело усопшего зашивается в полотняный мешок с отверстиями на обоих концах (или в простыню, которая на концах тоже не сшивается). По верованиям турок, всякий правверный мусульманин после смерти подвергается суду двух ангелов, которые выдергивают его из этого мешка за оставленный на голове клочок волос, а потом задают разные вопросы, чтобы удостовериться — достоин ли тот войти в рай. После этого покойного кладут в гроб (наподобие нашего) и накрывают красным покрывалом. Но если усопший был военным, гроб накрывают зеленым покрывалом.

Могила, в которую опускают покойника, сначала тоже обкуривается ладаном, чтобы отогнать злых духов. Турецкие могилы обычно делаются просторными и со сводом, так что покойник помещается в них как будто в маленькой комнатке. Спокойное и удобное положение весьма важно для усопшего, так как по турецким верованиям в некоторой части тела покойника еще сохраняется жизнь как зародыш будущего воскресения. Часть эта называется «аль-айб», но где именно она находится — неизвестно, поэтому турки заботятся о сохранении и невредимости всего тела усопшего.

Покойников всегда хоронят обращенными лицом к Мекке. Когда тело усопшего опущено в землю, родственники втыкают в ноги могилы кипарисовую ветку, и добрый сын (при рождении которого отец посадил платан) будет заботливо поливать дерево в память о родителе. Таким образом, на мусульманских кладбищах всегда растут молодые кипарисы.

Кладбище Скутари — самое известное на всем Востоке — растянулось вдоль берега на несколько километров, и если бы на этой площади посадить зерно, то хлебом собранного урожая можно было бы прокормить целый город. А камнями с могил можно было восстановить все городские стены.

После кипарисов другой особенностью турецких кладбищ являются надгробные камни. В Скутари в некоторых местах здесь расположились магазины по продаже мраморных памятников и мастерские, в которых искусные мастера вырезают горельефные надписи с изящными закруглениями и росчерками. Почти все надгробные памятники Скутари высечены из мрамора (даже у бедняков), до того дешев здесь этот камень.

Один камень (большой) обычно ставится на могиле в головах усопших, другой (поменьше) — в ногах; на могилах лиц более состоятельных лежит еще и мраморная плита. Могильные камни высечены обычно в форме человеческой фигуры; камни на могилах взрослых людей и юношей обычно накрываются тюрбаном или красной феской, размеры которых зависят от общественного положения покойного. На уровне груди по-турецки пишется имя покойного и перечисляются добродетели. Выпуклые позолоченные буквы долго сохраняют свой блеск... Если тюрбан сдвинут несколько набок, значит, здесь погребен обезглавленный; у турок не считалось бесчестьем потерять жизнь по воле султана. На могильных камнях иногда даже встречаются поэтические намеки на это

обстоятельство: «Мощная рука быстро положила конец его земному существованию и отправила его к Господу Судье, Всемиловитому Владыке». Или еще так: «На склоне жизни тень монаршей милости покинула его».

На могилах очень богатых людей вместо надгробных камней воздвигнуты художественно изваянные саркофаги. Камни на могилах женщин украшены цветами, а на могилах девушек — бутонами роз.

Турки предпочитают хоронить своих усопших родственников на азиатском берегу, так как твердо уверены, что христиане когда-нибудь снова овладеют Константинополем. Если же их похоронят в европейской части, то гяур будет попирать ногами прах правоверного. Нарушение покоя мертвых считается преступлением, а разрытие земли на кладбище — святотатством.

На кладбище «Караджа Ахмед» обращает на себя внимание купольное сооружение, установленное на шести колоннах. Здесь в XVIII в. была похоронена любимая лошадь султана Махмуда I.

Казармы султана Селима II, о которых говорилось выше, находятся к юго-западу от кладбища и представляют собой огромное здание с четырьмя большими куполами по углам. Во время истребления янычар часть мятежного войска, переправившись через Босфор, напала на казармы, надеясь обратить их в крепость и затем захватить весь город. Но пушки султана отразили бунтовщиков и разделили их на две части: один отряд побежал вдоль берега к Мандании, другой отступил к Босфору, снова переправился на европейский берег и засел в лесах около Белграда, откуда делал вылазки, приводя в ужас всю округу. Усмирить их не было никакой возможности, наконец, решили поджечь лес со всех сторон. Пламя распространилось с необыкновенной скоростью, и оставшиеся в живых янычары вынуждены были оставить

свои убежища. Они бросились бежать, но на окраине леса их встретил шквальный огонь.

Южнее расположен госпиталь, в котором английская сестра милосердия Флоренс Найтингейл ухаживала за солдатами, раненными во время Крымской войны¹. Долгое время здесь размещалась школа, а совсем недавно здание было передано медицинскому училищу.

Кыз-кулеси

(Девичья, или Леандрова башня)

Прямо против Скутари, где быстрые воды Босфора встречаются с течением Золотого Рога, видна башня, встающая из бурунов и поражающая белизной своих стен. Местность эта была известна уже с античных времен. Здесь афинянин Харес похоронил свою жену, которая сопровождала его в военных походах. В византийские времена тут стояла башня, построенная императором Мануилом и составлявшая часть укреплений, которые замыкали вход в Босфор и пристань Константинополя. В военное время башня соединялась с европейским берегом длинной цепью, а другой ее конец находился у Серайского мыса. Натянув цепь, можно было блокировать Босфор.

Султан Мехмед II разрушил башню, а потом повелел соорудить заново, после чего она сначала была своего рода семафором, а потом госпиталем для больных чумой. Башня, стоящая в 180 м от азиатского берега Босфора, представляет собой четырехугольное каменное здание высотой около 40 м. Увенчанная фонарем и шпилем, она стоит на одинокой скале и в настоящее время служит

¹ Подробнее о Флоренс Найтингейл можно прочитать в книге «100 великих наград».

маяком для кораблей, так как здесь иногда случаются такие густые туманы, что оба берега пропадают из виду.

Одно из названий башни происходит от легенды о влюбленных Леандре и Геро — жрице богини Артемиды. Европейцы называют башню именем несчастного юноши, который утонул в проливе, когда плыл к своей возлюбленной. Тогда на Босфоре разразилась буря, и юная девушка стояла на башне с фонарем в руках, а бесстрашный Леандр плыл среди разъяренных волн ради одной минуты свидания со своей Геро. Чувствуя, что силы покидают его, Леандр воскликнул: «О боги! Если вы судили мне смерть, то дайте хотя бы один час провести возле моей Геро, а потом можете утопить». Но боги были безжалостны...

Турки, наоборот, называют эту башню именем красавицы и переделывают легенду на свой лад.

«Один султан безмятежно правил во все дни своего царствования. Все у него было, и хотел он только одного — пережить себя в потомстве. Каждый день он усердно молился Аллаху, посылал богатые дары в Мекку, строил мечети и имараты, и благотворительность его простиралась даже на животных... И хотя в гареме султана были красавицы из разных стран, но ни одна не подарила ему радость отцовства. Наконец в одну ночь, после долгих молитв и скорбных вздохов, султан в утомлении заснул и во сне явился ему почтенный летами дервиш, который сказал: «Повелитель правоверных! Ты посеял много добрых дел и должен пожать плоды — благословения бедных вознеслись к Пророку, и он хочет наградить тебя. Любезнейшая из твоих невольниц скоро подарит тебе дочь — прелестную, словно светило ночи. Однако смерть будет угрожать ей от жала змеиноного. Но по воле судьбы предвечной есть средство, чтобы избежать этого несчастья. Избери место уединенное и неприступное, где никогда

не ступала нога человека. И построй там башню, которая будет убежищем дочери твоей и охранит ее и от насекомых ядовитых, и от взоров мужских, которые еще опаснее».

Пробудившись, султан призвал визиря, рассказал ему о чудесном сновидении и повелел, чтобы немедленно вознесли молитву Аллаху во всех мечетях. А потом стал советоваться с визирем о том, как употребить в пользу советы дервиша. Пригласили они мудрых вельмож и ученых мужей, те долго спорили, но ничего не придумали. Огорченный султан поделился печалью с наложницей, которая готовилась подарить ему дочь, и та присоветовала построить замок на скале, находившейся неподалеку от Скутари и всегда покрытой водой.

Султан остался доволен этим советом, и вскоре вознеслась башня, устроенная со всей роскошью Востока. Драгоценные металлы и мрамор сияли на ее стенах; диваны и кресла, изготовленные из ценных пород деревьев, были украшены слоновой костью и перламутром; на полу лежали богатые ковры... В подруги юной принцессе выбрали прекрасных невольниц из грузинок, отличавшихся разнообразными талантами.

Принцессу перенесли в замок уже сразу же после рождения, и один только отец приходил сюда. Каждый день восхищаясь дочерью, он называл ее Михир-Шихил (Солнце красоты). Не надо говорить о том, что все желания юной принцессы предупреждались, и она в неге и роскоши возрастала умом и красотой. Но когда девочке исполнилось 14 лет, ей наскучили прежние забавы, и великолепный замок превратился для юной прелестницы в тюрьму. Султан заметил грусть дочери и легко угадал причину ее. И хотя многие принцы искали руки Михир-Шихил, султан всем отказывал, твердо помня, что взоры мужчин для дочери опаснее глаз аспиды.

А между тем молва о красоте Михир-Шихил разнеслась далеко, и отовсюду стекались молодые юноши, чтобы хоть издали взглянуть на башню, потому что приближаться к ней было запрещено под страхом смертной казни. Прибыл в Стамбул и персидский принц, который, узнав о прекрасной пленнице, загорелся желанием во что бы то ни стало увидеть ее. Он потребовал от своего наставника — человека ученого и хитрого, чтобы тот нашел способ, как ему увидаться с красавицей, а иначе грозил удалить от себя. Хитрый персиянин, которого звали Раммал, обещал исполнить его желание и отправился на азиатский берег, откуда было ближе всего до башни. И увидел, что мосты, окружавшие замок, охранял отряд евнухов — неусыпных и неподкупных. Внешние стены башни представляли собой сплошную поверхность безо всяких отверстий, а освещались только через отверстия, проделанные в своде. Раскаялся Раммал в поспешном обещании и стал уныло размышлять только о том, как спасти славу свою и не лишиться милостей принца.

И вдруг он увидел, как в небо с кровли замка взмыл голубь. Порхая в воздухе возле стен башни и крылом своим быстро всплескивая воду, он описывал многочисленные круги, однако же не отдалялся далеко от жилища своего. В уме хитрого персиянина мелькнула мысль приручить голубя. Он знал семена, которыми эти птицы любили лакомиться, и уже на другой день оделся рыбаком, чтобы не возбудить подозрений. Встав на ближайшей к башне скале, Раммал, увидев голубя, бросил несколько зерен. Птица с жадностью устремила на добычу, и персиянин прикармливал ее до заката солнца. К зернам он прикрепил невидимые шелковые нити, и голубь все сильнее запутывался в них.

Когда совсем стемнело, так что уже ничего не было видно, Раммал стал тянуть за нити, и вскоре голубь оказался у его ног. Схватив его, он побежал к принцу, который в нетерпении ходил по террасе. Принц отогрел го-

лубя, долго забавлялся с ним, а потом посадил в золотую клетку с голубками. И вскоре птица забыла о своей неволе, полюбила принца и приучилась лететь на его зов. Через некоторое время принц написал нежное письмо, приложил к нему свой портрет и вверил этот залог любви своей голубю. Когда птицу выпустили на свободу, она тут же взвилась в воздух и устремила к башне...

А принцесса, не видя своего любимца, все это время пролиwała горькие слезы. И когда голубь возвратился, осыпала его поцелуями и ласками. Увидев письмо, она распечатала его, прочитала, прижала к сердцу портрет, нежно целуя его... А потом принцесса надела на шею голубя зеленую повязку с жемчужинами, что на Востоке означает надежду, и выпущенный на волю голубь тут же полетел к принцу.

Так между молодыми людьми завязалась переписка, и вскоре Михир-Шихил, томимая неволей и любопытством, тоже захотела увидеть принца, чей портрет врезался ей в сердце. А тут еще молва разгласила, что в Скутари прибыл знаменитый садовник, который своей волшебной силой создает удивительные цветы. Турки, страстные любители цветов, устремились туда толпами. Придворные тоже прибыли туда, и султан выбрал для своей дочери лучшие цветы, а та уже знала, кто обладатель этого дивного сада.

И она захотела увидеть гуллинек — прелестнейший цветок Востока, на каждом лепестке которого блестит по 30 круглых цветочков, изливающих запах необыкновенный. Гонцов послали в Персию, но они вернулись ни с чем, и принцесса сильно загрустила. Султан не знал, чем развеять печаль дочери, как вдруг к нему явился Раммал и сказал, что есть у него этот прелестный цветок. Но просил, чтобы цветок принцессе доставила его дочь. Султан согласился, а между тем Раммал все уже приготовил для успеха своей хитрости.

Наполнив корзину цветами, он поместил среди них и гуллинек. И надо ли говорить, что вместо дочери своей он представил принца, закутанного в женскую одежду — только глаза блестели сквозь прорези покрывала. Султан, желая поскорее обрадовать любимую дочь, приказал приготовить легкую лодку, и все поплыли к башне. Мнимая дочь садовника неотступно следовала за ним... И вот уже принцесса протянула руку, чтобы сорвать с веточки цветок. Но тут страшная змея выползла из-под цветов, подняла свою голову и, обвившись вокруг руки девушки, доползла до ее груди и ужалила.

Принцесса упала на руки своей прислужницы, и глаза ее медленно закрылись. Пораженный, как громом, султан сам словно бы лишился жизни; все присутствующие зарыдали, а переодетый принц, виновник этого несчастья, бросился к девушке и стал высасывать яд из раны. Этим он спас жизнь своей возлюбленной, и благодарный султан отдал дочь ему в жены».

Топхана

Топхана — это часть бывшего предместья, размещавшегося на полуострове Пера. Когда-то здесь находился арсенал, в котором турки отливали свои пушки и хранили артиллерийские орудия. Современное монументальное здание Топханы, устроенное с островерхими окнами и башнями, а на крыше — с несколькими куполами, появилось в 1803 г. Сейчас здесь размещается воинская часть, и вход в мастерские закрыт.

А когда-то широкая набережная, отделявшая арсенал от Босфора, всегда была уставлена в несколько рядов пушками разного калибра. Особенно много было пушек, захваченных в разных христианских городах. На двух дворах арсенала янычары учились обращаться с этими

пушками и воевать со всякого рода оружием. Таким образом, в Топхане пушки проходили «пробу»: из них же в праздничные дни производили стрельбу. А так как турки очень любили пушечную пальбу, то в прежние времена выстрелы в Стамбуле раздавались почти с утра до вечера. Так они означали восход и заход солнца, рождение ребенка и смерть преступника, всякое передвижение султана — куда бы он ни поехал, начало и конец праздников Рамазан, Курбан Байрам и др. В военное время привоз носов и ушей неприятеля для выставления их у ворот серальского дворца тоже возвещался выстрелами пушек. При каждом военном успехе, даже самом незначительном, Пера и оба берега Стамбула сотрясались от пушечной пальбы.

В начале греческой революции уставленная пушками набережная Топханы чуть было не сгубила Перу. Один из пожаров, вспыхнув в отдаленном конце предместья, распространился до набережной, и около полуночи город Скутари вдруг был осыпан ядрами. Тотчас распространился слух, что греки будто бы овладели арсеналом и открыли огонь из его артиллерии. Возмутившиеся янычары, давно искавшие предлог ограбить греков, кинулись к берегу, чтобы на каиках перебраться на ту сторону гавани. Если бы им удалось вторгнуться ночью в пылающее предместье, то в «неверной Пере» не осталось бы в живых ни одного иностранца. К счастью, янычар-ага успел запереть пристань и уговорил их дожждаться гонцов, которые были посланы собрать сведения о случившемся. Выяснилось, что турки не вытащили ядра, которыми были заряжены пушки, и когда огонь добрался до них, они сами собой стали стрелять по Скутари, лежащей по другую сторону пролива.

Главной в Топхане была пристань — самый многолюдный причал судов, плававших по Босфору и Мраморному морю. Пристань представляла собой картину непрестанного движения, и здесь можно было увидеть все-

возможные лица и костюмы. Вдоль берега стоял ряд легких лодок и тяжелых галиотов, которые во всякую минуту готовы были пуститься куда прикажете. В ожидании пассажиров сидели кайкчи с чашками кофе и длинными чубуками. Стоило заговорить с ними, и тотчас обнаруживались особенности национального характера. Суетливый и словоохотливый грек почти силой потащит вас в свой незамысловатый кайк, тогда как степенный и важный турок редко проронит слово и лишь движением головы укажет на свое прекрасное судно, устланное дорогим ковром. Если возникал спор, для разрешения его являлся хаджи, надзиравший за порядком на пристани. Он скромно вмешается в спор, уймет азартного грека и, не отдавая преимущества соотечественнику, предложит пассажиру самому выбрать судно.

Чтобы перейти к следующей достопримечательности Топханы, сначала расскажем о воде, которая у турок считается даром Аллаха, разрешившего пользоваться ею всем безвозмездно. Благочестивый турок набожно старался, чтобы недостатка в ней не испытывали ни люди, ни животные. Вода не может быть чьей-то собственностью, поэтому перед дверью его жилища всегда стоял какой-нибудь сосуд с водой для бродячих собак. А в камнях турок выдалбливал лунки, чтобы в них скапливалась вода для птиц.

Если где-то открывался ключ или ручей шумел в траве, там устраивали фонтаны, чтобы путник мог освежиться в знойное время и совершить омовение. По этой причине в Стамбуле много фонтанов; некоторые из них обложены мрамором, украшены скульптурой в турецком вкусе и надписями из Корана, содержащими в себе поучение о любви к ближнему. Тот, кто устраивал фонтан, никогда не позволял себе вырезать на нем свое имя. Потому что турок никогда не хвастается своими добрыми делами; а его любимой поговоркой является следующая: «Делая добро, бросай его в море, но так, чтобы и рыбы того не видели. Тогда Аллах благословит тебя».

В Топхане находится один из лучших в Стамбуле фонтанов, который был устроен в 1732 г. при султанах Махмуде I. Фонтан представляет собой четырехугольное здание с далеко выдающимся карнизом, над которым возвышается балюстрада. Стены фонтана усыпаны арабесками, изречениями из Корана и поэтическими строками турецких, персидских и арабских авторов.

Вокруг этого фонтана расположился рынок — самое шумное место Перы. Он всегда заполнен многочисленной и шумной толпой народа. В прежнее время из продававшихся здесь товаров больше всего бросались в глаза тыквы и дыни — «колокинфы» (как называли их греки). Они складывались кучами, высота которых иногда доходила до 5 м. Их было более двадцати сортов, и некоторые из них — большие и белые — издали казались комьями снега, а вся куча — сугробом. Продолговатые и тонкие назывались «долма». Выкинув мякоть, турки наполняли их рубленым мясом, и это было у них одним из самых любимых блюд...

Хюнкар-искелесу

Наше повествование о Стамбуле приближается к концу, и из всего вышесказанного читатель, наверное, уже может сделать вывод, что для России и русских Турция — страна особенная, исключительная. Все прежние войны между нами — дела давно минувших дней, к тому же мы больше дружили, чем воевали. А возвращаясь к рассказу о завоевании Константинополя, следует сказать и о том, что последний византийский император в отчаянии обращался за помощью к папе римскому, чтобы получить помощь Запада путем уступок в вероисповедании. Но монахи Пантократоровой обители оказали сильное противодействие его планам: они ходили по городу и возмущали народ. А сделать это было нетрудно, потому что

византийцы хорошо помнили почти 60-летнее правление латинян. Не вдаваясь сейчас в богословские споры о вере, отметим, что тогда византийское духовенство поддержало призыв народа: «Лучше полумесяц, чем кардинальский пурпур; лучше турецкий тюрбан, чем митра латинян!».

А в этой главе мы хотим рассказать об обширной долине Хюнкар-искелеси, которую в первой половине XIX в. прославило почти невероятное для того времени событие. Но сначала о самой долине...

Слово «хюнкар» означает «человекоубийца», и таким титулом — самым невероятным в мире — турки в прежние времена величали своих монархов. Причем давалось это прозвище в виде почетного звания — без малейшего отношения к личному характеру султана. Поэтому вся обширная долина, куда прежде султаны выезжали на отдых, получила название «Хюнкар-искелеси» — «пристань человекоубийцы», то есть султанская пристань.

Для отдыха султанов в Хюнкар-искелеси был устроен павильон — в соответствии с привычками царственной жизни: водоемы были выложены мрамором, стены комнат богато украшены... И всей этой роскоши султан Селим III не пожалел, когда завел в Скутари типографию, а павильон превратил в бумажную фабрику.

Турки всегда свято относились к бумаге и в обыденной жизни старались не употреблять ее — на ней пишется священное имя Аллаха, потому и нельзя использовать ее для недостойных целей. Это религиозное чувство долгое время запрещало им и Коран печатать на бумаге, так как считалось святотатством тискать его в печатном станке. Правда, есть и более основательная версия этому: священные книги у турок, как и у нас, называются «писанием», поэтому и Коран всегда должен быть написан рукой, а не напечатан, ибо тогда его нельзя будет назвать «писанием». Была и еще одна причина долгого непеча-

тания Корана — участь бедных киатибов (переписчиков), которые только тем и существовали, что переписывали священные книги.

Попутно расскажем, что трепетное отношение турок к бумаге простиралось до того, что, заведя на земле даже маленький клочок ее, они бережно поднимали его и подносили к лицу, потому что на бумаге пишется имя Аллаха. В день последнего суда, когда Пророк Мухаммед захочет взять своих последователей из тех мест, где они несут наказание за грехи, и ввести их в вечное блаженство, они должны будут идти к нему босыми ногами по длинной раскаленной решетке. Другой дороги нет! И тогда явится им на помощь всякая бумажка, которую они когда-то подобрали и сохранили, так что, ступая по ней на раскаленной решетке, они пройдут ничего не опасаясь и не ощущая боли¹.

Небольшую возвышенность в Хюнкар-искеlesi турки называют «Юмша-Дагы» («Великанова гора»). Древнегреческий миф повествует, будто здесь отдыхал Геракл во время плавания с аргонавтами в Колхиду, отчего греки и называли гору «Гераклово ложе». Но турки называют ее по-своему и дают этому свое объяснение. Коран признает многих библейских лиц, и один из них — это Иисус Навин, которого турки называют «Исса-ибн-Нун» (Иисус сын Навина). Мусульмане приписывают ему очень высокий рост и уверяют, что он любил сидеть на этой горе и омыwać ноги в Босфоре.

Когда Иисус Навин умер, на возвышении было мало места для его могилы, и потому здесь была похоронена только одна его нога. В подтверждение они указывают на мечеть дервишей на вершине горы и большую ограду воз-

¹ Здесь же расскажем и о том, что турки не терпят, чтобы даже лепестки роз валялись под ногами, потому что роза, по их верованиям, выросла из пота Пророка Мухаммеда.

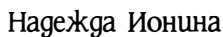

ле нее, а в ней — на могилу длиной более 6 м. Это и есть неоспоримое доказательство размера погребенной ноги Иисуса Навина. На стенах мечети видна арабская надпись, содержащая историю библейского героя, в конце которой для неверующих прибавлено: «Кто сомневается, пусть взглянет на эту надпись и уверует».

А теперь перейдем к событию 1833 г., когда Россия, так долго и упорно воевавшая с Турцией, вооружилась на ее защиту от честолюбивых замыслов египетского паши Магомета-Али. Тогда вся Европа с опасением ожидала, чем закончится борьба султана с мятежным подданным, основавшим в Африке новое государство и победившим непобедимых до того времени турок. Пятнадцатитысячный корпус русских был прислан российским императором Николаем I не для борьбы с турецким султаном и не для мщения, а для защиты Стамбула от возмущившегося вассала. Разместившись на азиатском берегу Босфора, русские одним видом своим заставили египтян отступить.

Русский лагерь располагался в Хюнкар-искеlesi на том самом месте, где некогда раскидывали свои шатры крестоносцы. Но «освободители Гроба Господня» тогда нагло ограбили царьградских купцов, которые пришли к ним со своими товарами. А русские войска пришли на помощь, и русский царь добром оплатил и спас властителя, который еще совсем недавно называл себя врагом России.

Султан Махмуд II несколько раз посещал воинский стан русских, любовался стройностью его рядов и, делая смотр нашим войскам, всегда приветствовал их по-русски: «Здорово, ребята!». В Хюнкар-искеlesi стекалось все население Стамбула, чтобы в лицо увидеть воинов севера, так часто наводивших на них трепет. В память о пребывании русского корпуса был воздвигнут огромный обломок гранита «Москов-таш» — символ русской твердости. Эта каменная глыба была поставлена генералом Н.Н. Муравьевым (впоследствии покорителем Карса). На памятнике есть две надписи: на одной стороне —

На это поле приходили гостями русские войска и ушли;
Этот скалистый камень пусть будет напоминанием о том!
Подобно ему, да будет нерушимо согласие
между обеими державами.
Пусть весть об этом распространят друзья!

Бейоглу — «Сын господина»

Со временем местные греки и другие христиане, которым становилось тесно в Галате, начали строить здесь

Район Бейоглу

свои дома. В Перу переселялись также и потомки богатых фанариотов — крупных греческих банкиров, купцов и ростовщиков. Поэтому турки и назвали новый район «Бейоглу» («Сын господина»). Название это переводится и как «сын царя», так как по одной из версий, в этом предместье жил один из сыновей византийского императора Иоанна Комнина.

Район Перы сильно пострадал от пожара 1831 г., но он же много поспособствовал и украшению ее. Довольно скоро на месте уничтоженных зданий возник совершенно новый город. Европейские государства возвели здесь новые здания своих посольств, которые представляли удивленному взору все красоты европейского зодчества. Некоторые из этих зданий выстроены в 5—7 этажей. Дома

людей богатых строились и украшались тоже по образцу европейских, и вскоре Истикляль джаддеси — главную улицу Перы — можно было принять за какую-нибудь улицу Рима или Парижа. В Пере находилось множество шикарных и модных магазинов, поэтому здесь постоянно шумела оживленная толпа.

Но когда-то в этом районе были узкие улицы, почти без тротуаров; и извозчицьи экипажи, вагоны конно-железной дороги и толпы пешеходов смешивались здесь в одну кучу. При звуке кондукторских рожков, то и дело оглашавших улицы, толпа на некоторое время расступалась, чтобы через несколько секунд вновь сомкнуться. В основном здесь передвигались пешком и верхом, и до 1871 г. Пера не знала другого экипажа, кроме носилок. Кто-то из французов попытался было пустить между центром нового города и предместьем Кеат-хане (турецким Версалем XVIII в.) линейки, но вынужден был отказаться от этой затеи, так как единственная дорога оказалась непроезжей. Примерно через пять лет другая компания пустила омнибус до Шишли (одного из самых богатых кварталов Перы), но тоже вынуждена была прекратить дело, так как горожане не решались выходить на прогулки так далеко. Особенно затруднительным движение становилось по вечерам, когда даже желтые огни фонарей не могли побороть непроницаемый мрак южной ночи.

Но в это же самое время оживлялись увеселительные заведения, и среди них — развеселый кафе-шантан «Конкордия» с певичками-шансонетками всех видов и оттенков. Начиная свою карьеру на подмостках Парижа, Берлина, Вены и других городов, они после нескольких лет злоключений своей переменчивой судьбы всегда попадали в стамбульскую «Конкордию», а отсюда выход был только в Порт-Саид — самый безнадежный для них город. В «Конкордии» всегда можно было увидеть разношерстную толпу любителей мишурного развлечения: шансонетки уживались здесь с отчаянной рулеткой, где за короткое

время дочиста обирали доверчивых игроков. Не в меру ею увлекавшиеся богачи в момент становились нищими, и нередко были случаи самоубийства.

Однако со временем «Конкордия» совершенно изменила свой прежний характер. Сначала посетитель входили в миниатюрный садик, где под навесом были расставлены стулья. Когда они занимали свои места, им предлагалось послушать скромную и целомудренную итальянскую оперу. И охотников оказывалось, на удивление, много: все места занимала семейная публика, среди которой было много дам и барышень. Так проходил вечер, и с последними звуками оперы европейская публика отправлялась спать.

Неподалеку от Перы, в лабиринте узеньких улочек, стоит неприметный домик, в котором скончался великий польский поэт Адам Мицкевич. Вернее, дом тот сгорел в 1870 г., но уже в 1880-х гг., благодаря стараниям жившего в то время в Стамбуле поляка Ратынского, на его месте был выстроен точно такой же. В декабре 1955 г., к 100-летию со дня рождения великого поэта, здесь был открыт скромный музей, который представлял собой постоянную выставку вещей, оставшихся после А. Мицкевича. В подвале дома стоит точная копия склепа, в котором останки поэта, а также хранится его посмертная маска. На первом этаже и в мезонине расположились репродукции портретов и бюсты Адама Мицкевича, выполненные различными мастерами, в том числе и Ксаврием Дуниковским, реставрировавшим «Вавельские головы»¹. Тут же лежат факсимиле оригиналов «Пана Тадеуша» и «Дзядов», издания «Пана Тадеуша» на разных языках и много других памятных вещей, среди которых — портреты русских поэтов А.С. Пушкина и К.Ф. Рылеева...

¹ Подробнее об этом можно прочитать в книге «100 великих музеев».

«Полынью пахнет хлеб чужой...»

«В летописи 1920-й год отмечен как год мирного завоевания Константинополя русскими», — так напишет в своих воспоминаниях В.В. Шульгин. После Октябрьской революции 1917 г. десятки тысяч русских людей с тоской и слезами покидали свое отечество. В составе армии П.Н. Врангеля родные края оставляли 40 000 донских, 16 000 кубанских и 1000 терских казаков. Они плыли в страну, против которой не раз сражались, защищая свои земли и станицы. Еще так недавно воевали они против турок в Первую мировую войну, и вот сейчас им приходится снова направляться в Турцию — но уже не как завоевателям, а в силу жизненных обстоятельств. Как-то еще их встретит Восток и какая судьба выпадет им на чужбине?

Вместе с казаками уходили за рубеж и атаманы, кото-

рые вовлекли их в Гражданскую войну, а теперь уводили за пределы России. Местом сосредоточения казаков и других беженцев стал Константинополь — жизненно важный для России город, который она хотела захватить и в Первую мировую войну. И вот теперь он был заполнен русскими, но заполнен поневоле — без каких-либо захватов.

Русские беженцы оставались в Стамбуле до 1940-х гг., но влияние их на жизнь города — особенно Перы — наиболее заметно было в 1920—1924 гг. В эти годы на Истикляль открывались русские

В.В. Шульгин

кафе и кабаре, а на окраинах — дешевые ночные клубы, в которых бывшие знатные дамы предлагали посетителям водку и другие русские угощения.

Везде была слышна русская речь, повсюду стояли русские беженцы, продававшие все, что только можно было продать, — пончики, цветы, открытки. Некоторые держали в руках пачки «николаевок» или «деникинских колокольчиков»... Кругом сутолока, крики, давка — народ суетится, наступает друг на друга. Здесь можно было увидеть полковника в погонах и с Георгиевским крестом на груди, который продавал газеты и безучастными глазами смотрел на прохожих. Бывшие землевладельцы торговали на улицах Стамбула спичками, сигаретами, рыболовными сетями и прочей бытовой утварью... Все исхудавшие, а в лихорадочно горящих глазах застыли бесконечная печаль и тоска.

Однако продавцов было слишком много, а покупателей мало, и русские люди брались за любую работу. Они становились плотниками и кузнецами, каменотесами и портными, садовниками и водителями, рыбаками и грузчиками, матросами на греческих торговых судах...

Но в Стамбуле открывались и центры помощи русским беженцам — при дворце Долма-бахче и во всех основных районах города; работали бесплатные столовые... И все равно страшно было одному очутиться в огромном, чужом городе, без копейки денег, без знания языка... Все кругом незнакомое, все куда-то спешат, и никому нет до тебя дела, хоть упали на раскаленные плиты тротуара и умирай. Наиболее предприимчивые из русских открывали в городе рестораны, бары, ночные клубы, казино, кофейни, в которых смешалось все — молодость и красота, величие и нищета, надежды и слезы, тоска и отчаяние... Кафе и ресторанчики были заполнены русскими оркестрантами; люди, не бравшие музыкальных инструментов в руки по 10—15 лет, вынуждены были вспомнить о своих талантах.

На Пере писатель Аркадий Аверченко открыл ресторан под названием «Гнездо перелетных птиц», рассчитанный на богатых русских беженцев, которым удалось вывезти из России «ценную валюту». Мгновенно туда пристроилось множество беженцев, широкой рекой потекли праздные иностранцы — и ресторан пошел в гору.

На Пере был открыт и «Салон хиромантии»: предсказатель ложился в гроб, прикидывался мертвым и изрекал судьбу перепуганному насмерть клиенту. За сеанс платилась всего одна лира, и от охотников отбоя не было. А сколько было игорных домов, кафе, казино и тому подобных заведений, которые росли как грибы после дождя. В Галате открыли даже «Театр живых порнографических картин»...

Знаменитые «тараканьи бега» посещал весь русский бомонд. Здесь проигрывались целые состояния — как на настоящих бегах. Владельцы заведения загребали большие деньги и жили припеваючи. Были среди тараканов и свои фавориты, как, например, знаменитый «Янычар» из пьесы М.А. Булгакова «Бег»...

А сколько в Стамбуле было проституток, бродивших по улицам города целыми отрядами и в одиночку?! Особенно много их было на Пере: они стояли у ярко освещенных витрин ресторанов и магазинов в кричащих «остюмах, накрашенные и напудренные, и предлагали себя. Так русская беженка превратилась на чужбине в потаскушку...

Частыми посетителями русских ресторанов и ночных клубов были турки, очарованные «голубоглазыми блондинками севера». Прибывшие в Стамбул русские женщины произвели настоящий фурор, восхищая и пугая своим весельем и непринужденностью поведения. Профессор Зофер Топрок из Стамбульского университета писал: «Русские красавицы, продававшие билеты в кофейнях Галаты и Бейоглу, буквально опустошали карма-

ны состоятельных людей». Но в Стамбуле большинству русских аристократок пришлось пережить и тяжелые времена. Барышни и дамы занялись изготовлением искусственных цветов; выросшие в неге и роскоши дворцов графини, баронессы и княгини работали в увеселительных заведениях города посудомойками, билетершами, гардеробщицами.

Повышенный интерес турецких мужчин к русским красавицам приводил в собственных их семьях к осложнениям и даже к разводам. Дело дошло до того, что турецкие женщины потребовали от властей депортации россиянок. Свободнее вздохнуть турчанки смогли только в середине 1920-х гг., когда основная масса русских беженцев переселилась в Европу, и в Константинополе осталось не более 10 000 выходцев из России.

Многие уезжали и в Америку, но впоследствии никто и никогда не забывал Турцию, а для некоторых воспоминания о ней до конца жизни оставались одними из самых прекрасных и теплых. Нигде русские не видели столько доброты и великодушия; нигде они не были так восхищены национальным характером турецкого народа, сочетавшим в себе достоинство, гордость и храбрость льва.

Покидая турецкую столицу, русские с благодарностью говорили: «Спасибо, Константинополь! Спасибо, Стамбул! Ты принял нас в свои объятия, ты приютил нас, нашел нам работу, спас наши жизни! Прекраснейший город на свете, мы никогда не забудем тебя!».

Несколько слов вместо послесловия

Вот и закончился наш краткий рассказ о Стамбуле — городе с удивительной историей и судьбой, одним из тех городов, которые наиболее близки сердцу русского человека. Если и читатель, познакомившись с настоящей книгой, проникнется этим чувством, значит, поставленная автором задача выполнена. Потому что мы хотели рассказать о необыкновенном городе, который не может вызывать никаких других чувств, кроме восхищения. В нем можно бесконечно любоваться живописной красотой Босфора и бухтой Золотой Рог, величественными мечетями и дворцами и находить очарование в тесных, узких улочках и затемненных переулках. Стамбул — это город, который снится... Чтобы прикоснуться к нему душой, его надо видеть, походить по его людным улицам, побывать на шумных базарах, полюбоваться сокровищами его музеев... А еще Стамбул надо слышать, как об этом написано у поэта Орхана Вели:

Я слушаю Стамбул, закрыв глаза.
Сначала дует легкий ветерок,
Едва колыхнется листва на ветках сливы,
И крики водоносов издалёка
Доносятся до слуха моего.
Я слушаю Стамбул, закрыв глаза.

Я слушаю Стамбул, закрыв глаза.
Вот птицы, гомоня, за стайей стая
Высоко в небе пролетают.
Вот рыба бултыхается в садках.
Вот женщина в саду полощет ноги.
Я слушаю Стамбул, закрыв глаза.

Я слушаю Стамбул, закрыв глаза.
Тенист, прохладен Крытый рынок,
Шумит, кипит Махмуд-паша.
И голубей полны дворы,
И молоты грохочут в доках,
И в воздухе, пропахшем потом,
Весна, весна, любовь моя.
Я слушаю Стамбул, закрыв глаза...

Содержание

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДА	3
Введение	3
Древний Византий	6
Император Константин Великий и основание Константинополя	15
Ипподром	23
Партии Цирка	27
«Синие» и «зеленые»	31
Императрица Феодора на троне	38
«Чтобы не утонуть в невежества пучине...»	46
Иконоборческая ересь	53
Захват Константинополя крестоносцами	63
Завоевание Константинополя турками	72
Значение Константинополя для России	82
Пророчества о Константинополе	90
 АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ КОНСТАНТИНОПОЛЯ	 96
Колонна императора Константина	96
Церковь Святых Апостолов	100
Крепостные стены и башни Константинополя	102
Храм Святой Софии	110
Церковь Пантократора	117
Церковь Святой Ирины	120
Церковь Хора	125
Живоносный источник в Балуклии	132
Вдоль по улице Меса... ..	137
Площадь Августейон	144
Большой дворец византийских императоров	147
Влахернский дворец	155

Влахернская церковь	158
Церковь Святых великомучеников Сергия и Вакха	165
Византийские цистерны и водопроводы	167
Константинопольские бани	174

ИСТОРИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНЫЕ МЕСТА

СТАМБУЛА	178
Храм Святой Софии при турецком владычестве	178
Мечеть Эйюба	188
Султанский дворец Топкапы	194
Гарем	209
Сокровища дворца Топкапы	216
Тайны Серая	223
Дворцы Бешикташ и Долма-бахче	229
Дворец Бейлербей	234
Другие дворцы Стамбула	238
Фатих-джами (мечеть султана Мехмеда Завоевателя)	241
Мечеть султана Баязида II	244
Мечеть султана Селима I	247
Мечеть Сулеймана Великолепного	249
Шах-заде (Мечеть принцев)	256
Гёк-джами (Голубая мечеть)	259
Ени-джами (Новая мечеть султанши-матери)	264
Другие мечети Стамбула	268
Едикуле (Семибашенный замок)	271
Монастырь вертящихся дервишей	275
Старинные кофейни Стамбула	282
Фанар	286
Обелиски Ат-мейданы	292
И янычары опрокинули котлы... ..	298
Стамбульские базары	305
Очищение в хаммаме	314
Археологический музей	321
Галата	328
Румели-хиссари	335

Анатоли-хиссари и «Азиатские пресные воды»	340
Босфор	346
Ускюдар (Скутари)	352
Кыз-кулеси (Девичья, или Леандро́ва башня)	358
Топхана	363
Хюнка́р-иске́леси	366
Бейоглу — «Сын господина»	370
«Полынью пахнет хлеб чужой...»	374
Несколько слов вместо послесловия	378

Научно-популярное издание

Тайны знаменитых городов

Ионина Надежда Алексеевна

СТАМБУЛ

История. Легенды. Предания

Генеральный директор *Л.Л. Палько*

Ответственный за выпуск *В.П. Еленский*

Главный редактор *С.Н. Дмитриев*

Редактор *Н.Б. Сергеева*

Корректор *Л.В. Суркова*

Верстка *И.В. Резникова*

Разработка и подготовка к печати
художественного оформления *Е.А. Бессонова*

ООО «Издательство «Вече 2000»

ЗАО «Издательство «Вече»

ООО «Издательский дом «Вече»

129348 Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Гигиенический сертификат

№ 77.99.02.953.Д.008287.12.05. от 08.12.2005 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 26.01.2007. Формат 84 × 108 1/32.

Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 12.

Тираж 5000 экз. Заказ № С-10.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

129348, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24.

Тел.: (495) 188-88-02, (495) 188-16-50, (495) 188-65-10.

Тел./факс: (495) 188-89-59, (495) 182-60-47

Интернет/ Home page: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «Вече».

Тел.: (495) 188-66-03.

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «Вече» вы можете приобрести
в издательстве и в наших филиалах по адресам:

ООО «Вече-НН»:

г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 50.

Тел.: (8312) 64-93-67, (8312) 64-97-18

E-mail: vechenn@pochta.ru

ОАО «Новосибирсккнига»:

г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, д. 1.

Тел.: (3832) 10-24-95, (3832) 10-39-67.

E-mail: sales@nkniga.ru

ООО «Вече-Казань»:

г. Казань, ул. Дементьева, д. 2в.

Тел./факс: (843) 571-33-07.

E-mail: veche-kaz@nm.ru

ООО «Вече-Украина»:

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (38-044) 537-29-20, (38-044) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «Вече»
в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва»,

ТД «Молодая гвардия»,

«Московский дом книги», «Новый книжный».

НАДЕЖДА ИОНИНА СТАМБУЛ

Стамбул загадочен и таинственен, он полон восточного очарования. Много раз город разрушался пожарами и землетрясениями, страдал от набегов иноземных завоевателей и все-таки оставался городом чудес.

Стамбул поражает своими величественными мечетями, великолепными дворцами, старинными башнями, живописными древними руинами и конечно же голубым Босфором, разделяющим город на две части. В Стамбуле путешественника на каждом шагу ожидают встречи с удивительным и неповторимым, древним и вечно юным средиземноморским миром.

ISBN 978-5-9533-1832-7

9 785953 318327

